

фантастическая
сетевая



Андрей Величко

Инженер его высочества

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Что может ждать в России начала двадцать первого века бывшего заслуженного изобретателя, бывшего ведущего инженера, а ныне мотомеханика предпенсионного возраста? Ничего, кроме нищенской пенсии.

Что может ждать в России конца девятнадцатого века больного туберкулезом в последней стадии, пусть даже он наследник престола? Ничего, кроме неизбежной близкой смерти.

Что ждет саму Российскую империю в начале двадцатого века? Ничего хорошего... то есть гибель в огне двух проигранных войн и трех революций.

А вот что будет, если эти три «ничего» сложить вместе?

- [Андрей Величко](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Андрей Величко
ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

Пролог

Обычно мемуары начинаются примерно с рождения вспоминающего и дальше идут двумя путями. Первый: я родился тогда-то и там-то, потом вскользь о родителях, о месте, где они сподобились произвести на свет героя, и снова о нем же — первые воспоминания, вторые, третьи... И так далее, более или менее равномерно по времени.

Второй же путь — сначала описание исторической обстановки в момент появления на свет автора, затем несколько фраз до перехода к описанию действительно интересных событий, происходивших с автором и вокруг него, ну а потом — уже подробно и со вкусом. Такой путь более рискован: если это только автору кажется, что он интересно описывает значимые вещи, а на самом деле нет ни того, ни другого, получается макулатура. Но я готов рискнуть. Итак...

Когда Сталин лежал в Мавзолее, а народ уже почти перестал задумываться, что же теперь будет, в семье механизатора и учительницы в деревне Григорьково Калининской области родился сын. Когда этот сын — то есть я — начал ходить, Сталина из Мавзолея вынесли, а народ снова принялся чесать репу — вот теперь точно что-то будет!

Когда я уходил в армию, водка стоила два восемьдесят семь, а Леонид Ильич был мужчиной в расцвете сил. Когда же вернулся, наш национальный напиток шел уже по три шестьдесят две, а генсек бормотал из телевизора про сиськи-масиськи и сосиски сраные... Через весьма непродолжительное время они именно такими и стали.

Когда я начинал трудовую деятельность, статус инженера был еще достаточно высок, а когда впереди, на расстоянии всего нескольких лет, замаячила пенсия, мое звание заслуженного изобретателя официально находилось всего на полступеньки выше статуса «бомж». Впрочем, это меня тогда не очень взволновало, а потом оно стало и вовсе по фигу, — да подавитесь вы вашей подачкой, у самого руки есть!

Вот, собственно, и все вступление, пора переходить к тексту.

Глава 1

Фрагменты из дневника Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Александровича

23 января 1899 г.

Сегодня грустный юбилей в моей жизни: вот уже минуло 8 лет, как закончилась моя служба в Российском Императорском Флоте.

Эти печальные для меня дни останутся в памяти до конца моей жизни, который, как я ясно понимаю, уже близок. Об этом мне говорят и красные пятна на моем платке, и глаза врачей, которые они прячут от меня. А как прекрасно начиналось то злосчастное плавание на броненосном фрегате «Память Азова»! Встреча с Ники в Триесте, а дальше были великие пирамиды в Египте, усыпальница Великих Моголов в Индии. А потом был тот злосчастный декабрь, когда «Адмирал Корнилов» и «Память Азова» стояли на якорях на Бомбейском рейде и я почувствовал, что заболел... и окончательный диагноз — чахотка. Сейчас я понимаю, что виной всему была моя беспечность. Сначала проводы после бала на «Азове» m-m N* на катере по холодному рейду в легком сюртуке, а затем сон у открытого окна на ледяном сквозняке в вагоне поезда после поездки к пирамидам в Египте. В это очень тяжелое для меня время как «луч света в темном царстве» было то незабываемое прощание моряков со мной, когда к трапу «Памяти Азова» для переправы на «Адмирал Корнилов» для меня подали катер, на котором гребцами были офицеры фрегата, а на руле — сам командир, милый Н. Н. Ломен. А как самозабвенно кричали «ура!» команды кораблей, когда мы покидали гавань...

1 февраля 1899 г.

Я чувствую себя совершенно одиноким. Вокруг высокие горы, как тюремные стены, и только единственное, что скрашивает мою жизнь здесь в Аббас-Тумане, это моя отрада — обсерватория. Как часто, смотря на холодные величественные звезды, я ловлю себя на мысли, что хочу воззвать к Господу нашему явить милость и милосердие: помоги рабу твоему Георгию. Ведь это так тяжело осознавать в 27 лет, что жизнь уходит из меня неуловимо, как песок меж пальцев, и что, возможно, я не доживу и до 28 лет.

12 февраля 1899 г.

Этой ночью мне снился очень красивый, но непонятный сон. Я сижу на моторраде. Впереди и рядом другие — очень странных очертаний, разноцветные, — на них пилоты в облегающих одеждах и в шлемах наподобие рыцарских. Я чувствую, что волнуюсь... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее других... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости.

Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится набок и едет, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14.

Это невероятно, но он едет еще быстрее меня, и в результате закончил гонку я только третьим... Проснулся с мыслью, что мне надо больше тренироваться. Очень странный сон...

14 февраля 1899 г.

Я не знаю, что же мне делать: этот сон мне снится уже третью ночь. Сегодня исповедовался отцу Константину, рассказал ему о моих снах и попросил совета. Он был явно в смущении и сказал, что я должен больше молиться, и Господь явит мне милость. Боже, помоги рабу твоему Георгию!

15 февраля 1899 г.

Сегодня я понял, что этот сон есть знак свыше и я должен научиться искусству езды на моторраде; решил не откладывать дело в долгий ящик. Вызвал к себе моего управляющего и попросил выбрать самую совершенную и быструю модель.

27 февраля 1899 г.

Управляющий доложил, что самым совершенным моторрадом является «Мотоциклет» производства фирмы братьев Вернер. Их последняя модель в прошлом году экспонировалась в Велосипедном салоне и приобрела большую известность быстротой, так как позволяла достичь максимальной скорости 35 верст в час. Фирма братьев Вернер, кстати русских подданных, имеет магазин в Москве на Петровских линиях в доме Полякова, откуда они могут прислать моторрад и механика, чтобы его собрать. К тому же их московский представитель — один из братьев Вернеров, Ипполит Антонович, — узнав, для кого делается покупка, любезно вызвался сопровождать груз и дать мне несколько уроков езды.

Мелькают по сторонам последние домики, и теперь впереди только дорога. Скорее, тропа, по которой я еду на антикварном мотоцикле. Гора слева и не то обрыв, не то вообще ущелье справа. Крым? Впереди небольшая осыпь, за ней левый поворот. Да что же я делаю?! Заднее колесо сносит. Почему-то даже не пытаюсь применить контрруление. Ногами тоже не работаю. Переднее колесо входит в занос, и мотоцикл кувыркается. Как будто забыв абсолютно все навыки, я даже не пытаюсь оттолкнуться от падающего драндулета и сгруппироваться. Сильный удар вывернутым рулем в грудь. Ребра сломаны? Во рту кровь. Все. Конец. Больше ничего делать не надо, осталось только немного подождать, пока из меня вытечет жизнь. И тогда я проснусь.

Вот зараза, да что же это за дерьмо такое мне снится?! Яркое, в цвете и даже с запахами. И вторую ночь подряд. Хорошо еще, что я от природы не нервный — более впечатлительная личность уже неслась бы к психиатру за таблетками или к экстрасенсу на рихтовку кармы. А меня хватает только на вялое недоумение — с чего это сны такие одинаковые? Кстати, мысль. Если опять приснится оно же, можно попытаться сравнить — действительно ли картинки абсолютно совпадают или просто похожи.

Больше в тот день ничего интересного, кроме заклинившего колена на одном из клиентских скутеров, не было...

А ночью я третий раз посмотрел тот же сон. Никаких, даже самых мелких, отличий от первых двух просмотров зафиксировать не удалось.

Выходной. Валяюсь на диване и пытаюсь заставить себя мыслить. Итак, что мы имеем с гуся? Три одинаковых, во всяком случае на мой взгляд, неразличимых сна подряд. Идеи?

Первая. Едет крыша. Неконструктивно, однако.

Вторая. Какая-то сволочь изобрела аппаратуру для трансляции снов и теперь испытывает ее, гоняя мне один и тот же ролик. В принципе возможно, но почему такой странный выбор сюжета?

Третья. Сон вещий. Типа и куда ж ты, козел старый, еще и на мотоциклах гонять лезешь? Вот они, мотогонки-то, чем кончаются. Хм... Как-то я небольшой спец по вещим снам, может, обратиться к профессионалам? Еще бы понять, как среди сотен шарлатанов отыскать одного, который не совсем... Так что попробую сам. Представим себе, что я внял и ни в каких мотокроссах ни в Крыму, ни на Кавказе участвовать не

буду, — так вроде и не собирался. Я больше по шоссейно-кольцевым, и ближайший этап в Курске. Там ничего даже отдаленно похожего на пейзажи из сна отродясь не было. Да и приснившееся мне не тянет на мотокросс. Скорее это что-то вроде первой поездки чайника. Вот именно, продолжим...

Четвертая. Это не я там еду. Я просто ухитряюсь телепатически (а что? никто меня еще не уличал в отсутствии соответствующих талантов вроде) видеть кусок чьей-то жизни — причем, судя по содержанию, этот кусок финальный.

Попробуем поглубже развить эту мысль. Итак, кто-то вбухал очень неслабые деньги в мотоцикл начала прошлого века, которых вообще-то сохранились единицы. Абсолютно не умея ездить, данный оригинал намылился кататься по горам, где и убился. Причем когда я спал, у него там был день. И это случилось позавчера, если первый сон шел «в прямом эфире». Такая новость уже всюю должна была бы обсуждаться в Интернете, если только дело не происходило в каком-нибудь южноамериканском или новозеландском медвежьем углу и трупик еще не нашли. Или же все сны транслировались «в записи». Этаким привет из прошлого. Кстати, если из достаточно далекого прошлого, то и мотоцикл по тем временам мог быть не раритетом, да и нулевая квалификация пилота вполне объяснима. Может, это даже какой-нибудь мой предок типа сводного троюродного прадедушки прорезался.

Чем-то мне эта версия нравится больше других. Кстати, я данный сон смотрю от первого лица — а смогу ли я вмешаться? Чуть сбросить скорость, повернуть руль... и предок выживет. А выжив, глядишь, еще и сотворит что-нибудь этакое. Вряд ли, конечно, но все равно интересно. Так что будем посмотреть...

День прошел как-то сумбурно, дела валились из рук. Наконец вечером я плюнул на все недоделанное, сел, закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Что я видел в этих снах? В деталях? Мотоцикл с широким зю-образным рулем... ручки газа, кажется, нет... совсем древность мохнатая, вот манетка^[1] на раме... тормозов вроде тоже не наблюдается... амортизации точно никакой нет, даже самой зачаточной...

Теперь вспоминаем действия пилота. Так, выехал из деревни... Блин, да он совсем рулить не умеет, как же так можно не навернуться! Впереди небольшой подъем... он двигает манетку вперед, движок тарахтит резвее... переваливает горб дороги, рука опять дергается к манетке, хочет, видать, сбросить газ... и опять вцепляется в руль! Он же просто не в состоянии

нормально управлять одной рукой! А скорость все увеличивается... Если это можно назвать скоростью. Так, уже примерно сорок... Дальше все ясно. Левый поворот ему не пройти. Без моей помощи, конечно. Ладно, ждем ночи на предмет посмотреть сон в активном режиме, если получится.

Не буду вас томить, все получилось, причем не только все намеченное, но еще и кое-что сверх того. Вон на столе литровая банка с бижутерией (или как оно там называется — золотые брошки-колечки, камни всякие средней драгоценности) стоит, ждет конвертации в рубли или евро. И кого я считал предком — тоже жив, хотя, как оказалось, он мне вовсе не предок, уж настолько-то я свою родословную знаю. Зато тезка. Правда, еще не так чтобы уж совсем окончательно жив... В общем, мне еще придется подсуетиться. Но по порядку.

Бессонницы не случилось, я задрях вовремя и, как и надеялся, увидел дубль-4. Поначалу мои попытки вмешаться в управление имели нулевой эффект. Я и смотреть-то мог только туда, куда направлял свой взор персонаж (лучше бы за дорогой внимательней следил, недоумок!). Но вот в момент, когда мотоцикл преодолел подъем... Видимо, возможностей свободы маневра у горе-пилота уже не оставалось, дальше любые его действия не меняли результата. Но это что касается его, мне же удалось изменить этот результат сразу на сто восемьдесят градусов, причем в обоих смыслах. Как только зад мотоцикла пошел в занос, я слегка повернул руль вправо, потом резко дал газ до упора, левая нога и руль ушли влево. Газ на себя, мотор глохнет... Неплохо получилось: полицейский разворот без тормозов и одной рукой — это не каждый сможет. С другой стороны, мотоциклом этот аппарат можно назвать только из вежливости. Так, велосипед с моторчиком. В общем, слез я с этого пепелаца, заодно рассмотрев его сбоку — похож на первую модель «Индианы», только бак совсем маленький и расположен над задним колесом. Хотел присесть, но тут персонаж из моего сна перехватил управление и сел сам. Я опять мог только смотреть. И слушать. Слушать? Или как это — принимать телепатемы? В общем, примерно так:

«Ты спас меня сейчас, я — из Сна? — Это он так и подумал, с заглавной буквы. — Надолго ли?»

«Я-то я, но не то я, которое ты, а которое наоборот, я... тьфу, зараза! Ну ладно, в общем, спас. Из какого еще сна?! Тебе тоже ролики снились?»

«Мне снился красивый, но странный сон. Много раз — один и тот же. Я сижу на моторраде (точно, термин „мотоцикл“ появился не сразу, как их только не называли). Впереди и рядом другие... разноцветные, на них

пилоты в странных одеждах и в шлемах наподобие рыцарских... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее всех... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости. Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится набок и мчится, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14 — это невероятно, но он едет еще быстрее, чем я...»

Ага, понятно, что ему снилось. Прошлогодняя гонка М-1 на Подольской трассе. Не занял я там ни первого, ни второго места. Не помог мне мощный мотор, Иван меня обошел сразу, а на десятом круге и Сергей. Да что там, я и Василия-то обогнал только оттого, что он упал. Тренироваться надо было больше.

«Понятно. Тебе действительно снился кусочек моей жизни. Ну а дальше? Ты что, именно в результате увиденного этот свой кошмарик на колесах заимел?»

«Это было... Ну не знаю, как сказка. Я, в общем, догадываюсь, что жить мне осталось немного. Хоть прямо никто не говорит, но... Почему-то захотелось наяву испытать такое. Выписал моторрад... только он оказался вовсе не таким, как тот. Да и я мог управлять им совсем не так, как ты. Вот сегодня я рискнул первый раз выехать из Аббас-Тумана... Ты сам видел, что было дальше. Я бы точно разбился без твоего вмешательства?»

«Не так чтобы разбился, сломал бы пару ребер... но почему-то помер бы от этого (и что же это я за скотина такая нетактичная)».

«Почему-то? Чахотка. Давно и серьезно».

Та-ак... Чахотка... Аббас-Туман... то есть, скорее всего, Абастумани...

«Слушай, персонаж, — по возможности вежливо осведомился я, — а как тебя, болезного, зовут? И какой тут сейчас у вас год?»

Д-а-а, дела. В процессе беседы со своим визави я как-то незаметно проснулся. Потом встал, оделся и закурил — нужно было потянуть время, дабы привести мыслительный процесс в относительную норму. Спасаемый оказался моим тезкой. Имя Георгий. Отчество Александрович. Фамилию он не назвал, но выдал титулы и звания. Шеф девяносто какого-то Иркутского пехотного полка. Атаман казачьих войск. Ну и на закуску — великий князь, и не просто мелочь какая-нибудь великокняжеская, а цесаревич и наследник престола. Про год я и сам догадался — 1899-й. Все это время связь с ним не прерывалась — он, похоже, просто молчал, я же давился непечатными эпитетами. Еще сильно мешала невозможность увидеть

собеседника — я мог либо своими глазами смотреть на свою же комнату, либо его глазами на летний грузинский пейзаж.

«Жалко, что я тебя не вижу», — «подал голос» Георгий.

Мне тоже было жалко, и вдруг показалось, что если повнимательнее присмотреться во-он туда, то вроде...

«Что это?» — Георгий привстал, он тоже что-то почувствовал.

Дальнейшие события заняли гораздо меньше времени, чем теперь потребуется на их описание. На стене, куда я пялился, вдруг образовался небольшой, сантиметров двадцать в диаметре, круг. Вроде иллюминатора, за которым стоял в напряженной позе и смотрел мне в глаза сухощавый бледный молодой человек. И тут началось. Как будто от могучего пинка снаружи, открылась форточка и с грохотом ударилась об угол стены. Воздух со свистом уходил в «иллюминатор», захватывая по дороге бумаги и всякий мусор. Георгий отшатнулся от бейсболки, летевшей прямо ему в лицо, я тоже отвел глаза. Безобразия прекратилось.

Так, что там Георгий делает? А, он с интересом рассматривает мое барахло. Прочитал надпись «Motul» на бейсболке, отложил ее в сторону и теперь вертит в руках столик.

«Интересные у вас деньги, надо же, маленькие какие». — «Это ты еще советского рубля не видел», — подумал я. — «И год интересный... тысяча девятьсот девяносто седьмой?»

«Две тысячи восьмой».

«Вот даже как... Некоторые считают, что к этому времени должен наступить золотой век».

«Это они сдуру. По мнению наших историков, золотой век был при Екатерине. У вас сейчас, как они считают, серебряный».

«А у вас, значит, бронзовый?»

«Точно не знаю, но вряд ли — бронза так не пахнет».

Я начал потихоньку понимать, что произошло. Москва находится почти на уровне моря. Абастумани на километр с хвостиком выше — имеет место быть разница давлений. Произшедший только что мини-ураган наглядно показал, что дырка между временами (или реальностями, потом уточним терминологию) была не иллюзорной, а вполне реальной. Перенос предметов отсюда туда возможен, вон они лежат на травке. Как насчет наоборот?

«Гоша, — осведомился я (он мысленно хмыкнул), — ты не хочешь слегка продолжить исследование данной катаклизмы? Или там хроноклазмы?»

Вообще-то я далеко не всегда сразу перехожу на «ты». Однако

«выкаты» человеку, с которым общаешься мысленно, мне как-то не пришло в голову. Моему собеседнику тоже, судя по его следующей реплике:

«Я только что хотел задать тебе именно этот вопрос».

«Тогда минутку. — Я быстро убрал все, что могло сдуть в дыру, распахнул не только форточку, но и окно. — Значит, пытаемся снова открыть портал, и ты пропихиваешь мне какой-нибудь мой предмет и какой-нибудь свой, хоть бульжник...»

«Мы сделаем лучше. Открываем?»

На сей раз дыра сразу получилась раза в три больше, а напор воздуха — несколько слабее.

«Попробуй еще увеличить! — Георгий с трудом сделал шаг против ветра. Края дыры поползли в стороны. — Руку давай! Ну что стоишь, меня же сейчас снесет!»

Я схватил протянутую руку и вдернул Георгия в комнату. «Думать потом будем, тащить надо, пока меня туда не выдуло», — мелькнула мысль. Дыра схлопнулась. В комнате медленно оседала поднятая ветром пыль. Георгий с интересом оглядывался.

— Ну ты и авантюрист, ваше высочество, — перевел дух я.

— Какой есть. И как, кстати, к тебе обращаться? Полным титулом ты мне не представился.

— Старший сержант запаса. Это благородие или не очень? В общем, обращайся по имени.

— Тогда и ты тоже. Вот только почему ты меня назвал Гошей?

— Потому что это принятое у нас сокращение от Георгий. Жорой я тебя называть не могу, это я Жора, а Жорж... даже не знаю, мне это имя кажется каким-то... — «Чем бы заменить готовое уже вырваться „пидерастическим“? быстро!» — Э-э-э... немужественным.

— Ладно, зови так. И почему же, интересно, я авантюрист?

— Ты уверен, что мы сможем открыть портал, когда оба на одной стороне, а не каждый на своей?

— Даже если и нет — моя участь что, сильно изменится к худшему? И чего гадать, надо попытаться. Либо он откроется, либо нет.

— Погоди.

Я достал капроновый шнур, один конец привязал к батарее, другой свернул и бросил рядом с углом, в котором предполагалось открытие портала.

— Теперь мы оба идем ко мне? — уточнил Георгий.

— Да. Готов? Начали!

Нахождение обоих «операторов» по одну сторону портала не повлияло

на его открываемость. Дыра образовалась именно там, где мы хотели, причем сразу нужного размера. Георгий сделал два шага по ветру, я, зажав в кулаке веревку, шагнул за ним и... вывалился в Грузии. Обернулся — там вместо моей комнаты была скала. И аккуратно обрезанный кусок капронового шнура.

— Приветствую тебя на земле Российской империи, — улыбнулся Георгий.

— Да, действительно, чего это я тут разлежся.

Я встал, отряхнулся и огляделся. Подсознательно стал искать чего-нибудь такого, на что глянешь и сразу поймешь, что ты в другом мире и тут вам не там! Но ничего особенного не наблюдалось. Горы как горы.

— И где это мы?

— Зекарское шоссе, близ Аббас-Тумана.

— Это шоссе?

Я с сомнением оглядел узенькую, кривую и ухабистую дорожку, местами засыпанную щебнем. Впрочем, и у нас «шоссе» не лучше бывает, но, правда, всегда шире.

— Интересные теперь открываются у нас возможности... — Георгий запнулся, явно хотел сказать что-то еще, но просто посмотрел на меня. Я понял.

— Хочешь спросить, лечат ли в нашем времени туберкулез? Лечат. Не так чтобы мгновенно и радикально, но лечат. То есть таблетки, которую слопал — и здоров, нет. Надо лечь в клинику, даже не знаю точно насколько. Но это вполне возможно, я выясню, если хочешь.

— Странный вопрос. Ты бы на моем месте отказался?

— И еще. Блин, как бы это сказать... Ты только не думай, что я из тебя тяну...

— Лечение не бесплатное?

— Есть и бесплатное, но от него сам помрешь, без всякой палочки Коха.

— Ясно. Деньги у меня, как ты понимаешь, есть, но ведь они у вас не имеют хождения? Тогда драгоценности?

— Наверное, да. Только не очень уникальные, а то их будет невозможно реализовать.

— Сколько?

— А хрен его знает. Горсть. Или две. Я узнаю, сколько надо на лечение, потом цены...

— Давай сделаем наоборот. Я сегодня же отдам тебе все, что смогу собрать. Ты узнаешь все необходимое, и не экономь, не хватит — еще

добавлю. И что ты на меня так смотришь?

— У нас, понимаешь, как-то не принято при первом знакомстве сразу доверять значительные суммы...

— У вас там что, людей нет, одни воры?

— Люди есть, но и воров... явно могло бы быть поменьше. И кстати, вон там — это кто скачет?

— Похоже, это казаки за мной.

— Ладно, тогда мне пора.

— До встречи. Открываем?

Портал открылся без проблем, я нагнулся, ухватился за конец веревки и втянул себя в комнату. Бардак, однако, тут образовался от всех этих переходов туда-сюда, надо будет что-то придумать на будущее.

За уборкой квартиры я не сразу обратил внимание, что чего-то вроде не хватает. Сосредоточился и понял — кошки. Ветром бедную небось выдуло... И где же она теперь?

«Имеется в виду вот это пушистое существо? — раздался у меня в голове голос Георгия. — За нее не волнуйся, мы уже познакомились. Ты не против, если дама погостит у меня некоторое время? Отборными мышами мы ее обеспечим».

Глава 2

Наконец-то у меня появилось время в спокойной обстановке обдумать происходящее. Цейтнот кончился, Гоша поправляет здоровье в клинике, иногда связываясь со мной по майлу или мобильнику — когда мы оба в одном мире, телепатическая связь не действует. Кошку он вернул, и вредное животное мне теперь каждый день мявкает, что, мол, жизнь в трехэтажном коттедже на Кавказе ей, кошке, нравится больше, чем в трехкомнатной квартире в Москве. То есть проблему, что делать с возможностью перехода в другой мир, кошка для себя уже решила. Но у меня, в отличие от этой хвостатой, ясности нет. Кстати, мир там действительно не наш, у нас дата смерти цесаревича Георгия осталась прежней во всех источниках. Можно туда перебраться на ПМЖ. Тем более у меня там уже есть ну не то чтобы титул, но имя. Даже Имя, пожалуй. Дело было так. Обсуждали мы с Гошей детали его предстоящего лечения, и возник вопрос: а как объяснить, куда это он отправился? Идеи про любую из клиник их мира отпали сразу, персоны такого ранга в одиночку не путешествуют. Пришлось мне слегка подумать, после чего я изрек:

— Ты отправишься на лечение к горному старцу. Без сопровождающих, потому как к старцам такого уровня святости толпой не ходят. Напишешь об этом записку, что-то типа это твой последний шанс, и сюда.

— К какому старцу? — не врубился Гоша.

— Ну у вас ведь там горы кругом, куда ни плюнь. Могут в них водиться старцы повышенной святости? Еще как могут, никто ж не проверял! Живет он себе, например, в пещере, проводя дни в посте, молитве и постижении дао, ну и решил вот для разнообразия цесаревича излечить.

— Насчет дао — это обязательно?

— Да хоть мяо, нам, старцам, всякие мелочи по фигу.

— Наверное, искать начнут...

— И пусть себе ищут хоть до посинения. Ты, когда вернешься, объяснишь, что горные старцы — они такие, хрен их найдешь без должного просветления в душе.

Так что при желании можно попросить Гошу — я думаю, не откажет наследник — объявить народу, что старец решил снизойти: мол, познакомьтесь. Но только не вдохновляет меня знание того, что там должно

начаться через пять лет, а особенно через пятнадцать. Неплохо бы, конечно, в меру сил попытаться все насквозь изменить, однако, скорее всего, хрен что из этого выйдет — не политик я, сожрут. Или не сразу сожрут, дадут время адаптироваться? Можно эту функцию возложить на Гошу, а самому изредка подавать умные советы. Если он их будет слушать, особенно после пары-тройки ляпов, а без них вряд ли выйдет. Так это и отсюда не хуже получится!

Можно плюнуть на возвышенные материи и просто помогать Гоше, когда попросит, потому как интересно, да и наверняка это хорошо отразится на кармане. Да, так и сделаю, но только после того, как Гоша задаст мне главный вопрос. Или ответит на мой, если не задаст. Что делать с Николаем? Про три революции Гоша уже много чего прочитал. Роль самодержца там, как правило, описывается ярко и выпукло. Ликвидацию с полным Гошиным алиби провести технически нетрудно — чего там, открыть портал да стрельнуть или бомбу бросить с надписью «Дорогому государю от благодарных левых эсеров». Прекрасно понимаю аргументы «за»: да как же, на кону жизнь миллионов, и все они должны умереть только оттого, что я не хочу сжечь пару патронов?! Может, оно и так, но не наверняка. А вдруг в результате вмешательства станет еще хуже?

Аргументы «против» тоже есть. Провернули мы, положим, это дело. И даже пусть Гоша окажется великим императором, при котором все подряд начнет процветать до дальше некуда, но ведь наверняка когда-нибудь у него со мной возникнут разногласия. И вот он, отправивший на смерть любимого старшего брата, сколько миллисекунд он будет сомневаться насчет моей дальнейшей судьбы?

По аналогичной причине не вдохновила меня и мысль предоставить портал благодарному человечеству. Оно ведь в лице своих лучших представителей (всенародно избранных или не очень, неважно) мгновенно законопатит меня в самую хорошо охраняемую камеру, какую найдет, а потом наворотит такого, что я там сам удавлюсь.

Вопрос с клиникой для лечения Гоши решился за два дня. Через одного знакомого врача я вышел на спеца по туберкулезу, который уже представил меня главврачу платной клиники данного профиля, той, что недалеко от платформы Лось. Я выдал легенду. Мол, один мой друг, человек весьма состоятельный, хочет подлечить сына. Этот сын в молодости малость поехал крышей на каких-то славянофильских идеях и ушел в народ, причем глубоко ушел, его долго искали. Когда наконец нашли, обнаружилось, что он где-то подхватил ТБ. Лечить надо инкогнито,

так как наличие такого сына мой приятель не афиширует. Потому и сам этим не занимается, попросил меня. Нужна отдельная палата, и чтобы персонал не обращал внимания на некоторые безобидные странности пациента. Разумеется, вопрос с деньгами даже не стоит: сколько надо, столько и будет, не стесняйтесь.

На следующий день Гоша на своем мотоуроде подъехал на знакомое нам обоим место, откуда был транспортирован в нашу Москву. Вид у него оказался — краше в гроб кладут. Похоже, в своем мире он и без аварии долго не протянул бы. Я отвез его на север Москвы и сдал медперсоналу.

— Случай очень запущенный, — сообщил мне врач, суя в карман очередную пачку денег, — но я думаю, все будет хорошо.

К вящему удивлению медиков, первичная фаза у Гоши закончилась через три недели. Мне-то это было примерно понятно, его позапрошловекковые бактерии, не успевшие привыкнуть к антибиотикам, даже от стрептомицина дохли как мухи, а их травили и более серьезными препаратами. Так что на днях Гоша отправляется домой. За время лежания в клинике он вполне освоился с ноутбуком и продуктивно набивал диск вытащенной из Инета информацией. Поначалу он пытался экономить место, но я, широко разводя руки, все-таки сумел ему объяснить, что такое сто гигабайт. Предвидя, что у него возникнет масса вопросов, я заранее обновил в памяти устройство автомата Калашникова — и сел в лужу. Данный девайс его не заинтересовал. Он спросил только, как, с моей точки зрения, мосинка плохая винтовка или не очень, и, получив ответ «не идеал, конечно, но в общем весьма неплохо», переключился на более интересные вещи. Интересовали его возможные варианты решения земельной проблемы в основном. Кроме этого он много скачивал про флот (линкор «Ямато» его потряс). Но это не шло ни в какое сравнение с совершенно детским восторгом от авиации. На его счастье, про летающие машины я мог рассказать если и меньше, чем про двухколесные, то ненамного. Кабы не близорукость, то я бы, наверное, стал летчиком, а не инженером. В детстве летал на планере БРО-11, потом построил самодельный самолет (по сути, тот же БРО с мотоциклетным мотором) и летал уже на нем. Да и сейчас в Серпуховском аэроклубе я не самый редкий гость. Узнав эти факты моей биографии, Гоша взял с меня обещание помочь ему с постройкой самолета в его мире, и, услышав «ты давай выздоравливай, а аэроплан мы потом с тобой за пару недель соорудим», еще полдня мне названивал, уточняя летные характеристики своего будущего чуда техники.

Пока Гоша лечился, я на остатки его средств прикупил еще один

гараж, рядом со своим. Двери у него прочные, коробка кирпичная, разницу давлений между Москвой и Абастумани вполне выдержит. Это чтоб не устраивать при всяком открытии портала бардак в квартире, да и не очень там удобно, супруга хоть и живет сейчас отдельно (с дочерью, на предмет нянчить внука), но частенько там появляется.

Ну вот, блудный сын возвращается к себе на Кавказ. Лечение явно пошло ему на пользу, изможденность в облике пропала, лицо малость округлилось. Я привез его в гараж, он переоделся в свои шмотки, взял под мышку ноутбук и сказал, что он готов.

— Минутку... — Я открыл соседний гараж с моей мототехникой и подозвал его. — Ты, конечно, можешь вернуться на чем приехал, не нужен мне твой «Вернер». Но больно уж убогий это механизм, да и опасный. Если хочешь, вот тебе типа подарка, он помощнее малость, и ездить на нем не так страшно.

Я показал на стоящий у двери китайский мопед. Гоша сначала с восхищением его оглядел, но потом посмотрел в глубь гаража, сравнил со всей стоящей там техникой... Тут, пожалуй, я сделаю небольшое отступление. Кошка живет у меня уже десять лет. А до нее жил крыс. Умнейшее существо, жаль, что век у него такой короткий. Так вот, у нас с крысом была традиция — мы ужинали вместе. Ставилась тарелка мне и маленькое блюдечко крысу. Он важно взбирался на стол, подходил к своему блюдцу, потом к моей тарелке, сравнивал ассортимент... И как же он обижался, если у него в блюдце чего-то по сравнению с моей тарелкой недоставало! Вот и Гоша сейчас выглядел как тот крыс.

— Ладно, ты сначала на этом научись нормально ездить, со скоростями разберись и сцеплением, а там и что помощнее тебе организуем, — утешил его я. — Ну что, двинули?

Мы с Гошей и мопедом перешли в соседний бокс, закрыли двери, открыли портал...

— Стой!

Что-то было не так. Я всмотрелся в картину по другую сторону портала. Время суток в Гошином мире, по моим наблюдениям, часов на шесть опережало московское. У нас день, значит, там должен быть вечер, а виден явно полдень. И масло... Перед затаскиванием в портал из Гошиного пепелаца пролилось немного масла, вон как раз на тот камешек — и оно там до сих пор, как будто прошло пять минут, а не месяц.

— Ну-ка посмотрим... — Я снял с руки часы, запомнил время и бросил в портал. — Закрываем и ждем десять минут.

Закрыли и подождали. Потом открыли. Я взял часы с кавказского гравия, посмотрел, положил на пол гаража.

— Все ясно, пошли.

Мы вышли сами и выкатили мопед на Зекарское шоссе.

— Что тебя так заинтересовало? — осведомился Гоша.

— Время. Когда мы оба в одном мире, время в другом, где ни одного из нас нет, стоит.

— То есть как? — Почему-то Гошу это очень удивило. — Не может быть, чтобы время всей Земли зависело от меня!

— А чего тут такого? Ты, например, команду «Кру-гом!» выполнять умеешь? И ничего, что при этом не только Земля, но и вся Солнечная система с остальной Вселенной до кучи вокруг тебя вертится?

— Но это же только кажется!

— Вовсе нет. Все зависит от того, что принять за начало координат. С временем тоже может быть аналогично, во всяком случае Эйнштейн так считал. Равномерно и прямолинейно оно течет только для наблюдателя внутри системы, а для внешнего скорость течения времени может быть любая, от нуля до бесконечности. А по отношению к тому миру, где нас нет, мы как раз внешние наблюдатели. В общем, почитай общую теорию относительности или лучше книжицу «Теория относительности для миллионов», там подобные вещи рассматриваются.

— Да? Чудны дела твои, Господи! Выходит, я вернулся в тот же миг, что и ушел. Но это значит, что история с горным старцем была придумана зря?

— Ну как же зря. Это, наоборот, старцу в плюс, что он тебя смог исцелить не за месяц, а мгновенно, да еще вдобавок успел твой мотоцикл кардинально усовершенствовать. Ты на себя посмотри и сравни с тем полутрупом, что приехал сюда пять минут назад по времени этого мира! Тебя и узнают небось не сразу.

Мы договорились о том, что надо организовать место для открытия портала у Гоши во дворце, он обещал подобрать подходящее помещение, чтобы избыточное давление при открытии не вышибало окна-двери, ну и вообще чтоб этот процесс не вызывал излишнего ажиотажа. После чего я отправился к себе, а Гоша, еще пару раз напомнив про самолет, к себе.

Глава 3

До того как начать выполнять свое обещание об аэроплане, я съездил в Курск. Пропускать очередной этап гонок не хотелось. Да-а... Я и раньше подозревал, что, если не тренироваться хотя бы два раза в неделю, результат будет соответствующим. Именно таким он и оказался — шестое место. Это при том, что на старте было одиннадцать человек, двое из которых до финиша просто не доехали, ибо не поделили поворот и столкнулись, а еще двое участвовали в гонках первый раз в жизни. На закуску какой-то местный корреспондент с неуместным восторгом еще распространялся перед камерой в том духе, что для человека моего возраста это просто замечательный результат. С расстройства я начал серьезно обдумывать идею предложить Гоше организовать многодневные международные гонки в пику Турист-Трофи, типа Золотое кольцо Кавказа. Вот они там на своих трехколесных «Де Дионах» со склонов-то накувыркаются! А для поддержания ажиотажа приз. Например, золотое кольцо, символизирующее маршрут, метрового диаметра и весом с мотоцикл. А что? Не разорится цесаревич, я же никому не скажу, что оно внутри свинцовое.

По прибытии домой я связался с Гошей, послушал новости. Оказывается, после его отъезда на лечение прислуга успела найти записку и отнесла ее лечащему врачу, Айканову. Он как раз соображал, что же делать, после того как во всем блеске явился Гоша. После недолгого осмотра доктор впал в экстаз и галопом помчался к телеграфу вызывать подмогу. Через день приехало случайно перехваченное в Тбилиси (то есть, тьфу, Тифлисе) петербургское светило медицины по фамилии, кажется, Бирюля. На пару с местным доктором они сутки измывались над Гошей и в конце концов вынесли вердикт: здоров. Правда, советовали еще некоторое время не покидать Кавказа во избежание... Тут я, кстати, был с ними солидарен.

Тем временем новость облетела Аббас-Туман. К Гоше явилась депутация аборигенов, узнать подробности. В процессе беседы был задан робкий вопрос о конфессиональной принадлежности старца. Гоша заверил, что с принадлежностью к православию у того все в порядке, вплоть до святости, и старец не канонизирован только потому, что он еще жив. Еще Гоша подчеркнул, что искать старца — дохлое дело, он открывается только достойным. В результате разнесшихся слухов местная церковь оказалась

второй день набита до отказа, вплоть до образования небольшой очереди на улице. От врачей во все стороны полетели телеграммы. Гоша тоже написал несколько писем, в том числе, естественно, и старшему брату. Кстати, этому письму предшествовал любопытный диалог.

— Пишу письмо Ники, — поделился со мной Гоша. — Знаешь, даже как-то неудобно лгать...

— Да зачем же такие крайности? — изумился я. — Писать надо чистую правду.

— То есть как? — в свою очередь изумился Гоша.

— Откуда я знаю, как ты письма пишешь, наверное, от руки. А вот что писать — сейчас подумаем. Давай для начала уточним, что во всей этой истории является чистой, неоспоримой и ничем не замутненной правдой. Итак: повинуюсь зову своей души и указаниям свыше, ты нашел путь в обитель старца. Хоть полслова неправды есть? Едем дальше. Старец встретил тебя, лучась мудростью, неземной добротой и еще хрен знает чем. Неужели скажешь, что у меня на морде все это не написано? Тут главное — всмотреться повнимательней, с искренним желанием увидеть.

— Ладно, чем ты лучился, я опишу, — фыркнул Гоша.

— Дальше. Старец тебя не исцелял, и так писать нельзя. Он всего лишь организовал этот процесс — вот как выглядит чистая правда. Значит, именно ее и надо донести до читателя. То есть стоило старцу только снизойти до твоих проблем и пожелать, чтоб ты выздоровел — и все, через мгновение болезнь исчезла! Слова «по часам этого мира» мы опустим как несущественные. Ну и дальше в таком же духе, главное — быть предельно правдивым, это, кстати, очень важное умение для политика.

Дальше, понятное дело, беседа повернула на тему самолета. Я уточнил, каких досок надо заказать (сосновых и немного буковых), сказал, что в качестве обшивки нужен перкаль, но в принципе сойдет и ситец. С местным лаком я решил не рисковать, сам притащу эмалит. Озвучил требования к аэродрому, чтобы Гоша заранее озадачил народ найти подходящую площадку и разровнять ее при необходимости. Наконец, выяснилось, что для меня уже выделены комнаты во дворце в комплексе с прислугой. Для кошки тоже, отдельно.

Пользуясь царящей вокруг суетой, Гоша объявил, что он выписал к себе известного гениального изобретателя, новозеландца русского происхождения по имени Джордж Найденофф (который в процессе окончательного обрусения станет Георгием Найденовым). И что тот на днях приедет и построит наследнику русского престола невиданную

летающую машину. Это будет уже вторая моя аватара в том мире, горного старца решили в это дело не впутывать, не по чину ему такое.

Новозеландцем меня сделали потому, что за своего в том времени я бы никак не сошел, а тут эвон откуда — с другого края земли. Там вообще от хутора до хутора десятки верст дремучего леса с людоедами, даже в магазин за водкой несколько дней пути, поневоле самолет изобретешь, если не антиграв.

В качестве транспорта я приобрел себе простенький квадроцикл и ободрал с него пластик, чтобы не смущать народ видом незнакомого материала. В раздетом виде квадр вполне напоминал самобеглые коляски того времени, только что с непривычно широкими колесами. Дальнейшее уже потихоньку становилось рутинной. Гоша приехал на знакомое место, и через открытый портал в Россию девятнадцатого века вкатился известный изобретатель, механик и электрик на своем автомобиле. Высокого гостя сопровождала кошка. Гоша поехал вперед, показывать дорогу, я двинулся за ним.

А на следующий день Гоша был потрясен до глубины души, да и мне тоже стало не по себе. Дело в том, что у него была невеста, греческая принцесса Мария. Никаких особых чувств между ними не пылало, планировался обычный династический брак. И вот мы узнали, что двадцать восьмого июня, в день несостоявшейся Гошиной смерти, девушка слегла с сильнейшим жаром. Врачи оказались бессильны, и вечером следующего дня она скончалась.

На Гошу жалко было смотреть, я даже забеспокоился, не вернулась ли болезнь.

— Как же так? — растерянно сказал он. — Я ведь читал про ее судьбу, когда был в больнице. В вашей истории она жила еще долго! Почему же сейчас так?

— Ты и сам понимаешь почему, — вздохнул я. — Потому что в той истории умер ты. Если раньше у меня были сомнения насчет портала, а вдруг это просто у нас с тобой свойство такое, от природы, то сейчас... Вмешалась какая-то высшая сила и произвела рокировку. Не спрашивай зачем — не знаю.

— Но ведь тогда все бесполезно, — воскликнул цесаревич, — если, спасая одних, этим я обреку на смерть других!

У меня были аналогичные сомнения, но я твердо сказал:

— А ты что, тоже высшая сила? Это ей так захотелось — одного спасти, другую наоборот. А ты спасай по-простому, не оглядываясь на

закон сохранения, тебе можно. Но, пожалуй, стоит твердо уяснить одну вещь. Без всяких вмешательств свыше спасение кого-то одного вполне может повлечь смерть другого. И вопрос тут стоит так: либо вообще ничего не делать, либо иметь в виду такую вот неприятную особенность мироздания. А Мария... жалко девушку. Но даже если ты прямо сейчас застрелишься, вряд ли она оживет.

Весь день Гоша ходил задумчивый и не вспоминал о самолете. Но на следующий он зашел ко мне и сказал:

— Прости меня за слабость. Мария умерла, чтобы я мог что-то изменить в этом мире, ты прав. Ты мне поможешь? Я не только про самолет, я вообще!

— Куда ж мне деться с подводной лодки. И вообще помогу, а пока давай начнем с аэроплана.

За две недели мы самолет не построили, мой отдых на горном курорте затянулся на месяц. Работы происходили в большом сарае рядом с дворцом. Кстати, поначалу я офигел — дворец оказался деревянным! Трехэтажным, с колоннами, верандами и башенкой на крыше. Очень красиво снаружи и удобно внутри, но меня сильно напрягала пожарная безопасность. Я просто не мог понять, почему это до сих пор не сгорело, и на всякий случай натащил из Москвы огнетушителей. Правда, там никто не курил, я тоже выходил смолить на улицу, то есть в дворцовый сад, там нашлась небольшая беседка, интерьер которой я тут же дополнил консервной банкой для бычков.

Строили мы классический вариант легкого самолета — цельнодеревянный подкосный высокоплан, хохлы и французы называют такую схему «парасоль». В качестве мотора я приволок пятидесяти сильный «Ротакс». При всем их консерватизме и, как следствие, не очень высоких удельных параметрах это исключительно надежные движки. В подручные мне было выделено трое казаков, хорошо знающих столярное дело. Они пилили, строгали и клеили, а мое время поровну распределялось между руководством работами и объяснениями Гоше, что, собственно, делается и зачем. В перерывах я гулял по поселку, в основном разъезжая на квад্রে. Никакого ажиотажа он, кстати, не вызвал.

Аббас-Туман представлял собой одну улицу длиной около двух километров, вдоль речки Абастуманки. Дома были в основном довольно богатые, многие двухэтажные или с мансардами. Познакомился я с настоятелем местного храма, отцом Константином. Он, кстати, мне сказал, что строящаяся новая церковь — это на деньги Гоши, который выделил

более ста тысяч рублей. Про обсерваторию, построенную на его же средства, я и раньше знал. Не очень типичный великий князь, обычно, судя по многим источникам, их денежные потоки были направлены не из кармана, а наоборот. Вообще местный народ с большим уважением отзывался о Гоше, и это было не заученное «их высочество милостиво повелеть соизволили».

Меня несколько удивило практически полное отсутствие агентов соответствующих структур — все-таки тут живет брат императора. Но в Абастумани имелся только один пенсионного возраста жандарм, с которым мы слегка побеседовали после моего там появления, и все. Патриархальные времена, однако...

Вечерами мы разговаривали с наследником о вариантах его будущего — ну и России заодно. Собственно, Гоша сразу понял, что при попытке решения любой проблемы у него будут две трудности.

Первая — как это правильно сделать? Почти всегда вопрос неоднозначный.

Вторая — как убедить Николая поступить именно так? В том, что вынудить его выслушать и согласиться можно, Гоша не сомневался. Еще меньше сомнений было в том, что в конце концов Николай сделает все по-своему. Была мысль раскрыть действительное положение дел, но от нее, подумав, отказались. Удержать в тайне такое Николай не сможет, а когда информация расползется... Да первым делом Гошу грохнут, желающих и искать не придется. Решили для начала составить мини-список пророчеств горного старца, для обретения должного авторитета по мере их сбывания (до сих пор не знаю, как правильно — сбывание мечтов или сбыча мечт). И еще я посоветовал Гоше создать концерт.

— Я не очень помню, что под этим подразумевается?

— Подконтрольная тебе организация, содержащая промышленные и торговые предприятия, банки, информационные и силовые структуры. Нечто наподобие вашего треста, но более самостоятельное. При любом раскладе лучше, если ты будешь иметь влияние в политике и экономике, помимо того, что ты просто брат царя.

— И какие промышленные предприятия ты предлагаешь создать?

— В порядке очередности: авиационный завод, моторный, радиоэлектротехнический, потом автомобильный. Ну и небольшое планово-убыточное оружейное производство для обеспечения своих силовых подразделений.

— Всего-то.

— А кто говорил, что будет легко?

— Информационные структуры — это газеты?

— Не только. Телеграф и телефон. Издательства. Еще технический вуз не помешал бы. Ну и специальное подразделение для распространения нужных слухов и пиара.

— Это слово у вас имеет странное значение, в отличие от своего английского прототипа чаще употребляется в смысле... э-э-э... у вас еще говорят «обосрать».

— Черный пиар. Тоже нужная вещь, без этого никак.

Наконец самолет был готов. Гоша рвался участвовать в первом полете, но я твердо объяснил ему, как называется индейское жилище. Аэроплан был притащен на взлетную полосу — просто сравнительно ровный участок поля длиной метров триста. Я проверил тяги, уже из кабины — рули. Вроде норма. Нажал кнопку стартера, «Ротакс» завелся сразу и ровно заурчал. Я подождал пару минут для прогрева и двинул рычаг газа до упора. Мотор взвыл, и наше чудо техники рванулось вперед. Разгон был неплохим, где-то через пятьдесят метров я смог поднять хвост, а через сто взлететь. На высоте около трех метров я пролетел треть полосы, легкими движениями ручки проверив управляемость по крену и тангажу, и прибрал газ, аккуратно сев в самом конце аэродрома. Развернулся и таким же манером прилетел обратно. Казаки кричали «ура!», они, видимо, решили, что это и есть демонстрация всех возможностей аппарата. Гоша так не думал, он-то хорошо представлял себе, на что способно наше произведение. Я вылез из кабины и снова проверил тяги, крепления крыльев, мотора и шасси. В значительной мере это был спектакль для Гоши, сам-то я отличаюсь некоторым пофигизмом и умеренным разгильдяйством.

— Что-то не так? — с беспокойством спросил Гоша.

— Все так. Просто жизнь любого самолета, даже насквозь серийного, всегда начинается с подлётов — это те прыжки, которые я только что демонстрировал. И перед любым полетом обязательна проверка по специальному перечню, хоть бы ты был сто раз уверен в полной исправности всего. Если у тебя на мопеде лопнет трос, ты в худшем случае закукуешь посреди дороги. А при неисправности в самолете ты, скорее всего, так долбанешься с высоты, что и отскребать будет нечего. Ладно, не переживай, сейчас будет настоящий полет.

Снова газ до упора, поднимаю хвост, взлетаю, но теперь продолжаю тянуть машину вверх. Чуть качнул ручкой из стороны в сторону — признаков срыва потока нет. Скороподъемность даже несколько получше, чем я ожидал, учитывая почти полтора километра над уровнем моря.

Быстрый взгляд на альтиметр — есть двести. Перехожу в горизонтальный полет и закладываю плавный поворот. К управляемости претензий нет. Смотрю вниз — там казаки подбрасывают шапки и Гоша, кажется, что-то кричит, во всяком случае, размахивает руками. Делаю восьмерку над поселком. Из домов уже кое-где вылезли жители и пялятся в небо. Ладно, можно садиться, пока там Гоша совсем не извелся от нетерпения.

В следующий полет самолет ушел с пассажиром. В передней кабине была предусмотрена установка дублирующего управления для ученика, но я его пока не ставил, пусть первый раз Гоша слетает в качестве балласта.

Поначалу я собирался ограничиться совсем коротким полетом, но Гоша был в полном восторге, так что я плюнул на свои благие намерения и покружил над Аббас-Туманом минут сорок, набрав полкилометра высоты.

Вечером вместо традиционной беседы я гулял по саду с кошкой — его высочество пребывало в таком состоянии, что нормально говорить с ним оказалось невозможно. А потом начались учебные полеты. На одном из них присутствовал специально приехавший из Тифлиса писака — никакого другого названия он, учитывая результаты его трудов, не заслуживал. Ну не Гиляровский. Вот что оказалось написано в газете «Кавказ»:

**ПОЛЕТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ГЕОРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА**

В понедельник, 9 августа, Наследник Цесаревич после прогулки по дворцовому саду приказал подать бицикл с бензиновым двигателем. В 10 часов утра Его Императорское Высочество сел на сей моторный велосипед и совершил прогулку по шоссе. Наследник Цесаревич ехал очень быстро (бицикл Его Высочества развивает скорость до 50 верст в час). За дворцом великих князей Георгия и Александра Михайловичей Наследник уменьшил ход машины и остановился. Здесь на поле длиной более 100 сажень уже находилась изобретенная Его Высочеством машина для полетов по воздуху, которую Его Высочество изволил назвать «аэроплан». Возле аэроплана находился инженер г. Найденов, который помогал Его Высочеству в постройке оной машины. Когда Наследник Цесаревич приблизился, г. Найденов отдал ему рапорт о готовности аэроплана к полету. Его Высочество милостиво

принял рапорт и сел в переднюю кабину аэроплана. После чего г. Найденов сел в заднюю кабину. По прошествии малого времени мотор аэроплана заработал, издавая довольно громкий звук, и аэроплан поехал по полю. В середине поля он поднял от земли хвост и сразу после этого начал подниматься в воздух. Аэроплан Наследника Цесаревича поднимался очень быстро сначала до 100, а потом до 200 сажень. На такой высоте он казался с земли малой птицей. Аэроплан летал над Аббас-Туманом 30 минут, после чего Его Высочество изволил направить машину к земле. Мотор стих, и аэроплан опустился на поле, с которого он поднимался в воздух. Вышедшего из кабины аэроплана Наследника Цесаревича приветствовали восхищенные зрители, среди них был автор этих строк.

Данный поток сознания был сопровожден фотографией, весь центр которой занимало лицо Гоши с совершенно ему несвойственной идиотской улыбкой, а на заднем плане можно было рассмотреть кусок фюзеляжа, подкос крыла и мою руку в перчатке.

Гоша оказался довольно способным учеником, через неделю он уже нормально держался в воздухе, сносно поворачивал в горизонтальной плоскости и даже научился взлетать без грубых ошибок. Посадка ему пока не давалась, но видно было, что и этот этап он скоро освоит. Я пару раз сходил через портал в Москву за бензином, маслом и сигаретами, а в основном так и сидел в Абастумани. Чувствовал я себя отлично, как будто сбросил лет пять, а то и десять. Сначала я приписывал это влиянию горного воздуха, но потом стало как-то сомнительно. Если бы это место само по себе действительно обладало столь явственно выраженными лечебно-тонизирующими свойствами, то к двадцать первому веку только на доходах от его эксплуатации Грузия стала бы богатейшей страной мира. Гоша тоже с каждым днем чувствовал себя все лучше. И третий член нашей компании, кошка, буквально цвела — стала толстой и пушистой, как в молодости, и только отсутствие в поселке котов несколько омрачало ее безоблачное счастье. Налицо была тенденция — у всех троих, проходивших портал между мирами, наблюдалось улучшение здоровья. Я сделал пометку в памяти: проверить. На мышах, например.

Тем временем молва о Гошиных полетах расходилась все шире и шире. Пришло еще одно письмо от Николая, где император снова поздравлял

брата с выздоровлением, просил сообщить подробности о горном старце и о покорении воздушной стихии. А дальше шла несколько заинтересовавшая меня приписка о том, что Аликс^[2] тоже с большим энтузиазмом отнеслась как к исцелению цесаревича, так и к его успехам на техническом поприще.

— А что тебя в этом удивляет? — спросил Гоша. — Она и с приобретением мотоцикла мне помогла.

— Вы с ней настолько хорошо знакомы?

— Вроде мы один раз встречались, когда я был маленький, и два года назад она ненадолго приезжала сюда с Ники.

— И ты попросил императрицу помочь с мотоциклом? Почему не Николая, да мало ли еще кого?

— Я не просил. Когда я поручил управляющему приобрести мотоцикл, она написала своим родственникам в Германию, и ему помогли выбрать и купить новейший.

— Вон оно что, а то твой «Вернер» мне покоя не давал, его серийное производство должно было только следующей весной начаться, опытный, значит, образец... интересно девки пляшут... И самолет ее величество вполне одобряет. Хм, действительно умная тетенька, этот ее ход надо будет запомнить и творчески развить.

— Ты это о чем?

— Да так, просто мысли вслух. Давай лучше про старца уточним.

— Мне почему-то кажется, что ты подозреваешь Аликс в какой-то гадости, — с сомнением пробормотал Гоша. — Я, конечно, отношусь к тебе с огромным уважением, но твой цинизм, как у вас говорят, несколько напрягает.

— А ты меньше напрягайся, и все будет зашибись. Так что там нам напорочил этот старый хрен?

Гоша вздохнул, порылся в бумагах на столе и достал листочек.

— Начало Англо-бурской войны, землетрясение в Тифлисе и смерть королевы Виктории. Точные даты будем сообщать?

— А как же! Наш старец — это тебе не Нострадамус какой-нибудь паршивый.

— Да, к вопросу о будущем, как ты думаешь, скоро мне можно будет покинуть Аббас-Туман?

— Через месяц где-то покажешься нашим врачам, и если все будет в норме... Думаю, лучше все-таки зимой, от питерской осени и здоровый слечь может.

— Ты считаешь, что мне надо ехать именно в Петербург?

— Сначала — обязательно. А потом обосноваться где-нибудь малость в сторонке, это еще надо подумать где. И начинать потихоньку разворачиваться. Что ты там накопал в Интернете по биржевым спекуляциям?

Гоша с гордостью достал довольно толстую папку.

— Думаю, что даже при осторожной игре я смогу получить до миллиона в год.

— Ты все-таки не очень рискуй, в этой области я тебе помочь ничем не смогу, ты и сейчас уже знаешь здесь побольше меня.

— Вот именно. И вообще, при многих недостатках языка вашего мира там иногда встречаются очень глубокие афоризмы. Например, чему именно не надо учить отца. Я начал интересоваться банковским делом за шестьдесят лет до твоего рождения, кстати.

Наконец мы с Гошей выбрали время и провели детальное исследование свойств открывшейся нам по неизвестно чьему желанию межмировой дырки. Вкратце результаты получились такими:

— Когда мы в разных мирах, время там течет одинаково. Возможна телепатическая связь, но только если оба одновременно сосредоточены на этом. Стоит одному чуть отвлечься, связь пропадает.

— Из разных миров портал открывается опять же по обоюдному одновременному желанию и расположен между нами. Неважно, двигаемся мы или стоим.

— Из одного мира для открытия портала тоже нужны сосредоточенные усилия обоих, и открывается он только в том месте, где уже бывал ранее открыт из разных миров.

— Когда мы оба в одном мире, время в другом стоит или, по крайней мере, движется неопределимо медленно.

— Открытие и поддержание портала требует сил, и это зависит от его размеров. Маленькую дырочку мы с Гошей держали полчаса, наверное, и дальше смогли бы. А удержать большой портал, вроде того, через который я въехал на квадре, мы смогли только четыре минуты, и больше в этот день никаких открываний не получилось.

Следствием из этих свойств оказалась возможность телепортации в пределах одного мира. Для проверки мы с Гошей открыли портал из Абастумани в мою квартиру, я перешел в Гошин мир, затем оттуда сделали портал в гараж, и я вернулся к себе, в итоге преодолев полтора километра за пару секунд.

Но кое-что я не стал говорить Гоше. В конце концов, мало ли когда и

чего мне кажется. А казалось мне, что я и один смогу открыть портал из Гошиного мира в свой, но проверять это не стоит, потому что такой портал будет последним.

Глава 4

И-и... раз-два, взяли! Ух... Я вытер пот со лба. Генератор и бочка дизтоплива были уже в Абастумани, а мотки провода, лампы и всякая фурнитура еще в моем гараже. Но, похоже, на сегодня уже никаких порталов не получится. Ничего, Гоша и у меня переночует, чай, не барин.

Тем временем на улице послышалось «р-р-р фыр-фыр-фыр», затем скрип тормоза и легкий стук упавшего на асфальт заднего колеса. Гоша стоял у дверей гаража с отвисшей до пупа челюстью. Судя по звукам и Гошиной реакции, меня почтила присутствием племянница Машенька на своем «Дерби». Она, зараза, долго тренировалась делать стоппи (это когда при торможении мотоцикл встает на переднее колесо), за это время убив полтора комплекта пластика, который, между прочим, менять пришлось мне. Причем в момент зависания «Дерби» она с него грациозно спрыгивала. Поначалу, конечно, получалось, что скутер кувырком летел в одну сторону, Маша рыбкой — в другую, но наконец она освоила этот трюк и постоянно его применяла — для приведения в обалдение мужской половины человечества. Теперь достаточно было мельком взглянуть на Гошу, чтобы сделать вывод в пользу ее успеха.

— Добрый день, дядь Жора! Ты не очень занят? Помнишь, мы договаривались мне техобслуживание сделать? О-о, а выглядишь ты как обалденно! Вроде же этап был в Курске, а по тебе скорее скажешь, что на Канарах.

— Привет, племянница. Познакомься, это Гоша. Ну давай закатывай свой драндулет, посмотри. Поди, уже ремень пора менять?

Я собрался позвать Гошу, чтобы повисить его технический кругозор демонстрацией полуразобранного скутера «Дерби Жипиван-250», но цесаревича в гараже не оказалось. Маши тоже. «Однако...» — подумал я, откручивая болты крепления вариаторной крышки.

— Дядя Жора! — В гараж изячно просочилась племянница. — У меня к тебе огромная просьба! Мы с Гошей хотим на Гору съездить, дай на пару часов свою «Хонду». Честное слово, ни одной царапинки на ней не будет!

Вообще-то Маша ездит очень неплохо — когда не выпендривается, конечно. Гора — это смотровая площадка в Лужниках, там часто собираются байкеры. В принципе пусть Гоша на Москву посмотрит...

— Ладно, дам, только вот что. Гоша только-только после тяжелой болезни, даже еще не совсем оправился. То есть ехать будешь как человек!

Тебе-то, собаке, что — если упадешь, так отряхнешься и дальше, а ему может быть совсем плохо.

Отъехала Маша действительно вполне чинно. Но не учла, что у человека есть не только зрение, но и слух. Как только она свернула за гаражи, раздалось «щелк-щелк» — две скорости вниз, а затем быстро удаляющийся истошный вой раскручиваемого до предельных оборотов движка. Не потеряла бы она так Гошу... Хотя наверняка ж предупредила, чтобы держался покрепче.

Через два часа они, понятно, не приехали, но через три я опять услышал вой мотора своей «Хонды», писк тормозов, и из-за поворота степенно выкатилась эта парочка.

— Спасибо, дядь Жора, мы замечательно потусовались! И ездили совсем медленно, нас троллейбусы обгоняли, правда, Гоша?

Упомянутый промямлил нечто нечленораздельное, которое при большом желании можно было принять за полное согласие с предыдущим оратором.

Маша вкатила в гараж мой мотоцикл (Гоша увивался рядом, пытаясь помочь), села на свой «Дербик» и, послав Гоше воздушный поцелуй, умотала.

— Какая женщина! — вернулся к Гоше дар речи.

— Да уж, на свежего человека Маша производит совершенно убойное впечатление. Но ты не пугайся, это только когда ей вожжа под хвост попадает, а так большей частью вполне вменяемое существо. Как тебе, кстати, панорама нашей Москвы, понравилась?

— Нет, ну какая женщина!

«Диагноз ясен», — подумал я. И не ошибся. Весь вечер Гоша пытал меня на предмет подробностей об объекте своего восхищения. Но мало того, ближе к ночи позвонила Маша и, даже, похоже, несколько смущаясь, попросила рассказать, кто такой Гоша, откуда, женат ли он и вообще?

— Сами разбирайтесь, — буркнул я и сунул телефон Гоше (спать давно пора, между прочим!).

Они разобрались. Через пять минут Гоша вернул мне телефон, некоторое время мялся, но наконец выдал:

— Жора, я позвал Машу сюда. Я сказал, что по телефону ничего о себе говорить не могу. — «Интересно, что Машка теперь думает?» — Мне кажется, надо ей рассказать, кто я такой и откуда. Она обещала, что никому ничего не скажет.

В общем-то я уже начал прикидывать подобный вариант. Маша достаточно умна, чтобы понять — болтать о таком действительно ни к

чему. А еще один человек в нашей команде лишним не будет, пожалуй.

— Ладно, расскажем. Кстати, она тебе не говорила, что тоже умеет летать, и неплохо? Можно уже в Абастумани первую российскую авиаэскадрилью формировать, есть из кого.

Вид приехавшей Маши добил Гошу окончательно. Сняв мотокомбез, она оказалась в шортиках и маечке. Поэтому кто он такой, объяснять пришлось мне. На Машу интересно было смотреть. Она видела, что я не шучу, но поверить не могла. Так и маялась. Пришлось нам с Гошей показать свои способности в действии. Маленькая дырочка в Абастумани 1899 года поставила точку в Машиных сомнениях. Услышав, что завтра мы открываем из гаража большой портал, она заявила, что тут же помрет от разочарования, вот прямо не сходя с места, если завтра ее не пустят в тот мир!

— Ты там собираешься, как сейчас, в этих своих трусах щеголять или в мотокомбезе? — поинтересовался я.

— Ой, действительно... Гоша, а что у вас там носят?

Вопрос «что носят» оказался не единственным, требующим разрешения, так что на следующий день мы в Абастумани не попали. Зато через день в Российскую империю по приглашению наследника и цесаревича приехала племянница уже неплохо известного там инженера и пилота Найденова, сама тоже в какой-то мере (незначительной) инженер, пилот (вот это без оговорок, здесь она если и не лучший пилот в мире, то уж второй наверняка) и дизайнер (хрен его знает, известно ли тут это слово?). Госпожа Мария Островская явилась на фирменном мотоцикле производства своего дяди (в прошлой жизни это был хондовский «Зумер»). Правда, этот скутер не очень-то походил на здешние мотоциклы, ну да ладно, он и в нашем мире был похож только на самого себя. На даме был камуфляжный костюм, зеркальные очки и черный шлем, сзади на скутер был приторочен здоровый баул со шмотками, а под седлом — сумка поменьше с какой-то дамской мелочью. По уже проторенной мной дороге Маша подъехала к Гошиному дворцу, где я по мере сил разыграл сцену «дядя встречает долгожданную племянницу». Впрочем, зрителей было немного, и я особо не надрывался. На этом легализацию мы сочли законченной, и Гоша взялся показать гостье поселок, ну а я потребовал сначала открыть портал ко мне в гараж, что и было сделано.

Ладно, пару дней им на прогулки под луной или под чем там получится, а мне есть чем заняться. Если кто помнит, у нас в планах было создание авиапромышленности, и на начальном этапе главной сложностью являлись моторы. С хорошим мотором полетит даже хреноватый самолет, а

без оногo... Продолжать таскать из Москвы «Ротаксы» не хотелось. Гоша, кстати, сразу ухватил суть: беда не в том, что в России сейчас нет ни самолетов, ни моторов, главное — нет людей, знающих, как это сделать, и нет производств, на которых эти люди смогут сначала приобрести знания, а потом их с толком использовать. Так что передо мной стояла задача родить документ: какое оборудование и инструменты вообще нужны, что покупать в России, что заказывать за границей и что может понадобиться такого, чего в Гошином мире вообще пока не существует, — в общих чертах, понятно. Где потом покупать каждый напильник или станок, это в рабочем порядке разберемся. Ну и нужен был образец движка, достаточно простого, чтобы его можно было производить в России начала прошлого века. Мотор лучше двухтактный, при небольших мощностях он проще и легче аналогичного по параметрам четырехтактного, а повышенный расход горючего и небольшой ресурс на начальном этапе самолетостроения сильно не помешают. Так уж получилось, я знал, где этот образец взять. Мой старинный приятель Боря Фишман, с которым мы в далекой молодости строили первый самолет, собрался наконец, не дожидаясь выхода на пенсию, уехать к своим в Канаду. У него там еще с советских времен немало родственников осело проездом на историческую родину, а пару лет назад к ним присоединились и жена с детьми. Борю давно туда звали, но он держался стойко, мотаясь через океан только в отпуск. Но нет таких крепостей, которые... Короче, грянул кризис, и перед Борей встала дилемма: или научиться питаться святым духом, или собирать манатки и ехать воссоединять семью. Вот он и паковал чемоданы. А в свое время Боря построил очень неплохой движок для самодельного самолета, оппозит^[3] на базе двух цилиндров от ИЖ «Планеты». Последние двадцать лет он у него пылился без дела, и вот уж его тащить в Канаду никакого смысла не было. Так что отдал Боря этот мотор мне без возражений и даже денег не взял, сказав, что это подарок, а побыть евреем он еще успеет.

Еще я сделал несколько набросков самолета, которому предстояло стать первенцем русской авиапромышленности. Любой знакомый с историей авиации человек без проблем узнал бы в нем контуры «Фарман-4». Потому что не следует сразу показывать всему миру, как правильно строить аэропланы, пусть сначала посмотрят, как это делается через задницу, нагородят себе копий этого убоища... Не будем чрезмерно облегчать жизнь потенциальному противнику, да и всем остальным тоже. Гошин высокоплан — он пока останется уникальным и не для широкой публики.

Далее я пошарил в Интернете на предмет решения кадрового вопроса

— были ли в России 1899 года яркие специалисты по двигателям? Оказалось, очень даже были, один Густав Тринклер чего стоит. Еще будучи студентом, построил компрессионный двигатель — гораздо более близкий к современным дизелям, чем тогдашние творения Рудольфа Дизеля. Потом долго и плодотворно занимался двигателями, в том числе и двухтактными. Много ли вы сейчас найдете студентов, дипломный проект которых тянет на несколько полноценных патентов, за обладание которыми сразу начинается свара? Бывает, конечно, но редко. Так что пусть Гоша ему срочно письмо пишет, Густав сейчас как раз Петербургский технологический заканчивает.

Когда я наконец навел на народ в Абастумани, там как раз обсуждалось место будущей Гошиной резиденции, типа что лучше — Царское Село, Гатчина или вообще Царицыно? Я с ходу вступил в дискуссию, спросив, почему не рассматривается Париж, Ницца и Монте-Карло? Насчет попить-пожрать и потрахаться там очень даже вполне. А вот вдруг мы захотим моторный завод построить, вроде ж собирались? Да и аэродром...

— Нам нужно, — продолжил я, — несколько обособленное место, на железной дороге, вблизи приличного озера или реки, недалеко от крупных промышленных центров. В Питер и на самолете слетать недолго, а в случае экстренной надобности можно и мгновенно, через порталы.

Маша слегка приуныла, похоже, в мыслях она уже блистала в высшем свете Питера и Москвы. Но, надо отдать ей должное, ненадолго, Гоша даже заметить не успел. И включилась в поиск. После недолгих обсуждений мы наметили Серпухов. Точнее, рядом с ним, на правом берегу Нары, где-то в районе женского монастыря. Гоша сделал пометку — завтра же отправить туда человека, осмотреться на месте.

В конце обсуждения Маша задумалась.

— Ладно, понастроим мы самолетов и мотоциклов, ну и еще не знаю чего. А стратегическая цель какая?

— Ясен пень, спасти Россию, — фыркнул я. — Чтобы она стала о-го-го, а не пес знает чем.

— Вот именно. — Гоша с благодарностью посмотрел на меня, видно, решил, что я это абсолютно серьезно. — Я просто не имею права изображать стороннего наблюдателя, тогда как моя страна катится в пропасть. Не знаю пока как, но я обязан вмешаться.

— Вот-вот, именно вмешаться. А чтобы иметь возможность это сделать... — Я полез было за сигаретами, но вспомнил, что в Гошиной резиденции не курят. — Нужна достаточно высокая должность. Нужен

немалый финансовый вес. Нужен авторитет в разных слоях общества. Вот тут самолеты и помогут. Ну сам подумай, приехал ты в Питер. Все значимые места уже заняты. А тут прямо говоришь Николаю: мол, у России уже есть воздушный флот, нужен его главнокомандующий.

— Точно, — с лета ухватил идею Гоша, — пожалуй, серьезного противодействия это не встретит. Никто не увидит во мне конкурента, скорее даже наоборот, и будут советовать Ники побыстрее именно так и сделать, пока я не начал еще на что-нибудь претендовать.

— Тогда, чтобы не терять времени, — предложил я, — ты про это в своем ответе Николаю и напиши. Мол, да, имеют место быть успехи в покорении Пятого океана, в силу чего готов послужить вашему величеству на посту главкома ВВС.

Следующий день мы посвятили занятию фотоделом — для того чтобы в письме Николаю были не только слова, но и иллюстративный материал. Наснимали кучу кадров с самолетом на земле и в воздухе, Гошей в кабине и рядом с ней. В паре снимков на втором плане была Маша. Меня пока решили не засвечивать. Потом Маша поработала над этим в фотошопе, чтобы убрать всякую возможность по снимкам понять конструкцию аэроплана. Получившееся скинули на флешку. В Москве мне предстояло сделать бумажные черно-белые фото. Ну и загнать очередную порцию Гошиного золота, ибо предстояли расходы. А также навестить свою сестру, то есть Машину мать, и сказать, что ее дочь едет на съемки сериала в Бразилию в качестве полуглавной героини. Надолго, сериал предполагается длиной в несколько лет.

— Вот увидишь, даже вопросов не будет, — сказала племянница. — У нас с мамой как-то все не очень пошло, еще когда она за этого своего Генриха вышла, а теперь, когда у меня братик появился, им вовсе не до меня.

Глава 5

Зима. Крестьянин, торжествуя... Да, в Серпухове января 1900 года имелись в наличии и зима, и крестьяне. В отличие от Москвы нашего времени, где со снегом опять напряженка, а вместо крестьян можно встретить разве что таджика с лопатой. Так что я ходил через портал в том числе и покататься на лыжах. А вообще мы начали подготовительные работы к возведению Георгиевска (пока это было неофициальное название, но вроде никто не протестовал). Купили несколько домов и большой сарай на окраине Серпухова, участок земли под застройку, провели переговоры с архитекторами и подрядчиками. Завербованный Гошей Густав Тринклер мотался между Тулой и Москвой, закупая оборудование, материалы и размещая заказы на комплектующие. Борин движок он разобрал на элементы и теперь адаптировал конструкцию под имеющиеся производственные возможности. Кстати, с этим движком и мне пришлось повозиться, чтобы убрать явные анахронизмы. На поршнях с внутренней стороны нашлись расплывчатые буквы «ИЖ» — убрал. Надпись «АТЭ» на катушках затер. Карбюраторы пришлось выкинуть, больно уж они не походили на изделия конца девятнадцатого века. Вместо них я вставил эмульсионные трубочки с ввинчивающейся иглой, как на авиамодельных двигателях, и общий бачок с клапаном наподобие унитаза в качестве поплавковой камеры. Самое интересное, что после этих вивисекций движок еще и работал, только похуже заводился и не держал малых оборотов. Густав, увидев мотор, почти сразу сказал, что все в нем замечательно, вот только приборы смесеобразования проектировал какой-то недоучка, и нарисовал свой вариант вместо моих поспешно приляпанных пульверизаторов. Еще он прикидывал, можно ли систему впуска оснастить лепестковым клапаном. В общем, парень с лихвой оправдал все ожидания, и теперь у еще не существующего Георгиевского моторного завода был вполне реальный главный инженер.

Гоша после трехнедельного пребывания в Питере тоже приехал в Серпухов, где его появление вызвало самый настоящий ажиотаж. Он в своей обычной манере тут же, не отходя от кассы, неслабо пожертвовал двум здешним монастырям и начал создавать местную газету. Как он мне при этом сказал: тренироваться на кошках.

А до этого он пробил-таки создание нового вида войск — Императорского военно-воздушного флота. Кстати, как он заявил, ему

сильно помогла моя докладная записка, где я описывал роль авиации в будущих войнах, делая упор на массированное применение. Как же, помню, я два дня мучился, вспоминая и перенося на бумагу самые бредовые мысли военных теоретиков начала века. Вот уж действительно, никакой противник не выдержит массированного применения задуманных мной этажерок, ибо помрет от хохота. Но сошло. Думаю, окружение Николая было довольно, что Гоша сам нашел себе нишу, никого при этом не задевая. Аликс, как я и предполагал, относительно авиации и Гошиного в ней места была только «за».

Да, и еще в качестве приложения к той своей авиабредятине я написал систему званий ИВВФ, вызвавшую резкую критику со стороны Гоши. Дело было так. Я почитал про чины в тогдашней российской армии и несколько офонарел — от всех этих секунд-майоров, эстандарт-юнкеров и прочих вахмистров рябило в глазах. Причем это еще и постоянно переписывалось. В общем, я предложил простую, логичную и строгую систему. Военнослужащие делятся на солдат, унтер-офицеров, обер-офицеров, штаб-офицеров и генералов. В каждой группе по три звания, причем с одинаковым порядком образования, а именно: младший чин, собственно чин и старший. Например, если штаб-офицеров мы назовем полковниками, то получится младший полковник, полковник, старший полковник. Вот тут Гоша взвился. Он кричал, что это против традиций российской армии, не согласуется с Табелем о рангах и просто неудобно в общении вне строя. Здесь я попросил поподробнее, он разъяснил. Оказывается, в этом случае была традиция опускать приставку перед званием, например, штаб-капитана именовали капитаном, то есть как бы повышали в звании. А если старшего полковника обозвать просто полковником, получится понижение! Ладно, согласился я, вот только в этом месте пойдем навстречу традициям. Пусть звание старшего звучит как-то по-другому. Старший сержант будет старшиной, старший лейтенант — капитаном, старший полковник — бригадиром, а старший генерал пусть называется генералом от авиации. По поводу остального, чему якобы не соответствует эта система, я заявил, что и слышать не хочу. Развели, понимаешь, бардак в чинах и званиях. Авиацию кто будет создавать? Если я, то звания будут такие, которые мне легко запомнить — раз, и пусть они образуют красивую и симметричную систему — два. А если тут появятся всякие обер-кондукторы, то стройте все на фиг без меня.

И вот теперь по возвращении из Питера Гоша с тщательно скрываемым злорадством сообщил, что моя система воинских званий вызвала резкие возражения в инстанциях. Ничего, заметил я ему, время еще

есть, первые самолеты появятся летом, так что у него полгода на то, чтобы продавить кого надо. И вообще, преодоление трудностей закаляет характер.

Был, естественно, в Питере поднят и вопрос о горном старце. Гоша сказал Николаю, что оный дед обещал его навещать и что, как только это произойдет, старику будет немедленно доложено о желании царственной четы с ним проконсультироваться. То, что старец на Кавказе, Гоша в Серпухове, а Николай в Питере — не помешает, при должном уровне святости это решаемые проблемы. Царская чета до конца не поверила, но впечатлилась и теперь пребывала в ожидании.

Собственно, вопрос явления старца народу упирался только в бороду. Имеющаяся у меня, по общему мнению, достаточной длиной не обладала. Гоша, будучи обуреваем нетерпением, нарыл кучу рекламок средств для выращивания волос, но я твердо сказал, что ни пить, ни мазать на себя эту дрянь не буду. Предложения племянницы о накладной бороде тоже были отвергнуты, во избежание аналогий с Санта-Клаусом. И вообще, сказал я Маше, чем над дядей издеваться, сделай лучше программку для ноутбука, чтобы я писал на нормальном русском языке, а оттуда лез текст с ятями и ижицами. Стиль править необязательно.

Но племяннице сейчас было не до того, они с Гошей готовились к биржевым играм, и Маша для этого пыталась адаптировать какие-то программы. Вскорости им предстояла дорога в Москву девятисотого года, где предполагалось разместить штаб-квартиру будущей финансовой компании, а мне тоже надо было в Москву, только на сто девять лет позже.

Основа функционирования любой сложной структуры — бесперебойная связь. Следовало серьезно подготовиться к изобретению лампы-триода. Казалось бы, чего тут такого, вольфрамовая проволока, продетая сквозь спиральку-сетку, вместе они засунуты в трубочку-анод, все это внутри стеклянной колбы с откачанным воздухом. Мне как раз и предстояло своими руками проверить, насколько сложно в производстве такое изделие.

В свое время я работал в Институте кристаллографии, так что, порывшись в старых записных книжках, нашел телефон одного все еще трудившегося там знакомого и через день уже брал уроки стеклодувного мастерства. Там же, кстати, удалось прикупить вакуумный насос со списанного дифрактометра. Первую лампу я ваял три дня. Вторая пошла легче, с третьей вообще управился за день. Со схемой заморочек не было — «трехточку» я помнил еще с армейской службы, где мы частенько развлекались радиохулиганством. Так что по прибытии в Серпухов следовало начинать организовывать радиомастерскую.

Конечно, можно было притащить туда мешок транзисторов и не маяться, но... Как-то незаметно для себя я все больше проникался симпатией к тому миру, и не хотелось подкладывать ему свинью. Притащенные транзисторы кончатся. Приволоку еще — снова кончатся. Потом кончусь я, и Россия останется у разбитого корыта — с радиоаппаратурой, которую невозможно отремонтировать, зато без соответствующей промышленности и кадров. Другое дело эксклюзивные изделия, предназначенные для нашей троицы, — тут современные технологии вполне допустимы, при соблюдении мер маскировки, понятно.

Следующая встреча произошла в феврале 1900 года. В Москве 2009-го был январь, и не из-за разницы в календарях, просто мы с Гошей гораздо чаще находились оба в его мире, чем в моем. Открылся портал из моего гаража в серпуховский дом, и я шагнул в прошлое. Сразу же услышал несколько неожиданные звуки — где-то рядом явно стреляли.

— Это что у вас тут за революция? — удивился я.

Бах! Бах! Бах-бах-бах!

— Да вот, понимаешь, сделал я Маше подарок...

— Наган подарил?

— Нет, девяносто шестой маузер. И вот она теперь третий день стреляет...

Ну и дела. В нашем мире племянница особым интересом к оружию вроде не страдала. В детстве стрельнула раз из охотничьего ружья, и синяк на плече надолго отбил охоту совершенствоваться в этом направлении. А тут, значит...

Бах! Бах! Бах!

Блин, да когда же у нее патроны кончатся, поговорить не дает.

Бах! Бах!

— Все, что ли?

— Она быстро перезаряжает, — вздохнул Гоша.

Мы вышли во двор. На деревянный щит, метрах в пятнадцати, была пришпилена бумажная мишень. Дальше были сложены мешки, похоже, с песком. Судя по разбросу дырок на мишени, до уверенного попадания комару в глаз было еще далеко.

— О, привет, дядь Жора! — Маша отложила приготовленную обойму и шагнула ко мне. — Вот, смотри, что мне Гоша подарил!

— Да, знатная железяка, и вся в каких-то завитушках. Здорово!

— Что б ты понимал! — возмутилась племянница. — Это не завитушки, а инкрустация, и вообще... мы же здесь собрались прогресс двигать.

— Ну понятно, без маузера это никак невозможно. Ладно, делай перерыв, можешь меня чаем угостить, он тут лучше, чем у нас.

— Да, дядь Жора, а тебе здесь пистолет не хочется?

Я задумался. Действительно, тут же это не криминал, а скорее наоборот, так что может пригодиться. Жаль, парабеллум еще не выпускается, позор господину Люгеру. Придется пушку, как у Маши, взять, заодно и унификация боеприпасов будет.

После чая Маша пошла продолжать пальбу, а мы с Гошей поделились достижениями. Я показал сооруженные своими руками одноламповые приемник и передатчик.

— Вот тут и проверим на дальность связи, там не та обстановка. Думаю, днем километров на пятьдесят с хорошими антеннами связь будет, а ночью и на раза в три подальше. Телеграфом. Для телефонной связи нужно еще микрофон из подручных материалов изобрести, да и лампы получше, чтоб не так шумели. Сделаем, но попозже.

— Питание?

— Шесть вольт накал и двести пятьдесят анод. Батареи я захватил, но вообще-то надо здесь искать.

— Стеклодувное оборудование в нашем мире есть, а подходящий насос?

— Да тоже вроде есть, но я там для нашего заводика прикупил по случаю один раритет аж шестьдесят второго года. Японский, между прочим. Год я спилил, иероглифы оставил. Тяжеленный, гад, но вдвоем втащим, если поднатужимся.

— У меня тоже неплохо, потренировался в финансовых операциях, даже прибыль получил. На школу и, как ты это назвал, ПТУ? Вот на них и хватит. И еще насчет казаков...

Я, кажется, уже упоминал, что один из титулов Гоши звучит как августейший атаман всех Казачьих войск. Естественно, пока Гоша сидел в Абастумани, это была чистая фикция. Но теперь само собой напрашивалось наполнить ее реальным содержанием.

— Фамилия Богаевский тебе что-нибудь говорит?

Я задумался. Вроде был такой герой Гражданской войны, у белых, понятно...

— Вот про него вкратце. — Гоша протянул мне бумажку.

Так, Богаевский Африкан Петрович... Я невольно улыбнулся.

— Что там написано веселого? — изумился Гоша.

— Да, понимаешь, в одной из моих самых любимых книг главного героя именно так зовут.

— Дашь почитать?

— Обязательно. Но там совсем не этот Африкан. Ладно, что здесь дальше...

Двадцать восемь лет... Из старинной казачьей семьи, окончил Донской кадетский корпус, потом Николаевское кавалерийское училище с занесением на мраморную доску, то есть с отличием, надо полагать... сейчас заканчивает Академию Генштаба. Весьма перспективный персонаж, имеется в виду для реализации Гошиных планов.

— Думаешь его в командиры?

Гоша решил, что собственную силовую структуру лучше всего создавать из казаков, этакий Особый казачий отряд.

— До командирства этот отряд еще сформировать надо. А так, конечно, потом в командиры.

— А как там с казачьим отделом... в Генштабе, кажется?

— Казачий отдел Главного штаба. Начальник — генерал-лейтенант Щербов-Нефедович.

— Э-э-э... Так у вас что, кроме Генштаба есть еще и какой-то Главный штаб? Не до фига ли?

— Нет Генштаба, есть только Главный штаб его императорского величества.

— Вот те раз — Генштаба нет, а его академия есть. Весело у вас тут, я смотрю.

Гоша пожал плечами — мол, так сложилось, это не его инициатива — и продолжил:

— Я написал письмо, что хочу лично познакомиться с работой отдела. Съезжу в Питер и гляну, как там этот Щербов-Нефедович, можно с ним работать или нет.

— А если нет? — с интересом спросил я.

— Намекну брату, что такой заслуженный генерал достоин большего, например, быть членом Совета военного министра.

Хлопнула дверь, и в комнату вошла румяная с мороза Маша.

— Ствол перегрелся, — с разочарованием сказала она. — Мороз вроде на улице, а он все равно... Да, кстати, ты просил программку для автоперевода на здешнюю орфографию? Я нашла готовую, давай ноут, установлю.

Смысл этого моего пожелания был вот в чем. Ладно, пусть странный вид моих рукописных текстов можно было списать на новозеландскую малограмотность, но переписывать вручную скачанные документы мне

было лень. А печатный текст с соответствующими ошибками мог уже натолкнуть народ на ненужные мысли. Естественно, все бумаги, для которых есть вероятность попасть в архивы, переписывались или перепечатывались секретарем, продукцию принтера все равно не замаскируешь, когда-нибудь обратят внимание. Но внутренние документы... Да и авторитет инженера Найденова от грамматических ошибок страдает. В найденной же Машей программе было несколько шрифтов, в том числе и имитация каллиграфического рукописного. Я посмотрел «свой почерк» — красота! Вот пусть мне теперь все и завидуют.

И наконец сквозь специальную дырку в двери к нам явилась еще одна старая знакомая — кошка. Поглядев на меня, она важно мяукнула, разок из вежливости потерлась о мою ногу и направилась в угол, где обнаружился явно для нее сделанный маленький диванчик.

Глава 6

— Та-ак, вроде лучше... — с сомнением протянул Гоша, глядя на меня, тщившегося стоять в благословляющей позе, да еще и со значительным выражением лица. — Но все равно как-то не очень. Тренироваться надо.

Я и сам видел, что получается хреновато. А ведь это я пока репетировал только позы, не переходя к тексту. В общем, шел процесс дрессировки, превращения меня в горного старца. Подтолкнуло к этому Гошу прочтение книги Соловьева про Ходжу Насреддина.

— Помнишь, как там стражника муллой переодели? — спросил он. — «Но уста его, по многолетней привычке, для самого стражника неожиданно, вдруг изрыгнули сквернословие...» Вот именно это с тобой и будет, как только ты явишься перед Ники. Так что давай еще раз, да не пыжься ты, а стой естественно и величаво.

— Естественно — это вот так! — огрызнулся я, сунув руки в карманы.

— Между прочим, в этом что-то есть... только вот подбородок чуть повыше и глаза щурить не надо...

— Да не вижу я ни хрена без очков!

— Линзы надо контактные, — подала голос Маша. — Знаешь, бывают такие, слегка голубоватые, в них взгляд становится прямо пронзительным. Неземным. О, придумала! Еще лимб надо!

— Лимб-то мне зачем, я же не прибор. Или ты нимб имеешь в виду? Так это у ангелов. Разве у живых людей нимбы бывают?

— Тогда просто сияние сделаем от фигуры, едва заметное... фиолетовое, пожалуй, в самый раз, в тон к джинсам. И голос пустим с реверберацией.

— Ну блин, Бондарчуки собрались, — буркнул я. — Ладно, вот так, что ли?

— Да, уже совсем почти как надо. Видишь, получается, а ты не верил, про нанять актера что-то выдумывал. Если и дальше аналогичными темпами пойдет, через неделю такой горный старец из тебя выйдет — лучше настоящего! Ладно, Жора, еще заход, и хватит, мне сегодня еще корреспонденцию надо почитать, накопилась уже.

После репетиции было совместное чаепитие, а потом Гоша пошел разбираться в бумагах, а мы с Машей — в чертежах. Пора было начинать производство первенцев грозного воздушного флота.

— Дядь Жора, я понимаю, что нормальный самолет выставить на

всеобщее обозрение нельзя. Но почему он именно такой? Сложнее же Гошиного парасоля вдвое!

— Давай я немножко издалека зайду. Каким должен быть идеальный результат? Чего ждут сейчас от самолета? Чтобы он взлетел повыше и поднял побольше, вот и все. Про маневренность никто ничего не знает. Про скорости самолетов тоже. И чем более тупиковая конструкция получится в рамках этих требований, тем лучше. Вот от этого и танцуем. Движок у нас слабенький, пока у Густава получается только шестьдесят килограмм тяги, это не больше ста тридцати сил. А поднять надо двоих. Значит, большое удлинение крыла — раз и работающее горизонтальное оперение — два. Так как самолет кроме всего и учебный, оно может быть только спереди, если сделать сзади, слишком сложный в пилотировании аппарат получается. То есть схема «утка». Дальше. Крыло. На малых скоростях лучше всего работает тонкий выпукло-вогнутый профиль. Что с ростом скорости у него непропорционально растет сопротивление, никто не в курсе. Значит, профиль выбрали. Про большое удлинение я уже говорил. Длинное тонкое крыло из нынешних материалов — это только бипланная коробка.

— А почему у него поперечного «V» нет? Перевернется же?

— Потому что не фиг народ на правильные мысли наводить. Да и не очень технологично это при такой конструкции получится. А чтоб не переворачивался, мы килей сделаем два и расположим их под углом.

— Ну и урод, однако...

— А то! Ты только вникни, какой замечательный набор получился... Схема «утка» — тупик. Тонкий выпукло-вогнутый профиль — тупик. Биплан с большим удлинением крыла — тупик. Да и двухтактный движок тоже тупик, по сути. Но все будут думать, что так и надо, потому что при заданной мощности у этой этажерки действительно близкая к максимально возможной грузоподъемность. Вот и пусть копируют. А вы с Гошей с патентами не затягивайте, это тоже неслабые деньги. Пометь себе: патент на элероны, на управление с ручкой и педалями, на него же со штурвалом и на двухтактный синхронный оппозит. Вроде ничего не забыл?

— А обшивка крыла? Она же у нас с обеих сторон.

— Правильно, и на двухстороннюю обшивку тоже.

Следующие два с небольшим месяца пролетели в делах и заботах, причем я настолько много торчал в Гошином мире, что в моем за это время еще не кончился январь. А тут с наступлением весны развернулось строительство. Строили сразу авиационный завод (по сути, просто огромный сарай и пару небольших домиков-цехов) и моторный завод. В нем же будем производить радиоаппаратуру, для этого много места не надо.

На вершине холма, в самой высокой точке Георгиевска, возводили Гошину резиденцию. Чуть ниже — общаги для рабочих (пока) и дома для инженеров. На Наре планировалась небольшая гидроэлектростанция. Конструкцию движка Густав наконец-то отработал, и таки он у него выдавал сорок сил, как и прототип. Правда, этот прототип весил двадцать пять килограмм, а творение Густава — сорок, но для технологий начала двадцатого века это, я считаю, отличный результат. Был готов и самолет. Как раз сейчас его выкатывали из сарая для первых полетов. На плоскостях и киях красовались черные звезды. Еще было название Н-2 и серийный номер 002 — первым номером мы посчитали парасоль, в данный момент в разобранном виде лежащий в подвале абастуманского дворца.

Я влез на пилотское место (кабина как таковая отсутствовала, имелся только небольшой обтекатель для ног) и велел запускать движок (где ты, «Ротакс» с электростартером?). Специально обученный казак, хекнув, провернул винт. Потом еще раз. Потом еще. Через пару минут таких упражнений движок чихнул, выплюнул клуб сизого дыма, прокашлялся и затарахтел. Прогрев мотор, я дал газ. Пробежав всего метров семьдесят, сооружение вдруг взлетело, без малейших на то специальных действий с моей стороны, и бодренько так начало набирать высоту. Я дал ручку от себя. Набор высоты прекратился, скорость увеличилась. Еще чуть от себя с уменьшением газа — и я еле успел среагировать. Аппарат вдруг резко клюнул носом, мгновенно просел метров на десять, и только хорошая реакция спасла меня от встречи с землей. Не-э, так мы летать не будем. Я прибрал газ, этажерка села. Развернувшись и не взлетая, я направил машину к месту старта и заглушил мотор.

— Пока на этом летать нельзя, — объяснил я столпившимся зрителям.

— Как? — удивился Густав. — Вы же только что летали!

— То, что я делал, называется не летать, а колбаситься. Тащите этот механизм обратно в цех, дорабатывать будем.

Причины такого поведения самолета мне в общем-то были ясны, дело в принципиальной продольной неустойчивости схемы «утка». Я хорошо запомнил положение ручки, при котором нос рвануло вниз. А теперь приделал к рулю высоты ограничитель, чтобы он просто не мог уменьшать свой угол атаки ниже только что практически установленного. Кроме того, прямую качалку я заменил косой, так что в конце движения ручки вперед передаточное отношение к рулю высоты понижалось. Еще за время своего недолгого полета я заметил, что лететь прямо этот аппарат не желал категорически, так и норовил куда-нибудь свернуть. Явно не помешало бы увеличить курсовую устойчивость — но как? Увеличивать кили не

хотелось, они и так здоровые. Удлинять хвост — это нарушать центровку, тоже не фонтан. Подумав, я просто установил кили с небольшим, порядка градуса, схождением по курсу. Все это рукоблудие заняло остаток дня.

А остаток вечера ушел на не очень типичное для меня занятие — самоанализ. Ведь ситуация в полете была критической, спохватись я на треть секунды позже, лежал бы сейчас с переломанными костями, а они в моем возрасте очень плохо срастаются. Получается, что я уже настолько встроился в этот мир, что готов рисковать жизнью ради достижения тутошних целей? Причем вроде даже с меньшими сомнениями, чем дома... Похоже, что мой дом теперь тут.

Следующим утром красу и гордость российского воздушного флота опять выкатили из сарая. За время доработок она кроме номера обзавелась еще и именем — «Святогор».

Снова прогреваю движок и отрываюсь от земли. Теперь я уже готов к тому, что для взлета мне вообще ничего не надо делать. Набираю метров пятнадцать и осторожно пробую двинуть ручку вперед. Да, сейчас явно лучше, рывка вниз не происходит, самолет просто немного опускает нос и начинает снижаться, правда давая крен при каждом порыве ветра. Сажусь, делаю еще один подлет. Вроде ничего. Теперь — лететь всерьез.

В общем, после переделки поведение этажерки можно было считать приемлемым. Появилось какое-то подобие курсовой устойчивости. Исчезло свойство резко нырять вниз при неосторожном движении ручки. Но это был явно самолет только для горизонтальных полетов, любой вертикальный маневр он делал, почти не изменяя своего угла относительно горизонта. То есть познакомить человека с небом и с общими принципами управления — годится. Обучить пилота для полетов на любом самолете, кроме этого, — нет.

Я покачал крыльями собравшимся на аэродроме зрителям и полетел в сторону Серпухова, в районе вокзала снизился и сделал несколько кругов метрах в пятидесяти над крышами. На втором круге из домов начал выскакивать народ. На четвертом его уже можно было обозвать словом «толпа». Нарезав над ней еще пару кругов, я дал газу, поднялся и полетел назад в Георгиевск. Летные данные воздушного лайнера меня просто умиляли. Максимальная скорость семьдесят. Крейсерская — шестьдесят. Взлетная и посадочная — пять. Фантастика!

После меня слетала Маша. Примерно через десять минут ей надоело унылое ползание по воздуху, и она села.

— Ну дядь Жора, ты и сотворил! Я... э-э-э... — Она оглянулась на Гошу. — Офигеваю. Даже после того парасоля это все равно что с

мотоцикла на мотоблок пересесть.

Тем временем обстановка на аэродроме все менее напоминала нормальную. Густав уже примерялся в сорокасантиметровую щель между движком и пилотской спинкой, говоря, что он худой, легкий и имеет право на третий в России полет как конструктор двигателя. Побросавшие работу строители толпились у аэродрома, что-то орали и бросали вверх шапки. К тому же от Серпухова к Георгиевску тоже наметилось движение, сдерживаемое только речкой Нарой.

— Так, бардак прекращаем! — подал голос я. — Ваше высочество, всеподданнейше намекаю — пусть казаки примут дополнительные меры для недопущения на аэродром посторонних. Густав, слезьте с центроплана, как только будет готов двухместный самолет, тогда и вы полетите. Маша, куда ты послала этого господина, не могла просто в задницу? Вежливей надо, это же корреспондент местной газеты!

Вот так в Гошином мире официально родилась русская авиация.

Вообще-то заложено было сразу три самолета, и строились они параллельно, но главную трудность представляли собой моторы. Воодушевленный Густав, недосыпая ночами, за четверо суток довел до ума второй. На третий самолет поставили мой прототип.

Гоша написал письма Жуковскому и Менделееву, приглашая их посмотреть на первые полеты российских аэропланов, но в случае с Жуковским опоздал. Тот явился сам, и не один, а в компании Гиляровского — да-да, того самого. Как выяснилось, известие о серпуховских полетах достигло Москвы вечером того же дня. Гости же приехали как раз к окончанию испытательных полетов «Святогора» номер 003 — двухместного, но без дублирующего управления для ученика. Так сказать, пассажирского лайнера. В отличие от учебного у этого самолета место пассажира было за пилотом, впритык к двигателю.

Гостей встретил Гоша.

— Николай Егорович, Владимир Алексеевич, я очень рад вас видеть. Чайку с дороги не хотите? А потом пройдем на аэродром, так мы называем место для взлета и посадки самолетов.

Гиляровский остался невозмутим, Жуковский не смог сдержать радостного удивления.

— Да-да, конечно, ваше высочество, как вам угодно, вы же здесь хозяин. Э-э-э... прошу извинить, вы что, читали мои труды?

— Только названия, — улыбнулся Гоша, — но надеюсь их еще прочитать. Посвященные аэродинамике, теории устойчивости самолетов,

расчетам воздушного винта. В этом есть очень большая надобность, уважаемый профессор.

На аэродроме Гиляровский сразу спросил, возможно ли ему поучаствовать в полете.

— Разумеется, — сказал я. — Прямо сейчас готовы? Тогда полезайте вот сюда, поместитесь?

С некоторым трудом Владимир Алексеевич поместился.

— Значит, так. Видите ремень? Пристегнитесь. Держаться за эту рейку. Если захотите что-нибудь мне сказать, кричите вот в эту трубу. Причем сначала просто что-нибудь для привлечения моего внимания, а потом уже текст. Чтобы услышать мой ответ, прислоняйтесь к раструбу ухом. В полете будет шумно, сразу предупреждаю. Да, еще вот вам очки, наденьте.

Я проверил самолет и занял свое место.

— Заводи мотор!

Разбежался самолет долго и высоту набирал с большим трудом, все-таки Гиляровский был мужиком весьма весомым, примерно как два Тринклера. Полкилометра высоты мы набирали минут пятнадцать, долетев до того места, где в нашем мире был город Чехов, а тут — еле заметная с высоты деревенька. Развернулись и со снижением полетели обратно, а то мотор уже сожрал полбака. Время от времени я оглядывался назад, как там пассажир, не плохо ли ему. Не каждый организм хорошо себя чувствует, сидя на двух досках на высоте Останкинской телебашни. Но Гиляровский держался уверенно, словно летал далеко не первый раз, и иногда интересовался высотой и скоростью полета.

На пути с аэродрома он расспрашивал меня о том, как я представляю себе применение летающих машин.

— Перевозка срочных грузов и пассажиров туда, где нет железных дорог, — начал перечислять я. — В военном деле — разведка, связь, корректировка артогня. Ну и скинуть можно что-нибудь на противника, бочку с порохом например.

— Что означают черные звезды на крыльях и... как называются эти поверхности сзади?

— Это кили. А черные звезды означают принадлежность к Императорскому военно-воздушному флоту.

Вообще-то эти звезды появились случайно. Еще в процессе сборки я велел нанести на плоскости опознавательные знаки, но, забыв уточнить какие, за чем-то нужным умотал в наш мир. Не найдя меня, исполнители поинтересовались у Маши, что такое «опознавательные знаки». Маша была занята и отмахнулась: «Звезды». Некоторое время народ пребывал в

недоумении относительно их цвета, но потом сообразили, что в Георгиевске никакой краски, кроме черной, и нет. Задним числом Маша придумала, что звезды символизируют то, это и еще что-то, не помню уж, чего она там наплела. Но зато фигура получилась простая, самый бесталанный техник не ошибется, а попробуй его заставь, например, орла нарисовать.

— Пожалуй, — задумался Гиляровский, — мы с вами сейчас и не представляем себе всех возможностей вашей машины. Скажите, а как получилось, что вы вообще занялись изобретением аэроплана?

— Ну даже и не знаю... Вот как, например, случилось, что вы стали писателем? Есть же много гораздо менее хлопотных занятий — пить водку, например.

— Одно другому не мешает! — захохотал Гиляровский. — Если можно, еще вопрос. Кто кого нашел — вы Георгия Александровича или он вас?

— Процесс был обоюдным, — ответил я. — И сейчас от сотрудничества пользу получают обе стороны.

Беседа с Жуковским протекала на фоне показа нескольких простеньких бумажных моделек, склеенных мной специально для этого.

— Значит, определяем аэродинамическое качество как отношение подъемной силы к силе сопротивления. Оцениваю я его так: пускаем модельку. Видите, планируя с высоты метра, она пролетела метров семь. Значит, ее качество равно семи.

— Правильно, — кивнул Жуковский.

— Далее. Не совсем очевидный факт, но однозначной связи веса и качества нет. Вот смотрите.

Я приклеил к модельке копейку и снова пустил ее в полет. Она улетела на пару метров дальше. Приклеил еще копейку — и она пролетела всего пять метров.

— То есть ясно, что для каждой конкретной конструкции есть какая-то оптимальная нагрузка, выше и ниже которой качество падает.

— Точнее, оптимальная скорость, — заметил Жуковский.

Дальше мы побеседовали о профилях крыла и способах управления аэропланом в полете. Когда я как об очевидной вещи упомянул, что аэродинамический центр никоим образом не совпадет с геометрическим, Жуковский восторженно воскликнул:

— Вы можете это доказать?

— Пожалуйста. Берем этот бумажный прямоугольник. Его центр тяжести совпадает с геометрическим, согласны? А теперь пускаем его в

полет. Видите, вертится? Значит, аэродинамическая сила приложена не к центру тяжести, а, судя по направлению вращения, спереди от него.

— Поразительно, как вы смогли столь далеко продвинуться такими простыми средствами.

— Для этого потребовались десятилетия опытов, часто неудачных. — Я не стал уточнять, что это были не мои опыты, но закончил чистой правдой: — Первую летающую модель я построил, когда мне было десять лет.

— И еще вот что надо сказать, — продолжил я, — мы с Георгием Александровичем очень надеемся на дальнейшее сотрудничество с вами. Но — только на условиях соблюдения строжайшей секретности. Применение аэропланов будет в основном военное, а наши потенциальные противники имеют гораздо более развитую промышленность, чем Россия. И широкое распространение результатов научных разработок приведет к тому, что воспользоваться ими они смогут раньше нас. В общем, подумайте.

Глава 7

«Внимание! — раздался у меня в мозгу голос Гоши. — Поднимаюсь по лестнице. Получасовая готовность!»

«Есть получасовая. Маша, давай последнюю пробу».

Стены гаража, задрапированные бархатом и прочими тряпками, озарились мертвенным фиолетовым светом. Яркими пятнами выделялись подсвеченные светодиодами иконы на одной стене и какая-то намалеванная Машей абстрактная хрень на другой. Я покосился на пришпиленный к рукаву наладонник со шпаргалкой. Многоваттные динамики, установленные у входа, гулко ухнули — это, по мнению Гоши с Машей, был звуковой эффект явления старца. Свечение усилилось.

— Вы звали меня, и я пришел! — прогудел я.

По гаражу заметалось эхо реверберации. Маша в углу передвинула несколько тумблеров на своем пульте.

— Тест кресла.

Кресло за моей спиной повернулось вправо-влево, откатилось к стене гаража, потом двинулось вперед и подъехало ко мне. Я сел.

— О чем вы хотели просить меня? — Теперь работали уже динамики кресла.

— Тест инфразвука! — скомандовала Маша.

Я нажал локтем клавишу, и мощный саббуфер, установленный под сиденьем, уперся в пол. По спине побежали мурашки, восемь герц здорово действуют на нервную систему.

— Все в норме. — Маша встала из-за пульта. — Теперь ждем Гошу.

Пятого мая одна тысяча девятисотого года, в полдень, в библиотеке Николая Второго (Зимний дворец) сам воздух, казалось, был наполнен напряженным ожиданием. Императрица, не находя себе места, то вставала, то без сил опускалась на стул. Его величество несколько растерянно переводил взгляд с супруги на входную дверь и обратно. Только великий князь Георгий стоял спокойно, облокотясь на перила лестницы.

— Скоро? — нервно сцепила пальцы императрица.

— Да, — кивнул Георгий. — Собственно, уже сейчас. Смотрите! — Он протянул руку в сторону двери.

Впрочем, никакой двери там уже не было — просто черный круг. С потусторонним звуком, напоминавшим вздох огромного животного, круг

превратился в арку, из которой шло бледно-фиолетовое сияние, а в центре стоял величественный старик в синем. За ним можно было разглядеть контуры какой-то фантастической пещеры. Старец перевел взгляд пронзительных голубых глаз с Алисы на Николая и мощным, нечеловеческим голосом произнес:

— Вы звали меня, и я пришел.

«...Пришел, шел, ол...» — несколько раз эхо переместилось из пещеры в библиотеку и обратно.

Царственная чета беззвучно открывала и закрывала рты, говорить пока не получалось.

Старец сделал несколько шагов вперед. Вдруг в глубине пещеры произошло какое-то движение, и оттуда выплыло большое, необычной формы черное кресло. Когда оно оказалось в центре библиотеки, горный старец сел в него и сделал жест рукой. Арка перестала светиться и исчезла, теперь вместо нее снова была просто дверь.

— О чем вы хотели просить меня? — Голос старца теперь стал уже более тихим и человеческим, но все равно казалось, что он говорит в огромном помещении с отличной акустикой, а не в небольшой дворцовой комнате.

Алиса встала, вся бледная от напряжения. Она явно хотела что-то сказать, но губы ее не слушались.

— Успокойся, девочка, — доброжелательно произнес старец, — и можешь говорить по-английски, если тебе так проще. Хотя мне приятнее слышать русскую речь.

— А-а... Ваше... — Императрица беспомощно оглянулась.

— Старец, — негромко подсказал Георгий.

— Скажите, старец, — наконец справилась с волнением Алиса, — смогу ли я подарить его величеству наследника? И когда это будет?

— Зачем? — В голосе старца лязгнул металл. — Его все равно убьют ребенком.

— Как?! — Теперь уже Николай вскочил.

— Штыками. — Старец был невозмутим, но в его глазах императору почудилась тень насмешки. — Труп потом бросят в колодец.

Он положил руки на подлокотники кресла, и императорская чета вдруг почувствовала, как от неосознанного ужаса перехватывает дыхание.

— Впрочем, вас тоже убьют, Ники и Аликс, — грустно добавил старец, — если вы не найдете в себе силы изменить ход событий. Это трудно, но возможно.

— Но как можем мы противиться Божьей воле? — с тоской спросил

император. — И разве не все предопределено им?

Повисло тяжелое молчание, Аликс с трудом удерживалась от обморока. Наконец гость снова заговорил:

— Или не дал нам Господь свободной воли? Всем он в жизни посылает испытания. И никогда эти испытания не являются непосильными. Но и легкими они тоже не бывают. Подумайте об этом.

— Как? Как нам преодолеть грядущий ужас? — встрепенулась императрица.

— Только лишь неустанной заботой о благе России. И помните — это ваш крест, и больше ничей! Ваши родственники глупы и корыстны. Лишь он... — жест в сторону Георгия, — чист душой, за что и был исцелен. Помните — только вы и народ. Между вами никого нет. А народ голодает. Что вы сделали для облегчения этого? Там, — жест куда-то вверх, — уже переполняется чаша терпения. Вспомните об этом осенью. И когда смерть станет на пороге, не впадайте в грех отчаяния, а покайтесь и позовите меня. Я все сказал.

Старец встал, величавым жестом перекрестил императорскую чету и двинулся к двери, вместо которой снова сияла арка. За ним поспешило кресло.

В гараже я первым делом избавился от контактных линз, затем мысленно похвалил себя, что удержался от напутствия: «И не ешьте на ночь невымытых фруктов». Маша отсоединила провода от аппаратуры. Сегодня никаких порталов уже не получится, но завтра — в Серпухов. А перед этим отрезать как минимум две трети от надоевшей мне длинной седой мочалки, изображавшей старцеву бороду.

Ближе к вечеру со мной связался Гоша — оказывается, все это время он растолковывал Николаю с Алисой то, что я им наплел за пять минут. Он предложил в следующий раз после выступления старца вручать зрителям если не си-ди, то хотя бы валик фонографа с записью концерта, будет меньше вопросов типа «А что он сказал потом?».

Как и было задумано, Гоша остался в Питере порешать накопившиеся вопросы, а мы с племянницей пошли ко мне домой, где трое суток просидели в Интернете, скачивая всякие полезные вещи. Наконец Гоша вернулся в Георгиевск, и мы через портал перешли туда же.

Там нас ждала новость, повергшая меня в ступор. Оказывается, за время нашего отсутствия произошло сразу и первое в России летное происшествие, и первое ДТП. Вы, наверное, уже догадались — самолет столкнулся с автомобилем. В принципе дело житейское, но ведь автомобиль в России был всего один! Самолетов было три, но два из них

без меня никто не трогал. «Хорошо еще, что мы подводных лодок не строим», — мрачно подумал я и пошел разбираться. Меня, собственно, интересовало — кто начудил?

Как только появился первый (и пока единственный) учебный самолет, была образована летная школа. Курсантов я набрал восемь: два пехотных поручика, два казачьих хорунжих, два рядовых казака и два казачонка (чьихто младшие братья). Из них право летать самостоятельно пока заработали тоже двое: один казачонок и один поручик. На моем же квадре вообще никто не должен был ездить!

Быстро выяснилось, что причина была насквозь стандартной. Два поручика нажрались, после чего тот, что уже имел право летать, решил покатасть по небу того, кто еще не имел. Хорошо хоть на квадре никто не ехал, его просто выкатили из сарая, чтоб там прибраться. В результате — у квадра погнут руль, самолету нужно несколько дней на ремонт, а оба урода невредимы. Да, пора писать уставы. Но до этого я собрал личный состав и, стараясь применять как можно меньше цензурных выражений, сообщил, что появление в пьяном виде на аэродроме с дальнейшей службой в авиации несовместимо. И что только на первый раз конкретно у этих двух козлов есть выбор — либо на полгода в аэродромную команду, тряпками оттирать плоскости от касторки, либо собирать манатки и валить куда-нибудь в Кушку. Что интересно, оба выбрали тряпки. Флаг вам в руки, напутствовал я их и пошел разбираться с молодой сменой. Имелась в виду не Маша, а два студента, присланных Жуковским, — Миронов и Гольденберг.

Когда я зашел, в комнате, громко именуемой «конструкторское бюро», шла ругань. Я присмотрелся и прислушался. Оказывается, Саша Миронов изобрел тандем, причем бипланный и симметричный — мотор спереди, мотор сзади и два раза по два крыла посередине. Гольденберг же сомневался в летных качествах этого тянитолкая и предлагал мультиплан. Только вот он еще не определился, сколько надо крыльев друг над другом — четыре или сразу шесть. Ладно, пусть еще потренируются в изобретательстве, а через некоторое время можно будет начать потихоньку направлять их порывы в нужную сторону.

Гоша рассказал мне о результатах своих бесед с Николаем.

— Ты знаешь, он действительно решил следовать нашим установкам. Затребовал материалы по голодающим губерниям. Сам наткнулся на письма какого-то мелкого чиновника, возмущавшегося царившими там беспорядком и казнокрадством...

— И что? — заинтересовался я.

— Вызвал того чиновника к себе. Долго беседовал, записал основные факты, — с гордостью за одумавшегося брата продолжал Гоша, — а потом дал ему секретные полномочия и отправил с инспекцией по России.

— Ой, е... — схватился за голову я. — Ну что же он за дурак такой, даже отговорить не удалось?

— То есть как это отговорить? Зачем?!

— Ага, значит, там был не один дурак, а... больше. Ну сам посуди, проверять — это уметь надо! И требуется соответствующий склад характера. А мелкого чиновника мгновенно купят на корню или, даже не покупая, просто так ему лапши на уши навешают. Ладно, а с теми фактами, что ваш инициативец сообщил, с ними как?

— Назначено расследование.

— Кому поручено?

Гоша заглянул в блокнот:

— Полковнику фон Вендриху.

— Интересно, что за кадр, надо будет дома в Инете посмотреть... Что-нибудь еще занятное было?

— Витте проявил внимание к моей особе.

— А именно?

— Ты знаешь, — смутился Гоша, — такое впечатление, что ему просто не с кем было поболтать. Совершенно ни о чем существенном он не спрашивал.

— Да-а, надо бы тебе диктофон подарить... Более чем уверен, что Сергей Юльевич выяснил все, что хотел, и чуток сверх того. Диктофон... слушай, а заведи-ка ты себе личного секретаря. Такого пройдоху, который влезть куда надо без вазелина с пеленок умеет. Вот только где взять? Может, среди твоих казацких писарей найдется?

— Я и сам начинал думать об этом, — признался Гоша. — Так что поищу.

Наша неспешная беседа была прервана воем самолетного мотора над самой крышей, быстро сменившимся треском разваливающегося аэроплана. Еще один учебный полет прошел не совсем безукоризненно.

— Похоже, мне надо отлучиться ненадолго, — вздохнул я. — Да и ты бы со мной сходил, не помешает. Ну если опять по пьяни... Где там Маша? И пусть маузер захватит.

В этот раз я оказался неправ — пьянкой тут и не пахло, совсем наоборот. Во время очередного полета казачонку Мишке в руль высоты угодила какая-то летающая тварь с перьями. Деревяшку вывернуло под неестественным углом и заклинило, а паренек, работая только газом и

немного элеронами, ухитрился дотянуть до аэродрома и сесть, сохранив и себя, и самолет — разбитое в хлам шасси в такой ситуации не считается. Так что маузер тут не нужен... хотя Гоша так не считал. Запрыгнув на мой квадрат, он помчался к своей резиденции и через пять минут прикатил обратно.

— Авиатор Полозов! — торжественно обратился он к казачонку. — За мужество и умение, проявленные при выполнении полетов, присваиваю вам внеочередное звание ефрейтора авиации и награждаю именным оружием! — И протянул ему деревянную кобуру с творением немецких оружейников.

— Рад стараться, ваше высочество! — радостно вякнул новоиспеченный шнурок.

— Это самое, — удивился я, — когда это мои звания утвердили?

— Никто твои клоунские чины не утверждал, — ехидно ответило его высочество, — поэтому-то я и могу их присваивать пятнадцатилетнему парню. Подрастет — видно будет.

Чуть позже мы с Гошей продолжили наш разговор.

— Еще я говорил с Ники о Дальнем Востоке, — сказал он. — И я надеюсь, мне удалось убедить его, что обострять отношения с Японией ни к чему.

— Оно, конечно, хорошо бы, — хмыкнул я, — но делать выводы пока рано. Кстате насчет Японии. Про Цусиму и прочее ты, я видел, читал. Наверняка уже мысли появились о модернизации наших кораблей.

— Конечно, я только пока еще не придумал, как это пробить. Дядя Алексей — фигура та еще.

— А зачем? Зачем тебе вообще броненосцы? Англичанам они нужны для демонстрации присутствия в колониях, для обеспечения безопасности морской торговли, ну и для борьбы с такими же у противника. А нам — только последнее!

— И что?

— Представь себе рыцаря. Здоровенный мужичище, весь в железе, копье с телеграфный столб и коняка а-ля слон. Чтоб его победить, нужен либо другой, еще здоровее и «железнее», либо два таких, как он. Или просто выставить против него арбалетчика. Если арбалет хороший, рыцаря можно сразу отпевать. И стоит этот арбалет в двадцать раз дешевле одних доспехов, а там ведь еще лошадь, оружие, да и сам рыцарь вещь недешевая. Это я к тому, что принцип «подобное — подобным» в военном деле работает далеко не всегда.

— Выставь против рыцаря двух пехотинцев, он их стопчет и не заметит. А у арбалетчика против них нет шансов.

— Правильно, любое оружие имеет тактические ограничения. Тот же броненосец в Царицынском пруду много не навоюет.

— Ты хочешь сказать, что нам нужны не броненосцы, а средство уничтожения таковых у противника?

— Именно. Вот, смотри.

Я положил на стол свой самодельный передатчик. На другой стол положил приемник, но доработанный — были добавлены два реле, электромотор и аккумулятор для него. Включил питание, подождал, пока прогреются лампы, и нажал кнопку на передатчике. У приемника щелкнуло реле, мотор закрутился. Отпустил кнопку — мотор встал. Нажал другую кнопку — сработало второе реле, и мотор пошел работать в обратную сторону.

— Ну как?

— Аппаратура радиуправления! — догадался Гоша. — Причем ненамного сложнее обычной радиостанции, я смотрю. И куда же мы ее поставим? На самолет нужно не две команды, а шесть... значит, на катер?

— Вот именно. Причем на небольшой катер, водоизмещением порядка тонны. Но быстрый, километров шестьдесят как минимум чтоб давал. И под завязку набить амматолом, понятно.

— Это тридцать три узла, — сосчитал в уме Гоша.

— Да, — согласился я, — хоть мне и грустно, но придется мерить скорость в узлах, а не километрах, как люди. Потому что цели будут иметь скорость именно в узлах. Но ничего, вот как всех противников перетопим, тогда и на флоте можно будет навести порядок. И будут наши корабли не ходить со скоростью десять узлов, а плавать со скоростью восемнадцать километров в час.

— Одна надежда, что я не доживу до свершения всех твоих планов, а то давно бы утопился. На катер будем наш самолетный мотор ставить?

— Вот видишь, сам все и придумал. Осталось найти какого-нибудь судостроителя. Пусть нарисует такую лодку, а то я по водоплавающим машинам не специалист.

— Да, и вот еще, — добавил Гоша, — помнишь, мы говорили про оружейный заводик? Пора уже. Мой отряд начал формироваться, через месяц сюда Богаевский приедет. Желательно к этому времени нам решить, чего же мы хотим в смысле вооружения.

— Денег-то хватит?

— Я именно из этих соображений — мы с Машей зарабатываем

быстрее, чем ты тратишь.

— Ну вот, на старости лет еще придется в оружейной автоматике разбираться, — вздохнул я.

— Ладно, не прибедняйся, мне Маша рассказала со слов своей матери, как ты в детстве автоматический самопал построил. Так что вспоминай молодость, и вперед. Да, и вот еще что... — Гоша слегка замялся. — Ты работаешь, но почти ничего не тратишь на себя... У тебя даже дома тут нет.

— Жалко тебе комнаты, что я в твоей резиденции занимаю? Ладно, шучу. Действительно, хибарка не помешает. И кстати, не только тут. То, что горный старец из гаража является, это непорядок.

— Сколько?

— Миллионов шесть хватит. наших рублей, естественно.

— Тьфу ты, а я уж хотел испугаться. Приобретай, не вопрос.

Глава 8

— Нет, иногда я тебя просто отказываюсь понимать! — Гоша был возмущен. — Нашелся великолепный изобретатель, за несколько лет до Даймлера построивший бензиновый двигатель, вплотную подошедший к созданию дирижабля и подводной лодки, а ты? Что ты пишешь ему? «На каких условиях вы в этом году можете поставить двести пудов арборита?» И это когда у нас даже на проектировании самолетов сидят студенты! В чем дело?

— Вот в этом! — Я показал ему несколько листов с текстом и рисунками. — Именно в письме от господина Костовича, по поводу которого ты с таким энтузиазмом мечешь икру. Можешь вкратце, одной-двумя фразами, изложить его содержание?

— Если вкратце — нам предлагают принять участие в постройке дирижабля с уникальными данными, и я не...

— Стоп. Найди мне в письме слова «принять участие». Нету их там. А есть предложение: «Дайте мне сто тысяч, и я вам построю дирижабль».

— Сто двадцать, — уточнил Гоша.

— Тем более. И хрен бы с этими тысячами, но ведь это еще не все! Все патенты, полученные в процессе работы, будут его собственностью — а вот на это я не согласен никак. И не только я, это общепринято. Если изобретателю дадутся деньги на реализацию проекта, то финансирующий входит в долю! И часто она больше половины. Гоша, слово «концерн» означает контролируемость всех работ, ведущихся под его эгидой. И кстати, один-то дирижабль он уже начинал строить. Не напомнишь, чем это завершилось?

— По неизвестным мне причинам работы были остановлены.

— Деньги кончились. А их, между прочим, было выделено двести тысяч. То есть не верю я, что запрошенной суммы ему хватит. И предложенный им вариант сотрудничества для нас неприемлем. А вот авиационную фанеру с его заводика, которую он называет «арборит», мы как раз готовы покупать.

— Значит, ты настаиваешь...

— Именно. Нам нужна его фанера. Нам очень нужны толковые инженеры. И соберись он работать у нас, за окладом дело не станет. Если наемный труд его не прельщает, мы готовы с ним сотрудничать на условиях: деньги наши, патенты наши, его доля тридцать процентов.

— Жмот!

— Ладно, сорок девять. Но не больше, это принципиально. Вот про это мы ему и напишем.

— Милый, мне кажется, дядя прав, — вступила в дело тяжелая артиллерия в лице Маши. — И еще объясни мне, зачем нам дирижабль? Нам же его держать негде!

— Эх, вас хлебом не корми, только дай загубить идею-другую... Ладно. Тем более что сразу после появления фанеры мне кто-то обещал нормальный самолет, а то на этой этажерке я разучусь летать, причем даже и не научившись толком. Что у нас еще на сегодня?

— Подготовка к показательным полетам, — взяла слово Маша. — И ты уж меня извини, Гошенька, но вот тебе еще надо тренироваться, этажерка-то она этажеркой, но... э-э-э... упасть на глазах у публики, тем более великому князю, — это нехорошо. Неделя у тебя есть — надо отработать заход на посадку. И что ты там говорил про торжественный прием после полетов?

Да, за всеми нашими делами Маша до сих пор так и не удосужилась побывать ни на одном балу, о чем порядком сожалела. Мне, кстати, тоже интересно было бы посмотреть на Наташу Ростову в исполнении моей племянницы. Но теперь все, масштаб события обязывает. Первые в России и мире публичные полеты! Исполняют дуэтом цесаревич Георгий и новозеландская пилотесса Мария! Кстати, надо не забыть заставить ее на карту этой самой Зеландии посмотреть хоть раз. После полетов — тот самый торжественный прием в Петровском дворце, это где сейчас академия имени Жуковского.

Когда я в очередной раз вернулся к себе в Москву, квартира показалась мне маленькой и непривычной — так всегда бывает после долгих путешествий. Посмотрел в Инете предложения по загородным коттеджам, посетил оружейные сайты, написал пару писем. Гоша тоже сидел в Сети.

— Ну и ни хрена себе! — раздался с кухни его возглас. — А я-то губы раскатал...

Надо заметить, что общение с нами заметно расширило Гошин лексикон.

— Что там случилось? — заинтересовался я.

— Помнишь, я говорил про мелкого чиновника, которого Ники отправил с инспекцией? Так он его и в вашем мире отправлял, без всяких твоих и моих увещаний!

— И что?

— Ничего. Исследователи, правда, не могут решить — купили того или просто обвели вокруг пальца, но результат нулевой.

— А расследование тоже было?

— Непонятно, но про Вендриха тут много. И ни слова хорошего, что характерно.

— В принципе я чего-то такого и ожидал. У твоего брата нет воображения, и неочевидные опасности его не пугают. Да и склонен он оттягивать принятие решений до последнего. Будем надеяться, что тиф, которым он заболеет ближе к осени, хоть как-то вправит ему мозги, все-таки чуть не помрет человек. А не ему — так Алисе, та уж точно страху натерпится.

— Да, с тифом, пожалуй, ты прав... — вздохнул Гоша.

Когда мы в процессе подготовки визита старца наткнулись на то, что Николай осенью девятисотого года опасно заболевает, Гоша сразу предложил не допустить этого, ведь профилактика тифа не такая уж сложная вещь. Мне казалось, что лучше оставить все как было. Теперь, значит, одной головной болью меньше, не надо будет еще и по этому поводу с высочеством собачиться.

— Ладно, а по катерам ты себе подборку сделал? — напомнил я (мы решили, что собственно катерами займется Гоша, я только радиоуправлением).

— Да, но у меня сложилось впечатление, что это неэффективное оружие. Очень простые методы борьбы — крупнокалиберные пулеметы и постановка радиопомех.

— Откуда у японцев на кораблях крупняки? — возразил я. — Потом — да, появятся, а поначалу — только противоминная артиллерия. Ею, конечно, тоже быстро наловчатся наши лодки топить, но ведь не сразу же. Первые несколько запусков, думаю, будут удачными. А потом — только ночью. И нормальные помехи искровыми передатчиками не создашь, это только когда у супостата тоже лампы появятся, так что время есть. Да и не догадаются они сразу про радио.

— То есть как? Катер сам маневрирует... Ну не про провода же они подумают?

— А мы после каждого применения будем распространять дезу об очередном беспримерном подвиге какого-нибудь кочегара или мичмана. Мол, впав в неконтролируемый героизм, набил катер взрывчаткой и с криком «За веру, царя и отечество!» вмазался во вражеский крейсер. Вечная слава и так далее.

— Значит, ради всего нескольких успешных запусков ты предлагаешь

строить завод, разрабатывать катера...

— Ты сравни с ценой самого занюханного броненосца — увидишь выгоду. Опять же не пропадет завод, инженеры и рабочие на катерах наберутся опыта и будут потом нормальные торпеды делать.

— Ну ладно, посмотрим. С оружием у тебя как?

— Автомат под патрон для маузера мы производить сможем, он простой. А вот насчет пулемета — не знаю. Я тут сделал подборку, а ты уж пригласи какого-нибудь приличного оружейника, того же Федорова, пусть думает. В нашей истории он в основном на энтузиазме работал.

— Может, лучше просто взять детальные чертежи какого-нибудь хорошо зарекомендовавшего себя образца и запустить в производство?

— Вряд ли. Половины нужных видов стали в твоём мире небось просто нет, а какие есть — не так называются. Так что конструкцию все равно придется адаптировать, ты мой движок вспомни. Заодно и собственная школа может появиться, это поважней одной слизанной модели будет. Так что мобилизуй обаяние — и за Федоровым.

— Сейчас гляну про него в Интернете, и можно домой. Ты как?

— И я с тобой. Только по дороге в гараж сигарет купим. Да, вот еще мусор надо вынести... ой, блин. Гоша, ты живого идиота видел? Если нет, пользуйся моментом, он перед тобой.

— Приятно, когда партнер дает объективную самооценку, но в связи с чем она вдруг прорезалась? Попробую методом дедукции... Ты взялся выбрасывать пакет с каким-то хламом — и прозрел. Ну-ка что там... Журналы «Нева», хоть и в количестве двух связок, так на тебя подействовать не могли. Три подержанных ботинка тоже. Значит, старый телефон. И что в нем так способствует самокритике?

— Микрофон там угольный. Помнишь, как я три дня маялся, пытался из ваших материалов электродинамический изобразить? Ни фига и не вышло, вот про угольный я не сообразил, а это простейшее устройство, там, кроме мембраны и угольного порошка, ничего нет. Наверняка его у вас уже изобрели. Ну значит, смотри про Федорова, а я пока этот укор себе из аппарата вытащу.

Демонстрация достижений авиации пошла успешно. Стараниями Гиляровского при поддержке Гоши был создан должный предварительный ажиотаж, так что на отсутствие зрителей пожаловаться было никак нельзя. Сначала для затравки Маша устроила несколько подлетов. Народ воодушевился. Потом они с Гошей летали вдвоем, уже повыше. И наконец дозаврашив самолеты, учинили сорокаминутный полет над Москвой: к

Кремлю и обратно. Я по возможности уклонялся от фотографов и вообще не особенно светился.

Анализ прессы, освещавшей потом это эпохальное событие, несколько обескуражил. Да, много писалось про самолеты. Чуть поменьше — про Гошу и про то, какой он выдающийся. Но рекордсменкой по числу упоминаний оказалась Маша и ее летный костюм. Я и до того подозревал, что джинсы и кожаная куртка племянницы вызовут у публики некое офигение, но сильно недооценил его масштаб. В последние дни в Москве уже было замечено несколько аналогично одетых дам, в основном из богемы, и Маша задумалась об издании модного женского журнала.

А по возвращении в Георгиевск снова начались будни. Я наконец засадил студентов за проект нормального самолета вроде абастуманского высокоплана, но чуть побольше и с перегрузочной способностью не менее десяти, чтобы он мог пикировать. Густав приступил к конструированию мотора для него, который представлял собой два наших оппозита, положенных друг на друга, с просунутым между ними редуктором для повышения КПД винта.

Из шести оставшихся у меня курсантов трое уже летали вполне терпимо, а ефрейтор Мишка — просто отлично, видно было, что у парня талант. Кстати, видя его успехи, аэродромная братия решила, что ефрейтор авиации — это титул лучшего пилота, и два хорунжих усиленно тренировались, надеясь в будущем сравняться званиями с Мишкой.

Для души я на базе некондиции наших авиадвигателей собрал десяти сильный мотоциклетный мотор без коробки передач, но с автоматическим барабанным сцеплением, сунул это в примитивную раму с колесами и, обозвав мотоциклом, использовал для поездок в Серпухов. Глядишь, можно будет со временем пустить изделие в серию, уж всяко лучше «Харлеев» будет, тем более что их еще и нет.

Также я провел опыты с бомбометанием — скоро мы собирались устроить еще одну показуху, на сей раз для военных. Наделали жестяных труб со стабилизаторами, набили их мелом, я присобачил к одной из этажерок простейший бомбодержатель — и понеслось. Спустя день бомбошвыряния я выдал методические указания по проведению этого мероприятия. Выглядели они примерно так:

— Значит, к цели подлетаем на высоте двести. Задираем нос градусов на десять, скорость падает до сорока пяти. Слегка раздвигаем колени... — Тут надо сделать небольшое отступление. Я уже говорил, что у «Святогора» кабины не было. Естественно, не было и пола кабины. — Раздвигаем колени и смотрим вниз. Как только цель оказывается на

линии... да-да, его самого, дергаем рычаг бомбосбрасывателя, затем сразу газу и нос по горизонту. Всем все понятно? Приступаем к полетам.

Через пару дней тренировок народ начал сносно попадать в прямоугольник двадцать на сто метров, символизирующий собой вражеский корабль. Правда, после этого на Георгиевском аэродроме слово «прицел» долго еще имело несколько специфическое, отличное от общепринятого значение.

Гоша помимо своих финансовых махинаций занимался планированием экспедиции на Вилюй, за алмазами, которая должна была состояться в следующем году. Кроме того, он списался с Федоровым, и теперь мы ждали его в гости. Менделеева тоже ждали, но его именно в гости, без мыслей дальнейшего трудоустройства. А вот Зелинский в списке на захомотание значился в одной строчке с Федоровым — пора было обзаводиться собственным нефтеперегонным производством, да и толуол в нашем деле лишним не будет.

Маше из Москвы привезли целую подшивку газет с дискуссией — имеет ли право женщина ходить в брюках? Мнения были разные, но в основном народ склонялся к тому, что да — раз она в них летает и по-другому нельзя, то и ходить, наверное, можно. По поводу же нелетающих дам в штанах мнения были все-таки скорее отрицательные. Вроде бы одну такую даже собирались побить, но полиция оказалась на высоте. Маша, отсмеявшись, написала открытое письмо, в котором предложила любой ревнительнице приличий бесплатно покатасть ее на аэроплане, но только чтобы та обязательно была в юбке и не протестовала против наличия на самолете фотоаппарата.

Гоша несколько озабоченно сказал, что теперь вполне вероятен конфликт с Победоносцевым, и это может негативно сказаться на его, Гошиных, отношениях с Николаем. С другой стороны, у Победоносцева уже много с кем были конфликты, в том числе и с Витте, что последнему вроде бы нисколько не мешало продолжать реформы.

— Давайте мы вот что сделаем, — предложил я. — Я напишу статью о требованиях к одежде авиаторов, без всяких половых акцентов, причем скучную, с техническими подробностями. Смысл ее будет в том, что всякие болтающиеся на организме шмотки в авиации недопустимы. Даже куртки следует носить не длиннее чем до половины задницы, иначе это смертельно опасно. Тисну ее в каком-нибудь не очень читаемом журнальчике. И надо заранее купить пару писак, чтобы, если Константин Петрович начнет выступать на эту тему, они тут же возопили бы, что Победоносцев как человек умный и образованный просто не мог не знать

того, что написано в статье господина Найденова. А значит, это он таким хитрым образом хочет нашу пилотессу угробить! Чем же она ему так досадила? Ну и дальше уже в зависимости от желтизны газетенки. Гош, ты вроде в своем концерне уже начал информационную службу создавать? Вот пусть это и будет ее первым заданием.

Глава 9

Представьте себе, что вы глава и владелец весьма преуспевающего банка. Естественно, у вас есть пресс-служба, следящая за тем, что говорят и пишут про ваше детище. В ней, само собой, имеется отдел, который несколько... э-э-э... скользковатыми методами иногда направляет этот процесс в нужную сторону. Тем более самоочевидно, что у вас есть служба безопасности, а уж чем она занимается, вы знаете лучше меня. И еще у вас есть друг, младший партнер по бизнесу, курирующий вопросы технического развития. Вы его искренне уважаете и доверяете ему всецело. Но что будет, если этот друг в один прекрасный момент вам скажет: знаешь, а отдай-ка ты мне в подчинение вон тот пресс-отдельчик, ну и службу безопасности до кучи! В единоличное. Мне так удобней будет.

Думаю, что как минимум ваше доверие сильно пошатнется. Дружба — это, конечно, здорово, но есть же святые вещи! Даже если друг просто начнет лезть с непрошеными советами в эту область, все равно нехорошо. Поэтому, хоть мне и было интересно, я старался без повода в дела Гошиных новообразованных подразделений не соваться. И каково же было мое удивление, когда Гоша как-то раз сказал:

— Про то, что инициатива наказуема, ты наверняка слышал. Понимаю, что у тебя и так дел по маковку, но ведь с планами создания информбюро и СБ выступал именно ты. У меня тоже со временем напряженно, но, главное, ты по складу характера больше подходишь для руководства этими структурами. Возьми их себе, а? Как тебе это компенсировать, сам реши.

— Уже решил. Значит, ты свою благодарность пишешь красивым почерком на листе хорошей бумаги, потом сворачиваешь этот лист в трубочку и... Может, сначала что-нибудь одно?

— Скажите, а двести рублей не смогут спасти гиганта мысли? — поинтересовался Гоша. — Я считаю, что торг здесь неуместен! Короче, забирай оба, а не то дам парабеллум. Дальше цитировать или хватит?

Гоша помолчал и добавил:

— Не считай меня совсем уж наивным простаком, все я понимаю. Но ты действительно справишься с этим лучше меня. А если вдруг... — Он замаялся. — Ну значит, и поделом мне. Вот так.

И вот я принимаю свеженазначенного руководителя информбюро. Бывшего студента, бывшего репортера и несостоявшегося агента охраны. Гоша перехватил его в последний момент.

— Проходите, садитесь, Константин Аркадьевич.

— Можно без отчества, вы ведь старше меня и по возрасту, и по положению.

— Хорошо. Значит, такое дело. После демонстрационных полетов... — Я вкратце пересказал ему свою мысль о статье про авиаодежду, ну и другие соображения.

— Уточните, пожалуйста. Цель — навредить Победоносцеву?

— В идеале — чтоб Маша могла ходить и летать в чем ей удобнее, не вызывая никаких эмоций у общества и властей, кроме разве что восторженных. Если идеал недостижим, то надо хотя бы приблизиться к нему. Сам по себе Победоносцев меня не интересует.

— Ну тогда тут можно чуть иначе... — задумался экс-репортер, — вот скажите, в бытность свою новозеландцем вы вели публичный образ жизни?

— И у меня, и у племянницы там почти нет знакомых, мы жили уединенно. Вы хотите спросить, в каких пределах допустима... э-э-э... некоторая фантазия в освещении того периода нашей жизни?

— Совершенно верно.

— В весьма широких. Единственное — это чтоб не было вреда репутации. И предварительно согласовать со мной.

— Само собой разумеется. Тогда так... Ведь, я думаю, репутации госпожи Островской как пилота не повредит обнародование того, что несколько лет назад она попала в серьезнейшую аварию... Скажите, а насколько строги правила хорошего тона в Новой Зеландии?

— Очень строгие, — я понемногу начал понимать его мысль, — прямо пуританские. Гораздо хуже, чем в России или Англии.

— Вот! — обрадовался Константин. — Любящая племянница не могла позволить себе нанести вред дядиной репутации и летала в платье, ежеминутно подвергая свою жизнь огромной опасности.

— И однажды долеталась, — кивнул я, — продолжайте.

— Лучшие врачи с трудом спасли ее жизнь... какие-нибудь имена назвать можно?

— А если не врачи, а врач? Или, скажем так, целитель, причем огромной силы? Православный старец, случайно оказавшийся в тамошних лесах. Имя пока лучше не называть, это чуть позже.

— Так тоже можно. — Константин внимательно посмотрел на меня. — Понимаете, госпожа Островская сейчас пользуется огромной популярностью. Но эта популярность... как бы это сказать... холодная. Сейчас Мария для всех слоев общества не живой человек, а символ. Если же мы дадим повод, например, ее пожалеть, то... символ жалеть

невозможно, публика вынуждена будет очеловечить этот образ. Под себя. А мы ей в этом поможем. Но разным слоям общества по-разному... Правда, одну трудность я уже вижу. В религиозных кругах могут сказать, что полеты женщины вообще против Господней воли.

— Наоборот, — возразил я. — Господь создал женщину более приспособленной к полетам, чем мужчину. И что же теперь, обвинять его в ошибке?

— В чем это выражается?

Я выдвинул ящик стола и достал маузер.

— Представьте себе, что я выстрелил. Вы испугались. У вас может быть два типа реакции на внезапную опасность. Первая — вы как минимум вздрогнете, а может, отшатнетесь или даже вскочите со стула. Вторая — на короткое время вы оцепенеете. Среди мужчин чаще встречается первый тип реакции, среди женщин — второй. И он гораздо предпочтительней для авиации. В небе резкие движения вообще противопоказаны. И большинство аварий происходят не оттого, что пилот не успел что-то сделать, а наоборот — успел, но неправильно. Есть даже правило: не знаешь, что делать, — не делай ничего.

— Это меняет дело, — согласился Константин. — Я подумаю, кому и какими словами преподнести ваши сведения. Какие-нибудь уточнения еще есть?

— Конкретно по этому делу вроде все, возникнут вопросы — обращайтесь в любое время. Есть одно уточнение общего плана. Вы, наверное, задумались — почему перед вами сейчас ставится именно эта задача, далеко не самая важная?

— Вы меня извините, господин Найденов, но о чем тут задумываться? Должны же вы посмотреть, на что способно информбюро, прежде чем привлекать его к действительно серьезным делам.

— Отлично. И еще вам нужно организовать пресс-центр в Георгиевске. Сюда косяком едут всякие интересующиеся, от известных ученых, репортеров до просто зевак, если не хуже. В работе поддерживайте контакты с шестым отделом СБ, я дам им соответствующие указания (вообще-то в СБ пока было только три отдела: первый — охрана персон, второй — охрана объектов и шестой — все не очень афишируемые дела).

Следующим на очереди был планируемый на ближайшие дни спектакль для комиссии Главного штаба — это ведомство решило ознакомиться с новым видом войск, для чего к нам уже выехала группа офицеров. Возведение кораблеобразной мишени из досок было уже закончено, и теперь в стороне от Георгиевска наши жестяные бомбы

набивались черным порохом. Маша с казачонком репетировали особый трюк — атаку корабля с двух бортов одновременно, остальные должны были тупо заходить с кормы. Один самолет оборудовали планшетом и карандашами в зажимах, для летчика-наблюдателя, этот экземпляр будет изображать из себя разведчика. Подумав, я добавил туда пару маленьких тубусов с привязанными ленточками, чтобы летчик-наблюдатель, зарисовав во вражеском тылу что нужно, мог сбросить это своим войскам. Еще я предложил Гоше начать красить траву в зеленый цвет, но он не понял юмора.

И вот комиссия прибыла на аэродром. Да-а, я ожидал толпу генералов и адмиралов, а приехали один полковник, один каперанг и несколько чинов помельче.

— Как, самолетом будет управлять ребенок? — удивился полковник при виде ефрейтора Мишки.

— Этот, как вы изволили выразиться, «ребенок» является лучшим курсантом Георгиевской летной школы, — уточнил Гоша, — и за выдающиеся успехи он уже был награжден. Такая у авиации специфика, чем раньше начать учиться летать, тем лучше будут результаты.

Про Машу члены комиссии не спрашивали, уже знали, кто она такая.

Самолеты взлетели. Гости взяли бинокли и приготовились к зрелищу. Оно не заставило себя ждать — первый аэроплан подлетел к цели, задрал нос, раскорячился над ней и бросил бомбу — ну прямо картина маслом «голубь, обгаживающий памятник». Ухнуло, клубы дыма почти скрыли мишень. Вот и второй ста... то есть, тьфу, Гошин сокол налетел и бросил. Блин! Промазал, прицел оторву у гада! Слава богу, третий попал.

И наконец — последняя пара артистов. Комиссия ахнула, всем казалось, что сейчас этажерки столкнутся, но Маша не зря гоняла казачонка. Два взрыва, дым — полетели доски. Самолеты гуськом потянулись на посадку.

— Мне кажется, что современному военному кораблю такая атака большого вреда не нанесет, — заметил каперанг.

— Бронированному — разумеется. А вот эсминцу или транспорту не поздоровится. И потом, сейчас же атаковали только пять самолетов. Стоит самолет пятнадцать тысяч рублей, то есть вместо одного броненосца можно построить тысячу «Святогоров». Вы только представьте себе эту картину!

Не знаю, что представил себе каперанг, а у меня перед глазами встало фантастическое зрелище. С унылым тарахтением, затмевая горизонт, крылом к крылу по небу ползут тысячи этажерок. Вот первые из них догнали несчастный броненосец... расчеты «Гатлингов»^[4] сходят с ума,

потому что аэропланы пилотируют сплошь женщины и дети, но промахнуться все равно невозможно. Сбитые сотнями падают на палубу, загромождая ее досками и окровавленными останками. Экипаж шизеет. Наконец под грузом валящегося сверху барахла корабль переворачивается...

Каперанг начал что-то быстро писать в своем блокноте.

Потом я посадил одного штабс-капитана пассажиром и попытался провести с ним демонстрацию разведывательного полета. Поначалу не вышло — сразу после отрыва от земли штабс побледнел, потом позеленел и начал методично заблевать центроплан. Пришлось срочно садиться. Его место занял какой-то морской офицер с двумя звездочками. Этот держался хорошо, но по приземлении единственное «разведанное» им звучало так: «Здорово!» Он даже не мог сказать, куда мы летали.

По окончании показательных полетов комиссия была приглашена в Гошину резиденцию для дальнейшего обсуждения. Причем состоялось там именно оно, а вовсе не буйная пьянка в бане, как могли бы подумать служившие в Советской армии. Вместо того чтоб лапать горничных или, на худой конец, просто уснуть мордой в салате, господа офицеры чинно интересовались дальностью, скоростью и высотой полетов, максимальной грузоподъемностью, требованиями к аэродрому. Гоша поднял вопрос о подготовке наблюдателей. Лучше, если ими станут офицеры тех родов войск, для которых будет вестись разведка, а просто так кого попало в самолет сажать не стоит, комиссия в этом убедилась. Он добавил, что мы готовы открыть при нашей школе дополнительное отделение подготовки летнабов, но нужны предварительные заявки от армии и флота. Флотские поинтересовались возможностью взлета с корабля для ведения разведки. Я сказал, что взлететь не проблема, а вот для посадки нужна площадка не менее пятидесяти метров в длину и десяти в ширину. Сможете организовать такую у себя на пароходе — будет вам авиаразведка. Флотские записали.

— По-моему, это провал, — посетовал Гоша после отъезда комиссии.

— А по-моему, наоборот. Те, кто приезжал, ничего не решают. А в отчете они напишут, что аэроплан способен поднять бомбу весом в три пуда и сбросить ее на расстоянии до пятидесяти верст от места взлета, попав при этом в цель размером с большой сарай. И еще там будет сказано про возможность разведки с воздуха. Не думаю, что они станут заострять внимание на том, как опозорились их офицеры. А нам пока больше ничего и не надо.

— Думаешь, кто-то из высшего начальства заинтересуется?

— Вряд ли. Просто будет первая официальная бумага. Какой может быть воздушный флот без бумаг?

Лето было в разгаре, когда началась подготовка к большому авиационному турне по Европе. Нам пришли предложения из Германии, Франции и Англии, мы решили в таком порядке эти страны и посещать. Поначалу у Гоши с Машей были дикие идеи проделать весь маршрут по воздуху, но я решительно пресек это безобразие.

— Самолеты, может, и долетят. Но Гоше в такие полеты еще рано, только нам с Машей. Про тебя, племянница, я не знаю, а у меня пятая точка не казенная! Пятьдесят часов летного времени на этих досках — перебор. Значит, готовим поезд. Именно поезд, Гоша, не хмыкай, в плацкарте на верхней полке я не поеду. Едем в Берлин. Там выступаем, потом сворачиваемся и опять же поездом, как белые люди, двигаемся в Париж. Пока мы красуемся во французской столице, две аэродромные команды выезжают в Кале и в Лондон, вот туда мы полетим по воздуху. До Кале мы — это мы с Машей, а Гоша по земле. Из Кале летим втроем, молодежь на одном самолете, солидные люди на другом. Из Лондона пароходом в Питер, еще там поколбасимся, а то в столице полетов не видели, непорядок.

— А из Питера я все-таки в Георгиевск на самолете полечу! — заявила племянница. — С промежуточной посадкой в Бологом, это которое дыра дырой.

Гоша, видимо, не слышал анекдота про дыру, потому как несколько удивленно посмотрел на Машу.

— Да, вот еще что, — продолжил я. — Маша, свои тряпки готовь заранее, я тебя на чемоданах неделю ждать не буду. Охрана, блин, теперь это мой геморрой. Гош, а ты, пожалуйста, составь список своих августейших и прочих ясновельможных родственников, которых никак нельзя не навестить по дороге. Остальным — фигу! И еще небось некоторым тут паспорта понадобятся. Это как, тоже высочество на себя возьмет или пусть шестой отдел шевелится?

— Высочеству нетрудно, — улыбнулся Гоша. — Все равно перед отъездом придется всем в Москву заскочить, вон сколько лекций нечитанных, там и сделаем.

Ну вот, три дня в Москве позади, мы едем в Европу. Я сижу в своем купе, которое раза в полтора больше привычного мне, в основном смотрю в окно, а когда надоедает, лениво почитываю фантастику в ноутбуке. Отдыхаю от предотъездной беготни, имею право. Пока Гоша с Машей

болтались по приемам и театрам, я прочитал две лекции в Русском техническом обществе и одну — у Жуковского. Потом, даже не пообедав, дал несколько интервью и подобрал место для будущего аэроклуба (ясное дело, Ходынку), где мы собирались катать по небу и учить летать богатый народ за деньги, а среди бедного отбирать способных и отправлять в Георгиевск. Хорошо еще, что я квадр с собой взял, а то на извозчиках и не успел бы никуда.

Негромкий стук в дверь оторвал меня от размышлений. Я открыл, и вежливо поклонившийся халдей сообщил, что господина Найденова приглашают на ужин. Блин, и вот чего же мне раньше так не ездило?

Глава 10

Вагон, в котором мы находились, состоял из четырех купе и большого проходного помещения, его я считал столовой, а Маша гостиной. Возможно, официально оно называлось как-то еще, но нас это не интересовало. Когда я пришел, там за накрытым столом уже сидела молодежь. Причем сервирован этот самый стол был весьма даже небедно, попросту говоря, ломился от блюд и бутылок. Учитывая скромность в еде Гоши, паническую боязнь разжиреть Маши и полную неразборчивость в кулинарных вопросах меня, это было странно.

— Что-нибудь празднуем? — спросил я, присаживаясь.

— Говорила же, что не помнит! — фыркнула Маша.

Я начал судорожно соображать. День рождения у меня в январе, у Маши в феврале, у Гоши, кажется, где-то в конце апреля, во всяком случае, именно тогда массовым порядком приходили поздравительные письма. Значит, еще какая-то дата... так, а когда это я на Зекарском шоссе во сне на чужом мотоцикле рулил, уж не год ли назад? Очень на то похоже.

— Сегодня исполнился ровно год с того момента, как я не умер, — подтвердил Гоша. — Тебе, конечно, никто не отказывает в праве на собственное мнение по этому вопросу, но мы с Машей считаем, что тут есть повод слегка попраздновать.

— Мне мама рассказывала, что во времена дядиной молодости среди байкеров «слегка» означало в пределах поллитры на рыло, — сообщила Маша. — Если больше, это было уже «средне».

— Во-первых, тогда были не байкеры, а рокеры, — уточнил я, — во-вторых, твоя мама всего раз была с нами на шашлыках и то выпала в осадок с единственного стакана, а в-третьих, сейчас у меня возраст, печень и нажитое с годами отвращение к пьянству. Но слегка поддержать ваш банкет я не против.

— Тогда за организатора и вдохновителя наших побед — дядю Жору! — провозгласила Маша.

— Вот только их пока немного и какие-то они мелкие... — вздохнул Гоша.

— А по-моему, нормальные для года работы. Потом покрупнеют. Дядь Жора, а ты что молчишь?

— Селедку ем, не видишь?

— Мне кажется, что это форель, — заметил Гоша.

— Да? Вот и я тоже думаю, с чего бы это селедка так покраснела. А насчет побед — так главная, я считаю, уже одержана. Куда тут хвост деть? И где пепельница?

— Дядя, а может, не курить при Гоше?

— Да здоров я давно! Жора, продолжай.

— Так я и говорю, что главная победа — вот она, в честь нее мы сейчас и запиваем селедку шампанским. Кислятина, между прочим, я думал, тут лучше будет. Племянница, передай мне вон ту конечность, будь добра. А это желтое — хрен? Так вот я говорю к тому, что ты, Гоша, жив. И вполне даже здоров, как только что было сказано. И есть все основания полагать, что раньше старости ты не помрешь, сам собой, по крайней мере. Это и есть победа, без всяких шуток. Потому что в самом пессимистическом варианте, если все пойдет как шло, в семнадцатом году Николай отречется не в пользу Михаила, а в твою.

— Что в его, что в мою — отречение все равно будет юридически ничтожным, при живом-то Алексее. Или...

— Не «или». Пусть живет, я что, против? А вот юридическая ничтожность — это будет в семнадцатом вещь совсем не абсолютная. Думаешь, не смог бы Михаил власть взять, если бы захотел? И ты сможешь. Главное, на шестом отделе не экономить. А желающих сыграть на «ничтожности» можно будет заранее вычислить. И слегка... того. Превентивно. Так что осталось нам еще совсем немного поработать, и обязательная программа, я считаю, будет выполнена. Так что давайте за шестой отдел!

— Кстати, а почему именно такой номер? — поинтересовался Гоша.

— Потому что Штирлиц в шестом отделе работал. А вообще-то мне как-то больше импонирует называть серьезные вещи несерьезными именами, и наоборот. Например, этажерка повышенной убогости называется «Святогор». Первый боевой самолет, который уже начал строиться — «Тузик». Самые серьезные люди в СБ — «шестерки».

— Не обидятся?

— Дополнительный тест на профпригодность — если обидятся, там таких дураков не надо.

— Вот что меня в связи с этим интересует, — задумчиво произнес Гоша, — скоро эсеры начнут массовый отстрел высших и средних чиновников. Как-нибудь предотвращать мы это будем?

От возмущения я чуть не промахнулся грибом мимо рта.

— Чтобы предотвращать, нужно сначала понять, что происходит! Ты же сам видел, многие считают — этот процесс инспирирован охранкой. Вот

и надо разобраться, кем именно. А то допредотвращаемся до того, что Каляев вместо дяди Сережи тебя бомбой приголубит. И вообще, я уже наелся, пить больше не хочу, так что спокойной ночи.

Я не стал им говорить, что считаю внедрение своего человека в охранку важнейшей задачей СБ. И если окажется, что она таки замешана в грядущей свистопляске, то действовать придется мне. Причем не в семнадцатом году, а гораздо раньше, и не намеками, а прямыми приказами. Не забыть в Инете про современные снайперские прицелы почитать, напомнил я себе. И насчет радиоактивных изотопов тоже надо уточнить — Валерка из Института кристаллографии с ними еще работает или как? Да и чем Ющенко травили, тоже интересно. Если, конечно, травили... Непочатый край работы. Я вздохнул, опускаясь на диван в своем купе.

Утром поезд подъехал к границе, и мы избавились от своих ноутбуков, сунув их в портал, а то мало ли: проникнет еще какой-нибудь любопытствующий куда не надо.

Программа в Берлине была сокращенная, из-за того что нам намекнули на нежелательность демонстрации госпожой Островской новых веяний женской моды. В отместку мы сократили время выступления до минимума.

Только Гоша запустил мотор, как мне подали записку. Я сунул ее переводчику и с удивлением услышал:

— Граф Цеппелин просит господина Найденова принять его в любое удобное ему время...

— Что? Сам Цеппелин здесь?! Ваше высочество, глушите мотор, бургеры подождут. Что? Какой еще кайзер? Тут Цеппелина на аэродром не пускают! Пошли встречать.

— Что случилось? — забеспокоился один из местных организаторов.

— Вашего великого воздухоплователя, графа Цеппелина, не пускают на аэродром! Я просто не могу лететь, не извинившись перед ним за это. И его высочество тоже не может, видите, вылезает из самолета.

Через пять минут недоразумение благополучно разрешилось, и вскоре мы с высочеством имели честь лицезреть Фердинанда фон Цеппелина. Граф оказался подтянутым господином чуть постарше меня, с роскошными усами и не менее впечатляющей лысиной. «Нормально, он совсем не запыхался, хотя по аэродрому практически бежал», — подумал я и протянул руку:

— Приветствую вас, коллега. Ваше высочество, позвольте представить вам его сиятельство графа Фердинанда фон Цеппелина. Граф, а я — Найденов.

Рядом забубнил переводчик.

— Да, граф, вы случайно не говорите по-английски? Замечательно! У меня к вам предложение. После полетов мы безусловно с вами пообщаемся, но сейчас публика ждет и скоро начнет волноваться. Не хотите составить мне компанию в воздухе? Мой аэроплан двухместный.

С таким пассажиром я наплевал на наши первоначальные планы — летать невысоко и недалеко и сжег над Берлином почти полный бак. Кстати, я ожидал, что сверху немецкие пейзажи будут поражать строго прямоугольной геометрией, но фиг вам, картина с пятисот метров не сильно отличалась от российской.

Вечером Гоша с Машей отправились на прием, а я остался беседовать с графом.

— Я просто поражен управляемостью вашего аэроплана! — сразу сообщил он мне. Да, помню, я тоже поначалу был от нее в офигении, но сейчас уже привык.

— Ну от огромного корабля никто и не ждет такой вертлявости, как от маленькой лодки, — утешил его я. Еще бы, его первый дирижабль пару недель назад разбился именно по причине полной неуправляемости. — И мне кажется, что моторы вашего воздушного судна были слишком слабы. Если вы будете строить новое, позвольте подарить вам пару моторов от моих самолетов — сорок лошадиных сил при весе в сорок килограмм.

— Подарить? — поразился граф.

— Конечно! — подтвердил я. — И если соберетесь организовывать акционерное общество для постройки дирижаблей, не откажетесь принять пайщиками нас с его высочеством?

Моторов на такое святое дело, как развитие дирижаблестроения в Германии, мне было не жалко. Да и вражеские разведки что-то совсем мышей не ловят, мы уже три месяца летаем, а у нас до сих пор ни одного самого захудалого чертежа не сперли.

В Париже прямо на вокзале нас ждала толпа зевак, которая все увеличивалась, и наш проезд к парку Сен-Клод сильно напомнил мне встречи космонавтов времен моей молодости. В самом парке царил неопиcуемый бардак. Наша охрана уже тянулась к кобурам, потому что несколько ударов по мордам особо настойчивых произвели впечатление только на них, а остальные продолжали лезть напролом — как в горбачевские времена на ларек с пивом. Потом какая-то сволочь скоммуниздила у меня сигареты, и, как апофеоз всему, прилетел Сантос-Дюмон на своем дирижабле. Увидев этот садящийся чуть ли не на меня пузырь с водородом, я с трудом поборол искушение немедленно завести мотор и улететь куда-нибудь подальше, пока тут все не взорвалось на фиг.

Удержало меня только то, что деревянный воздушный винт не обладал достаточной прочностью и наверняка пострадал бы в процессе шинкования встречных зевак.

Наконец полиции удалось загнать публику в отведенные ей места, дирижабль оттащили в сторону и надежно привязали. Можно было начинать. Естественно, Сантос-Дюмона пригласили слетать пассажиром, и он уже начал отвешивать комплименты Маше, говоря, что с такой прекрасной пилотессой он готов отправиться куда угодно. Пришлось отозвать его в сторонку и шепотом предупредить, чтобы он еще в воздухе прыгал с самолета, потому как сразу по приземлении Гоша прикажет его четвертовать. Находящийся поблизости казак вовремя сделал зверскую морду лица, и притихший бразилец полез в мой аэроплан.

Памятуя о том, что предстоит сделать Сантос-Дюмону через год с небольшим (а именно: облететь вокруг творений Эйфеля), я направил самолет прямо к Эйфелевой башне и описал два круга. По приземлении пассажир задумчиво сказал:

— Теперь мне абсолютно ясно, что будущее принадлежит аппаратам тяжелее воздуха.

Далее по накатанной схеме я и ему сосватал пару моторов, но на сей раз не даром, а по семь тысяч франков.

Следующим утром мы с Машей вылетели в Кале. От пятичасового полета у меня сначала заболела спина, потом сидалище, а потом и продуваемые ветром колени, которые я не догадался чем-нибудь обмотать. Заранее приехавшая аэродромная команда занялась самолетами, а я с трудом доковылял до выделенного для отдыха домика и заявил, что ждать Гошу буду исключительно в горизонтальном положении.

Два дня мы занимались техобслуживанием. Заменяли один из движков, потому что к концу полета он начал подозрительно греметь. Проверили все, что можно, по три раза, совершили несколько подлетов. В перерывах я напомнил Маше, что Новая Зеландия — это британская колония и вполне могут встретиться люди, знакомые с тамошними реалиями. Поэтому при любом проявлении интереса переводить разговор... ну, скажем, на Монголию, где ты якобы недавно была. Хоть что-нибудь похожее на монгольский язык ты знаешь?

— Елда, кирдык, тугрик... — не очень уверенно перечислила Маша. — И еще я умею посылать по-чувашки.

— Это пожалуйста, там, в случае чего, и на великом и могучем можно.

Наконец все было готово. Два паровых катера со зрителями и, на всякий случай, спасателями заняли свои места в Ла-Манше. Я обмотал

колени шарфами, посмотрел, как взлетает Маша с Гошей за спиной, и дал команду запускать движок — пора и мне лететь.

Над Ла-Маншем была сильная турбулентность, этажерки нещадно болтало, но Маша пилотировала безукоризненно, и я, успокоившись, начал глазеть по сторонам — еще ни разу мне не доводилось летать над морем. Сразу обратил внимание, что корабли на воде гораздо заметнее, чем деревянные мишени на траве, по крайней мере днем. Потом Ла-Манш кончился, болтанка стихла, и через два часа мы наконец доползли до родного города Шерлока Холмса. Чтобы не затруднять аэродромную команду поиском места, мы сразу направили ее в Хитроу, и теперь ориентиром нам служила видимая издалека белая буква «Т» на зеленом поле. Зрители уже присутствовали, но в умеренном количестве и только в одном углу будущего международного аэропорта.

Мы сели. В отличие от Парижа тут все было чинно, к самолетам подошли только встречающие и поздравили с прибытием на землю Англии. Потом запустили репортеров, и Гоша выдал им заранее заготовленную фразу о том, что Бог отделил Англию от материка проливом, а госпожа Островская с господином Найденовым соединили их своими аэропланами. Репортеры записали изречение и начали задавать вопросы. Через некоторое время их сменили офицеры — интересовались возможностью разведки с воздуха. Ага, смекнул я, допекли вас бургские засады! Недолго думая, пригласил спрашивающего самому оценить возможности аэроплана. Офицер перенес полет неплохо и после посадки даже сумел приблизительно описать наш маршрут. При прощании я сказал, что готов рассмотреть коммерческие предложения о продаже аэропланов, если таковые заинтересуют армию ее величества. Офицер спросил о цене. Я начал соображать. Значит, себестоимость такой игрушки около трех тысяч рублей. Комиссии Главного штаба я озвучил цифру в пятнадцать тысяч — ну должна же быть какая-то, хоть символическая, прибыль! А тут она должна стать даже не символической... сто тысяч запросить? Не купят, пусть буров с лошадей по закоулкам ищут. Или не наглеть? И что Гоша молчит, он же у нас финансист?! А, ладно.

— Восемнадцать тысяч фунтов за штуку^[5].

Судя по виду офицера, загнул я крепко. Однако тот быстро справился с собой и сказал, что передаст мои предложения по инстанции. Гоша, глядя на мою коммерцию, тихо веселился.

— Сам-то чего не продаешь свои этажерки? — обиженно спросил я.

— «Ноблесс облидж» — слышал такие слова? — осведомилось его высочество. — Это дома я могу творить что хочу, а здесь нельзя ронять

авторитет русского принца низким торгашеством. И что ты жалуешься — у тебя же замечательно получается!

Три дня в Лондоне прошли буднично. Я поискал Бейкер-стрит, но не нашел, а потом в основном спал — единственный англичанин, с которым я хотел бы встретиться, Конан Дойль, сейчас был в Южной Африке. Гоша с Машей побывали на паре приемов — не королевских, в связи с болезнью Виктории их не было. А в общем, всем уже хотелось домой, в Россию.

Глава 11

Р-р-р-хлоп-хлоп-чих... Несчастный мотор наконец заглох. Последние два часа он, правда, толком и не работал, а мучился, но испытание надо было довести до конца. Мы с Густавом подошли к закрепленному на стенде испытываемому.

— Шестьдесят два часа! — с гордостью сказал Густав. — И еще четыре с потерей мощности. Смело можно вписывать в регламент пятьдесят часов до капремонта.

— Поздравляю! Думаю, теперь счетверенный вариант ждать осталось недолго, — предположил я.

Наш новый мотор представлял собой, собственно, два старых друг над другом с редуктором между ними, его называли «двойкой». Кроме того, был еще вариант, когда те же два спаривались последовательно, цилиндрами друг за другом. Две таких спарки вертикально и опять же с расположенным в центре редуктором называли «четверкой», но этот образец еще не был готов: восемь цилиндров мощностью в сто шестьдесят сил и весом сто сорок килограмм. Таков был конец нашей двухтактной программы, дальнейшие разработки предполагались только в области четырех тактов. Собственно, я потому и раздавал движки с такой легкостью, что их схема представляла собой тупиковую ветвь развития. Ну вылизав конструкцию (а вылизывание процесс дорогой и долгий), можно, наверное, будет получить сил двести, а то и двести пятьдесят при мизерном ресурсе. И все. А получив прототипы, наши заграничные друзья по логике должны были теперь все силы бросить на совершенствование именно двухтактных двигателей.

Дальше мой путь лежал в заготовительный цех авиазавода. Собственно, заготовительным была только его четверть, дальше дорогу преграждала внутренняя вахта. Я показал пропуск. Изучив его, словно видел в первый раз, а не в сто какой-то, дежурный вернул картонку мне и дал команду открыть дверь. Я вошел в загцех-два. Тут в обстановке полной секретности собирались первые настоящие самолеты — сразу четыре параллельно. Три учебных двухместных и один боевой одноместный. Именно вокруг остова одноместного фюзеляжа кучковались два бывших студента, а ныне главные конструкторы — Миронов и Гольденберг.

— Неудобно залезать, — пожаловался Саша Миронов, выкарабкиваясь из кабины. — На бумаге как-то незаметно было, а тут видно — слишком

низко центроплан, и мешают его подкосы.

— Ну-ка дайте я попробую... Нет, ребята, это вам неудобно, а мне просто мучительно. Так что придется с одной стороны вместо прямой рейки поставить фигурную деталь из фанеры, чтобы опустить борт миллиметров на двести, вот примерно такую. — Я быстро набросал рисунок. — А поднимать центроплан нельзя. Кстати, я вот что хотел сказать: закончите компоновку кабины, посидите там каждый часов по шесть — восемь, а потом подумайте, как сделать этот процесс менее похожим на пытку. Так с ходу какие-нибудь мелочи можно пропустить, а пилоты за вас потом расплачивайся. — Это я вспомнил свои страдания во время перелета Париж — Кале. — Кстати, надо в полу кабины предусмотреть лючок-писсуар и испытывать его на удобство пользования. Что смеетесь, начнут пилоты тяги управления или проводку обоссывать — какими словами они вас помянут?

Такой роскоши, как сначала полностью спроектировать самолет, а потом его построить, мы себе позволить не могли. Доводка мелочей и постройка производились одновременно.

Из заготовительного цеха я зашел в сборочный. Там все было нормально, «Святогоры» шли уже без каких-либо доработок, серийные. Армия заказала нам десять штук. Поторговавшись, пришли к выводу, что в цену аппарата, те самые пятнадцать тысяч рублей, входят подготовка пилота, летнаба и механика для каждого. Как раз скоро ожидался первый выпуск летной школы (обучение составляло пять месяцев), и можно было делать новый набор. Понятно, что все пилоты первого выпуска должны были стать инструкторами. С флотом велись переговоры о совместных учениях с реальной бомбардировкой какого-нибудь старого корабля в качестве мишени. В общем, дело шло к тому, что по крайней мере в России авиация начинала получать хоть какое-то признание.

Закончив обход, я отправился к себе в кабинет, пора прикидывать контуры нового самолета. По замыслу это было что-то вроде антоновской «Пчелки», только поменьше — двухмоторный подкосный высокоплан. По идее, этот аппарат на небольшое расстояние сможет нести полтонны бомб, а на приличное — килограмм триста. И сбросить их с пикирования, понятно, иначе он никому не нужен. Вот я и прикидывал, какая получается картина, если крыло крепить не на стойках, а просто положить сверху на фюзеляж — создадут ли в этом случае подкосы достаточную прочность? Вроде выходило, что создадут. От расчетов меня отвлек секретарь, сообщивший, что ко мне посетитель, причем его фамилию я вроде недавно слышал.

— Запускайте.

Опа, на ловца и зверь бежит. Ко мне пришел бригадир с нервюрного участка^[6].

Я глянул в свой блокнот — да, он самый, Михеев Илья Андреевич. Он обратил на себя мое внимание, когда вдруг участок прекратил гнать брак. Более того, нервюры имели даже меньший разброс, чем требовала документация! Выяснилось, что свеженазначенный бригадир внедрил что-то вроде конвейера: каждый столяр делал одну-две операции. И еще он, помнится, говорил, что на клейку нервюр можно посадить женщин, так как они аккуратнее. Мне еще подумалось, что через некоторое время его можно двигать на повышение.

— Здравствуйте, господин Михеев. Я вас внимательно слушаю.

— Здравствуйте, господин Найденов. Тут вот какое дело... — Он слегка замялся. — В общем, я насчет оплаты труда наших женщин. Заранее прошу прощения, что лезу не в свое дело, но так нельзя. Они работают лучше многих мужчин...

— Если работают лучше, то, конечно, и получать должны больше. Какие конкретно цифры вы предлагаете?

Еще не кончив фразу, я понял, что говорю, похоже, не то — Михеев смотрел на меня с немалым изумлением. Я поинтересовался:

— В чем тут дело? Что, если они станут получать больше мужчин, это может вызвать... нежелательные настроения в бригаде?

— Так ведь они получают вдвое меньше! — выпалил Михеев.

«Вот те раз, какие интересные новости иногда приходится узнавать о своем заводе», — подумал я. Но ситуация наводила на некоторые размышления, оставалось кое-что уточнить.

— То есть вы, господин Михеев, считаете, что повышение оплаты поднимет качество работы ваших женщин? Количество ведь определяется не ими.

Михеев опустил глаза, но потом, видимо, решился:

— Нет, не поднимет. Они и сейчас работают так хорошо, как могут. Но... это несправедливо!

Ага, у человека есть чувство справедливости. Кроме того, есть организаторские способности и авторитет среди рабочих. Попробую-ка я экспромтом воплотить в жизнь одну свою задумку — ежу понятно, что на наших заводах, как и везде по России, скоро прорежется рабочее движение самых разнообразных толков. И раз уж это явление нельзя предотвратить, то, в соответствии с комсомольскими заветами моей юности, его надо возглавить. А потенциальный вожак — вот он, сам пришел.

— Скажите, господин Михеев, вам знаком термин «тред-юнион»? Или, если по-русски, «профсоюз»?

— Знаком, — насторожился он.

— Тогда подумайте вот о чем. Вопрос с вашими женщинами мы решим прямо сейчас — то есть вы скажете, сколько им надо платить, и я распоряжусь. Но это ведь не единственная... говоря вашими словами, несправедливость на нашем заводе. И администрация про многие такие вещи может просто не знать. Кроме того, эта администрация еще может считать, что так и надо — возможно, ошибочно. В принципе любой работник завода имеет возможность записаться ко мне на прием и, придя, начать качать права. — Михеев недоуменно поднял брови. «Следи за речью, осел», — мысленно сказал я себе. — ...Может, но, скорее всего, не придет. Однако если явится хотя бы каждый десятый, у меня просто не хватит времени выслушать всех — раз, и их пожелания будут противоречить друг другу — два. Вы согласны?

— В общих чертах да...

— А отсюда вывод — нужен какой-то орган для защиты интересов рабочих перед администрацией. И лучше, если рабочие его сами сформируют, их же интересы, в конце концов. Например, тот самый профсоюз.

— И вы допустите появление такой организации на вашем заводе?

— Что значит «на вашем»? Мы делаем самолеты для России. Повторяю — мы! Вы вкладываете свой труд. Я — знания. Великий князь Георгий — деньги и связи. И противостояние звеньев этой цепи друг другу ни к чему хорошему не приведет. В общем, подумайте. Надумаете — дайте знать.

После ухода Михеева я вызвал одного из сотрудников шестого отдела.

— Значит, так. На заводе организуется профсоюз. Скорее всего, бригадир Михеев это сделает. Вам предстоит... э-э-э... курировать этот процесс. Наверно, для вас в заводоуправлении введем должность — секретарь по трудовым вопросам или еще как, сами подумайте. Задач две: первая — приглядывать за этим профсоюзом, чтобы его деятельность не вышла за конструктивные рамки, вторая — обеспечить ему отсутствие конкурентов. Если оные возникнут сами, внутри завода, то действовать мягко, но они должны в конце концов влиться в михеевскую структуру. А вот любые попытки извне организовать что-то подобное должны пресекаться жестко. То есть если окажется, что какой-нибудь заезжий агитатор не был в тот же день избит до полусмерти возмущенными рабочими — я этого не пойму. Да, вот еще что. В процессе сотрудничества

с приезжими эти самые рабочие могут поиметь неприятности с полицией. Значит, нужно заранее озаботиться знакомствами в данной конторе. Ну и все неприятности будут тут же материально компенсированы, это понятно.

Вечером я еще поразмыслил на данную тему. Какие другие неприятности могут идти снизу? Наверное, которые с национальным привкусом. Насколько я помнил, в России бузили в основном поляки и евреи. Ладно, евреев как-то можно понять, черта оседлости и прочие подобные вещи не способствуют впадению в нирвану, но поляков вроде никто особенно не притеснял. Я сделал еще пару пометок: выяснить, есть ли сейчас какая-нибудь дискриминация поляков, и если нет, то при малейшем намеке на попытку организовать делать оргвыводы; узнать, есть ли на заводе евреи, а коли найдутся — намекнуть, что при желании можно создать что-то вроде ма-аленького такого Бунда^[7].

Закончив с планами по отбиванию хлеба у борцов за освобождение труда, я взял ноутбук и, вздохнув, принялся читать статью про лечение тифа. Будем надеяться, что в результате моей терапии Николай не помрет, а то неудобно получится. Весь остаток вечера я пытался, продираясь сквозь медицинские термины, понять — при каком течении болезни левомицетин следует заменять бисептолом и коим боком тут оказался преднизолон, который вообще-то вроде как мазь от нарывов. Нет, пожалуй, всякие сильнодействующие, да еще и незнакомые препараты больному Николаю лучше не подсовывать. Поливитаминов ему надо дать, от них точно вреда не будет. Тут меня осенила еще одна околomedicalная идея. Вот, предположим, приехал на завод какой-нибудь агитатор, неважно от кого, и его согласно моим указаниям надо бить. А если он будет женского пола, такое случалось, тогда что?

Я сделал в склерознике еще пару записей: «Посмотреть насчет сильнодействующих слабительных; поискать что-нибудь химическое, чтобы от него прыщи пошли по всей роже и долго не сходили».

На следующий день из Москвы, где он вел переговоры с англичанами, приехал Гоша.

— Берут, — сообщил он, — две штуки. Но не «по», а за восемнадцать тысяч, с ценой ты загнул. Я вообще удивляюсь, как они и два-то за эти деньги взяли.

— Самому надо было коммерцию вести, — огрызнулся я. — Учти, если и со штатовцами мне придется решать финансовые вопросы, я им сразу миллион назначу. У меня случаются иногда приступы неконтролируемой алчности, чтоб ты знал.

— Ладно, посмотрим. Возвращаясь к англичанам, сюда на днях пять

человек от них приедут, на предмет обучения полетам. Я сказал, что за месяц научим.

— Одного.

— Почему?

— Потому что мне, во-первых, лень. Во-вторых, если умеющих летать будет два или более, они смогут одновременно и проводить войсковые испытания, и готовить своих пилотов. Не фиг, пускай по очереди этим занимаются.

— Я вообще-то уже пообещал...

— Ну и что? Не ты же их будешь готовить. А я скажу, что из этих пяти к полетам способен только один, остальные бездари, рожденные ползать. И кто оспорит мнение одного из двух лучших пилотов? Начнут возникать — привлечем Машу, она им объяснит, что таких, как они, все пятеро, к аэроплану вообще подпускать нельзя, и дальше комментарии в ее стиле.

— Кстати, хотел спросить: почему у тебя такие разные подходы? Англичанам втридорога, а Сантос-Дюмону за разумные деньги. Про Цеппелина не спрашиваю, тут все ясно, пусть дирижабли ваяет.

— Потому что Сантос-Дюмон — талантливый инженер, ему в принципе хватит того, что он и так увидел. Такому заломить цену — еще сам чего-нибудь изобретать начнет. А у англичан сейчас никого подобного нет. И они помнят небось, какое им недавно Максим позорище вместо самолета построил — за ничуть не меньшие деньги, кстати. Так что получают они нашу этажерку и начнут себе ее копировать. А я еще их ученика напугаю до полусмерти — опущу нос чуть ниже обычного, тогда нас на первой же воздушной яме так дернет вниз, что мало не покажется. И потом на земле буду дрожащим голосом рассказывать, что самолет может летать только носом по горизонту! Чуть опустишь — сразу гроб.

— В заботе о ближнем основное — не перестараться, — философски заметил Гоша. Уже собираясь уходить, он вдруг спохватился: — Тьфу ты, чуть самое главное не забыл. Знаешь, что мы с Машей изобрели? Ни за что не догадаешься!

— Неужели прокладки?

— И субъект с таким уровнем фантазии пытается открыть человечеству дорогу в небо... Ладно, помогу. Мультипликацию!

— А чем она принципиально от кино отличается?

— Гораздо проще. Не нужно съемочной камеры. И главное — можно обойтись без пленки! Маша рисовала тушью на бумажной ленте, потом ленту покрыли парафином — и все. Мы в Москве знакомым показали — полный восторг.

— Что-то мне кажется, что такую штуку Эдисон изобрел лет десять назад, — с сомнением сказал я, — хотя... Кажись, идея. Помнишь, мы хотели устроить бомбометание по настоящему кораблю? Но корабль может выделить только твой дядя, это который гибрид генерала с адмиралом. И чтоб дяде лучше думалось на эту тему, подари-ка ты ему такую игрушку, а Машу попросим нарисовать несколько мультиков порнографического содержания. Он же не только обжора и пьянь, но еще и бабник каких мало, так что должно понравиться. Глядишь, после этого и по поводу пароходика будет попроще договориться.

— Вот люди стараются, изобретают... Затем художник мучается, ночей не спит, все думает, как донести до зрителя свое видение прекрасного. А потом приходит такой, вроде тебя, — и зритель получает свою долгожданную порнуху.

Глава 12

Как там у нас насчет обеда? Я достал из кармана часы-луковицу и в очередной раз чертыхнулся. До крайности неудобное устройство, да еще и заводить надо регулярно, а я опять забыл. Ладно, судя по солнцу, пора. Я сел на мотоцикл и потарахтел к резиденции великого князя.

— Немножко рано, — заметил Гоша. — Или аппетит прорезался, нет сил терпеть?

— Часы опять встали. Чуть забудешь завести — и стоят, собаки. И вообще, почему у вас тут наручных часов не носят?

— Потому что их еще нет. Но это ты вовремя подал идею, я тут как раз обдумываю новшество.

Гоша подал мне папку. На титульном листе значилось:

Проект

Георгиевское оптико-механическое объединение

Секретно

Я заржал, потом, в ответ на вопрошающий взгляд Гоши, уточнил:

— Все хорошо, особенно название... Проект «Гомосек» — это звучит!

— Тьфу на тебя, ты дальше читай.

— Так, некоммерческая часть — прицелы, механические вычислители, авиафотокамеры, таймеры... да, пора. Коммерческая — кинофотоаппаратура, часы... Организация собственной киностудии... Как называться будет — «Г-фильм»?

— А хотя бы. Кроме тебя, все равно никто таких аналогий проводить не будет. Блин, вот ведь, с кем поведешься, раньше бы мне и в голову не пришло задуматься, от какого слова происходит «аналогия».

— Растешь над собой, хвалю. И значит, наручные часы тоже сюда? Патент пусть Маша не забудет, ведь золотое дно. И кстати, их можно делать с автоподзаводом — от тряски через храповик какой-нибудь рычажок с грузом будет подкручивать пружину.

— Ладно, наручные часы внесем в программу. Дальше прочитал?

— Ага. Значит, радиомастерскую убрать с авиазавода и перевести в новое объединение... логично. Там же производить моторную электрику. А с чего стеклофабрика окажется аж в Лыткарине?

— Там песок нужного качества. А возить сюда заготовки несложно, объемы небольшие.

— Читаем дальше. Химзаводы один и два, так, первый... целлулоид — это пленка и линейки всякие, на втором — реактивы, только объемы уж очень внушительные. Значит, смотрим сырье — азотная и серная кислота, толуол, глицерин, аммониевая селитра... а, понятно, что там за реактивы. Свинец, натрий тоже есть... Этот где-то в стороне будет?

— На правом берегу Нары, в пяти километрах выше Георгиевска. Надо туда железнодорожную ветку проложить.

Я еще полистал бумаги, повнимательнее, потом еще...

— Гоша, я совсем ослеп на старости лет или у тебя тут действительно нет ни полслова про патефоны?

— А это еще что такое?

— Тот же граммофон, только поразумней сконпонованный.

— Нет... и граммофонов тоже нет.

— Ну вы даете... Ладно, ты с гор еще года нет как спустился, но Маша-то куда смотрела? Как можно двигаться в светлое будущее без патефона — народ не поймет. Значит, вот соберусь в две тысячи девятый, раздобуду образец, а вы уж заранее внесите его в программу. И над репертуаром надо подумать, песен там героических про летчиков и прочих насочинять. Или наадаптировать, если быть точным.

— Все-таки я до сих пор удивляюсь, сколько разных слов придумано в вашем времени для обозначения воровства! — Гоша взял папку, сделал несколько пометок и отложил. Потом вздохнул и поинтересовался: — Не подскажешь, ты когда более добрый — до обеда или после?

— Во время. До — особенно если голодный — могу послать, чтоб не откладывать процесс насыщения. А после обеда мне спать хочется, а не исходить добротой. А вообще в чем дело?

— Да просьба у меня одна есть, личного характера. Пошли, там уже стол накрыт, вот в процессе и изложу.

Пока я ел первое, Гоша внимательно наблюдал за мной, видимо пытаюсь на глаз определить момент моего максимального подобрения. Похоже, у него ко мне что-то важное, совсем шуток не понимает!

— Ну ладно, не томи, что там у тебя?

— Такое имя — Антон Павлович Чехов — тебе знакомо, надеюсь?

Вот оно в чем дело, Гоша, значит, решил внести коррективы в его

судьбу. А насчет «знакомо» — да. Только вот читать его с удовольствием — увы, это мне не дано. Дело в том, что в моей далекой юности он был в программе по литературе. Тогда ее преподавали не как сейчас. Вон Маша имеет пятерку, и что учила, что нет — в голове ничего не задержалось. В наше время было не так — нам преподавали на совесть, так что глубокую неприязнь ко всем изучаемым писателям я пронес через всю жизнь. Сейчас мне иногда даже обидно — ладно там Толстой или Фадеев, но Чехова-то с Достоевским какая сволочь в программу засунула?!

А подлечить Антона Павловича — дело святое, только не как Гошу, в двадцать первый век ему нельзя. Он же писатель — каково ему будет молчать? Не факт, что сможет. Но у него вроде пока еще все не так запущено, сходит разок через портал, думая, что в соседнюю комнату, потом стрептомицина примет — глядишь, полегчает. Или даже не сходит, а мы его сносим, предварительно угостив снотворным. И пусть в благодарность еще одну «Каштанку» напишет, только желательно про летчиков!

Примерно так я Гоше и сказал.

— Я в тебе и не сомневался! — обрадовался он.

А я начал мысленно прокручивать возможные последствия этого дела. Чехов — врач, и принципиальное отличие действия антибиотиков, скорее всего, поймет. И их значение тоже. А значит, этим надо пользоваться, то есть фармакологическую фабрику начинать создавать уже сейчас. Политику еще надо продумать...

— Раз уж мы будем светить антибиотики — ну не брать же с Антон Палыча обет молчания — нужно в темпе организовать лабораторию, — продолжил я. И патентовать, причем не состав или, упаси господь, способ получения, а только название и свойства. Как бы это обозвать... георгит... георгиум... да, пожалуй.

— А почему бы пенициллин не назвать пенициллином?

— Гоша, ты покушай, — ласково предложил я, — а потом подумай, не надо совмещать процессы. Его же получают из грибка «пеницилум рубрум», нельзя же прямо в названии так засвечивать способ получения!

— Слушай, а разве это допустимо — держать в секрете такое лекарство?

— От потенциальных противников? Кому надо, пусть заключает с Россией договор о ненападении лет на двадцать пять, причем жестко составленный, будем поставлять антибиотики по разумным ценам. Остальным — по десять тысяч рублей за грамм!

— Ох и спекуляция начнется...

— Это ты правильно заметил насчет спекуляции. Значит, надо в договор вносить еще беспрепятственную работу наших спецслужб по пресечению оной на территории страны-покупателя.

— Думаешь, хоть кто-нибудь согласится?

— Думаю, нет. Но в случае войны с наших самолетов полетят листовки примерно такого содержания: вот вы тут мрете по госпиталям, а ведь любого мог бы спасти грамм георгиума! Но ваше правительство отказалось его приобретать, потому что мы предлагали контроль, а им хотелось нажиться. И ведь как нажились, суки, вы только посмотрите! Ату их, гадов жирных, и мы завалим вас лекарствами, причем на халяву!

Над нами протарахтел мотор. Я глянул в окно — точно, Маша прилетела. Последнее время по маршруту Георгиевск — Москва на поезде она ездила только в дождь. Гоша выскочил встречать.

Через двадцать минут (это при том, что Маша садилась прямо под окнами, игнорируя аэродром) молодежь появилась в столовой.

— Дядя Жора, специальный заказ выполнен! — отдав честь, отрапортовала племянница. — Мультфильм «Белоснежка и семь гномов» готов! Цветной и пятисерийный, между прочим. Вечером — премьера. Детей до восемнадцати (она стрельнула глазами в Гошину сторону) даже близко подпускать нельзя! Художники — и те краснели, картинки раскрашивая.

— Вот и замечательно, — кивнул я, — а тут еще одна работенка по художественной части есть. Мы вот задумали антибиотики выпускать, и на упаковках, понятное дело, должен быть Гошин портрет. Его надо изобразить так, чтобы ни у кого и тени сомнения не возникло: если есть на свете идеал мудрости и доброты, то вот он! И чтоб еще похоже на оригинал было.

— Думаешь, получится? — усомнился Гоша.

— Дорогой, ты к себе несправедлив, — заметила Маша. — И ко мне, кстати, тоже. Конечно, получится! Я так понимаю, нужно несколько вариантов под разные способы печати?

Оставив высочество и племянницу обсуждать детали портрета, я направился к себе, на послеобеденный отдых, и заодно обдумать только что обсужденное. Значит, вылечим Чехова. Через некоторое время к известности Найденова-инженера добавится известность Найденова-врача. Это хорошо или плохо? Или, точнее, как сделать, чтобы это стало хорошо?

Начнем с самого верха. Что известно Николаю? Что его брат у себя на Кавказе нашел старца сверхмощной целительской силы. Одновременно

неизвестно откуда там же появился инженер Найденов с племянницей, самолетами и мотоциклами. Теперь выясняется, что он еще и врач весьма не из последних. Выводы? Ну ей-ей этот инженер как-то связан со старцем!

Даже если Николай и такой дурак, каким он выглядит в своих дневниках, то уж Алиса-то именно этот вывод сделает точно, если еще не хуже. А значит, надо честно и откровенно заявить, что я — сын? племянник? — нет, пожалуй, лучше внук старца. Точно, внук, которому оный старец и передает помаленьку свои безграничные знания. Кстати, надо слегка подкрасить волосы, чтобы народ успел привыкнуть к тому, что Гошин зам уже не седой. А старец, наоборот, бел как лунь и без очков. Будем надеяться, что такого различия хватит.

На следующий день мы разбежались по городам и временам. Гоша отправился в Питер презентовать дяде-адмиралу шедевр киноискусства. Маша — в Москву девятисотого, продолжать крепить нашу финансовую мощь. Я — в Москву две тысячи девятого за патефоном и информацией о пенициллине.

Патефон я приобрел быстро, а вот по поводу антибиотиков поначалу вышел тупик. То, что я нашел по этому поводу в Интернете, четко делилось на две части. Первая была мне просто непонятна. Вторая понятна ровно настолько, чтобы сделать вывод о практической невозможности развертывания такого производства в Гошином мире. Решение, как это часто бывает, нашлось неожиданно и совсем не там, где искалось.

Как я уже вскользь упоминал, до встречи с Гошей на жизнь я себе зарабатывал ремонтом и тюнингом двухколесной техники. И вот мне позвонил один из старых клиентов и, посмеиваясь, сказал, что его батя совсем сбрендил и на старости лет возжелал скутер. «Можно, конечно, пойти в магазин и купить, — продолжил клиент, — но я могу себе позволить подарить батю нечто получше среднего. Возьмешься ему по спецзаказу сделать?»

Мне, честно говоря, было несколько не до этого, но потом я вспомнил, что клиент как-то завязан в медицинском бизнесе. И вроде он говорил, что это у него потомственное. Быстро выяснилось, что мечтающий о скутере старикан всю свою трудовую жизнь был фармацевтом, причем именно по антибиотикам. «Батя учился у самой Ермольевой», — с гордостью сказал клиент.

В общем, через день фармацевт, сильно напоминающий постаревшего лет на десять Цепелина, уже объяснял мне, какой именно скутер ему хочется. На самом деле было несколько не так — я наводящими вопросами

подвел его именно к той конфигурации, которая не представляла особой опасности для него и особой трудности для меня, и теперь слушал пересказ своих же неявных предложений. Мы быстро сговорились. Он, разумеется, получит свое транспортное средство. Тут я сделал отступление и наплел о своей любви к истории техники. Мол, у меня хобби — сделать что-то так, как могли сто или более лет назад. Как пример я показал несколько фото «Святогора», в том числе летящего, сказав, что вот — сделал самолет по технологиям конца девятнадцатого века. Фармацевт проникся и восхищенно зацокал языком. А теперь, продолжил я, мне вот захотелось попробовать произвести, например, пенициллин, опираясь на технологии того же примерно времени. В общем, очень довольный знакомством фармацевт обещал написать подробное руководство по лабораторно-кустарному производству, разжеванное по шагам.

За неделю я на базе стандартного скутера собрал фармацевту желаемое, а он написал мне руководство и как первоисточник приложил отсканированную статью некоего Бергера про получение пенициллина.

А потом я шагнул из гаража в Георгиевск, куда за день до меня из своего питерского вояжа вернулся Гоша.

— Ну здравствуй! — сказал он мне. — Твой чемоданчик — это и есть тот самый знаменитый патефон?

— Ага, вот, слушай.

Пружина была уже заведена, я открыл крышку, поставил пластинку и опустил на нее штангу с иглой. Патефон зашипел, заёкал, а потом громко и хрипло заиграл «Болеро» Равеля. Сунувшаяся было ко мне кошка возмущенно фыркнула и ушла. Гоша с подозрением смотрел на надрывающийся ящик, Маша чуть не валялась на полу от хохота.

— Я представлял себе несколько более качественный звук, — осторожно сказал Гоша.

— По сравнению с mp-3 плеером действительно не фонтан, но ведь тут сейчас ничего другого вообще нет. И потом, пластинка довольно заезженная, с новой должно быть малость получше. Так что вот вам образец, копируйте и начинайте гнать культуру в массы.

— А я-то собиралась под гитару петь... — разочарованно протянула Маша. — Но с такой звукозаписью я не согласна, подожду лучше магнитофона.

— Ничего страшного, Шаляпин небось не хуже тебя споеет и привередничать не будет, — утешил я племянницу. — Ужин у вас тут скоро будет?

После еды Маша пошла пострелять, а Гоша сказал, что у него есть

несколько мыслей по радиоуправляемым катерам-камикадзе.

— Ну-ну, интересно... На словах будешь делиться или у тебя уже на бумаге что-то есть?

— Пошли ко мне, покажу.

В кабинете Гоша открыл сейф (удалось-таки мне отучить его держать бумаги на столе) и протянул мне несколько рисунков. Надо сказать, что изображенное на них очень мало напоминало катер. Гораздо больше это было похоже на две торпеды, соединенные отрезком тонкого крыла, наподобие шверта у яхты. Нижняя имела винт и руль, верхняя, вдвое тоньше и несколько короче, была снабжена двумя мачтами.

— Так, это, значит, в нижней колбасе у нас мотор, оборудование, взрывчатка... — начал соображать я. — Плавучесть у нее отрицательная. А верхняя пустая?

— Там пробка.

— Мачты — это чтоб натянуть антенну и для забора воздуха?

— И еще чтобы со стороны было проще определить курс и расстояние.

— Да, пожалуй, это будет лучше обычного катера. Во-первых, сама мишень получается раза в три меньше, а во-вторых, дырки ей ничем не повредят, чтобы утопить, ее придется разорвать в клочья. Думаю, надо модель сделать, примерно один к десяти, посмотреть, как плавает и как управляется. Тем более что на Оке как-то многовато всяких браконьеров развелось...

Глава 13

Через неделю Гоше пришел пакет из адмиралтейства — официальное решение об опытных бомбардировках боевого корабля, устаревшего броненосца «Петр Великий».

— Пора готовиться, — предположил Гоша.

— Только перед этим желательно решить к чему. Тут вот в чем дело, я ведь работал в оборонке и знаю, что любая демонстрация новой техники всегда имеет элементы показухи. Вот нам и надо заранее прикинуть ее процент. И направление, кстати, тоже.

— Опять какую-то пакость задумал... — обреченно вздохнул Гоша. — Ну давай уж, выкладывай.

— У нас два варианта: либо преуменьшить, либо преувеличить возможности самолетов.

— Вариант показать их как есть ты даже не рассматриваешь?

— Разумеется, там же всяких военных атташе будет как грязи. Так что выбирать придется только из двух.

— Ладно, пусть мы создадим у зрителей преувеличенное представление об опасности бомбардировок с воздуха... — задумался Гоша. — Тогда наш флот увеличит закупки, а заграничные друзья форсируют работы по созданию своей авиации. Пока плюсы и минусы уравниваются. Дальше. Обе стороны сделают вывод об усилении противовоздушной обороны судов. Но наши оппоненты наверняка успеют раньше и, боюсь, сделают это лучше. Минус.

— Вот и я тоже думаю, что сильного впечатления производить не надо. Значит, прицелы-транспортиры снимаем, пусть между ног наводят. Я не полечу, пожалуй, а то вдруг попаду. Бомбы набить черным порохом.

— Совсем-то уж явные поддавки ни к чему, — возразил Гоша. — Набьем динамитом, все равно скорость падения будет мизерной. И чтоб хоть кто-то попал, пусть Маша летит.

— Ну это понятно, ей пропустить повод покрасоваться на публике никак нельзя.

— Вес бомб... Я думаю, взять килограмм сто...

— Не фиг, еще навернется кто-нибудь на взлете, пилоты у нас — одно название. — Мысленно я прикинул допустимый вес. — Не больше восьмидесяти. Хотя тому же казачонку или Маше можно и сто двадцать — сами легкие, летают хорошо. Вот только надо ли?

— Думаю, надо. Не годится, если кораблю вообще не будет нанесено вреда. И еще, мне кажется, для нас главное — создать впечатление, что для обороны от самолетов достаточно пулемета на станке, позволяющем направить ствол вертикально вверх.

— Ага, значит, скорость пусть снижают не прямо над кораблем, а метров за триста и так и ползут к нему на сорока пяти. План учений кто писать будет?

— Ты, конечно, — ехидно повелел высочество.

— Ну ладно, я напишу. Вот уж букв не пожалею!

— А я все твои непечатные буквы отредактирую, не волнуйся.

Гоша уже собрался уходить, но задумался.

— Если бы нам надо было преувеличить эффект бомбардировки, — неуверенно начал он, — то можно было бы... Слушай, а место открытия портала — оно привязано к географическим координатам или к окружающей обстановке?

— Ваше высочество, — торжественно сказал я, — вы гений. Разумеется, против «Петра» мы ничего такого применять не будем, но проверить надо. Пока развалюха будет стоять в порту, откроем портал у нее в трюме. А когда она поплывет, повторим операцию еще раз и посмотрим, куда получилось... Тогда в случае удачи придется тебе в Японию съездить — меня, боюсь, на новейший броненосец не пустят. Хотя какая, в задницу, Япония — «Микаса» же сейчас в Англии достраивается! — Гоша хлопал глазами. Пришлось разжевать: — Вот приехал ты в Англию, самолеты привез. Попросил устроить экскурсию на достраивающийся броненосец. Заходишь в то место, где потом будут лежать заряды к главному калибру. Я в это время сижу в гараже, жду. Ты выбираешь момент, когда никто не смотрит, и мы открываем портал. Для подстраховки так, чтоб он еще твоим телом был прикрыт. Все, после этого мы в любой момент сможем вдвоем из гаража открыть дыру в эту посудину. А какого конкретно числа и какого года наступит этот «любой момент», видно будет. Только сначала на «Петре» потренируемся.

— Но ведь так можно будет у них весь флот утопить...

— Ага, так тебя и пустили на «весь флот». Хорошо, если удастся один-два кораблика пометить. А вообще, возвращаясь к насущному, пора в Кронштадт команду посылать для подготовки аэродрома. И домик для нас с тобой неподалеку снять или быстренько построить, чтоб было откуда по порталам шастать без привлечения лишнего внимания.

— Про домик я и сам подумал. А что с летной школой, кто будет курсантов по небу выгуливать?

— Никто. У нас всего шесть летчиков и еще три курсанта, которых можно взять в Кронштадт. Остальные поедут в Москву, лекции Жуковского послушают. Ой, ё... Из этих троих же один англичанин!

— Джефф? Тот паренек, которого ты выбрал из их кандидатов?

— Он самый. И летает, учитывая, что только начал, очень неплохо. Кстати, как его фамилия?

— Сейчас... де Хэвиленд.

— Вот те раз! Причем по возрасту похоже, что тот самый.

— Можно пояснее для местных? — поинтересовался Гоша.

— Джеффри де Хэвиленд, один из первых и лучших английских авиаконструкторов. А теперь наверняка будет и первым, и лучшим. Если не разобьется, конечно.

— Надеюсь, ты помогать не собираешься?

— Интересная мысль, — начал было я, но, увидев, как напрягся Гоша, махнул рукой. — Да шучу я, шучу. Не хватало еще за просто так восемнадцатилетних пацанов гробить. И давай действительно возьмем его в Кронштадт, хрен с ним, что он англичанин. Типа выпускного экзамена, он же по сокращенной программе учится.

— Если мы возьмем его в Кронштадт, он поучаствует в реальной бомбардировке, — заметил Гоша. — Если не возьмем, он вместе с оставшимися курсантами будет слушать лекции Жуковского. Что хуже?

— Конечно, лекции. Так что курсант де Хэвиленд однозначно будет бомбить «Петра Великого». А потом — сразу домой, хватит, посмотрелся он уже здесь на наши достижения.

— Ладно. Тут у меня к тебе еще вопрос появился. Помнишь, мы говорили про модель двухэтажной торпеды? Я нарисовал эскиз, и мне такую сделали, совсем маленькую, деревянную, с резиновым моторчиком. Но что-то с ней не так, не желает она нормально плыть. Сначала ныряет, потом выскакивает из воды, плюхается набок и крутится на месте, пока завод не кончится.

— Показать можешь?

Через полчаса мы были на берегу Нары, и я вертел в руках модельку. Две деревянные сигары, в нижней кроме резиномотора явно имелся еще балласт. Сзади — рулевое перо, по бокам — съемные рули глубины, как у подлодки. Верхняя секция — пустотелая, липовая.

— Я подумал сначала, что дело в отсутствии рулей глубины, — пояснил Гоша, — но с ними стало только хуже.

Посмотрим... Я завел резинку и запустил модель. Она проделала именно те манипуляции, которые мне были описаны. Тогда я направил ее

носом вниз. Она нырнула поглубже, но быстро всплыла и проделала те же финты. Запуск носом вверх привел только к тому, что модель, пару раз подпрыгнув, стала ложиться набок и крутиться без предварительного заныривания.

— Ну-ка прикинем...

Я быстро набросал схему, расставил векторы сил, потом очень приблизительно рассчитал их величины. После чего вынужден был прокомментировать полученный результат на разговорном диалекте великого и могучего.

— А почему мы именно чудаки на букву «м»? — растерянно спросил Гоша.

— Потому что судно может устойчиво находиться на границе двух сред только тогда, когда гидродинамическая выталкивающая сила много меньше веса. А она пропорциональна квадрату скорости. То есть быстро плыть могут только тяжелые суда. Легкие будут или глиссировать, или нырять. Нырять нельзя, под водой радиоволны гасятся. Глиссировать тоже нельзя, слишком заметно и на любой волне перевернешься. Для тонны максимальная скорость получается в районе тридцати километров в час.

— Выходит, вся затея с радиоуправлением — химера? — огорчился Гоша.

— Да не с радиоуправлением, а с катерами-камикадзе. А радиоканал не пропадет, подумаем, как его в диверсионном деле использовать.

Крейсер «Светлана», который дядя генерал-адмирал^[8] беззастенчиво использовал в качестве личной яхты, медленно плыл по Финскому заливу (это я думал про себя; скажи я слово «плыл» вслух, находящиеся рядом морские офицеры вполне могли бы и выразить свое отношение ко мне действием).

Дядя Алексей, Гоша и прочие высокие шишки были наверху — не знаю, именно эта площадка называется мостиком или нет. Мне было несколько не по себе. Дело в том, что по морю я плавал второй раз в жизни. Первый — из Англии в Питер, и я помню, как всю дорогу мне не давала покоя мысль: что делать, если вот сейчас посудина начнет тонуть? Причем вопреки логике в каюте мысль почти пропадала, особенно с занавешенным иллюминатором. Но сейчас я был на палубе.

В двух километрах от нас застыл броненосец «Петр Великий». Кстати, эксперимент с порталом увенчался успехом — он открылся именно в трюм, когда «Петр» вышел в море. Я тогда еще взял палку колбасы, дернул ее за шнурок с биркой и бросил в темную дыру портала. Остальным и лимонки

не пожалею, пояснил я свои действия Гоше.

Со стороны берега послышался треск моторов — приближались самолеты. Скоро над нами пролетело первое звено — три курсанта и Мишка-казачонок в качестве лидера. Второе вела Маша. Вот казачонок навел свое звено на корабль и свернул — по плану, командиры должны были бомбить последними. В атаку пошел де Хэвиленд. Грамотно, и не скажешь, что всего месяц, как летает. Он увеличил угол, бросил бомбу... вот ведь гадство, попал! В самый кончик носа, который просто исчез во вспышке взрыва. Следующий промазал. Но третий опять попал, да что же за невезуха! Бедный корабль лишился трубы и задней части надстройки. Казачонок закончил круг и показал класс. Я уверен, что он целился именно туда, куда попал! Теперь вместо и до того поврежденного носа ветеран имел какой-то тупой обрубок. Начал разгораться пожар, и тут налетела Маша со своим выводком. У нее тоже промазал только один. На корабле уже горело все, что можно, и Маша развернулась на боевой курс — вносить завершающий штрих в картину. Ведь утопит же сейчас бессердечная девка старика! Мне было до слез жалко первый русский броненосец.

Мощная бомба племянницы, похоже, сквозь развороченную палубу попала в трюм. Взрыв был глухим, но «Петр» начал крениться набок.

— Что там сейчас творится? — оторвался от бинокля один из морских офицеров. — Эти ваши аэропланы, господин Найденов, надо расстреливать заранее. Опасная вещь. Вот только как же быть с Гаагской конвенцией тысяча восемьсот девяносто девятого года?

— Вы имеете в виду, что по ее условиям запрещается бросать бомбы с воздушных шаров и им подобных аппаратов?

— Вот именно.

— Так у самолета нет ничего общего с аэростатом — принцип полета совершенно другой. А математически шару подобен эллипсоид вращения, на который совершенно непохожа наша этажерка. Тогда уж надо и шрапнельные снаряды запрещать. Летит себе снаряд по небу, прилетает куда надо, и на противника сыплются осколки. Аэроплан тоже летит, тоже прилетает, тоже что-то разбрасывает. В чем разница? Вот с воздушных шаров, согласен, бомбы бросать нельзя. Нам нельзя, противник пусть себе делает что угодно, ибо это глупость.

Поврежденный броненосец держался на воде, но с заметным креном на нос и на борт. К нему спешили буксир и катер с аварийной командой. «Светлана» разворачивалась в Кронштадт.

«Если бы мы специально хотели преувеличить мощность нового оружия, лучше бы у нас все равно не вышло, — мрачно думал я. — Теперь

что же, при любой атаке нужно планировать нанесение минимального вреда противнику? Тогда точно всех перетопим...»

Через день мы смотрели перечень повреждений корабля-мишени. В общем, ветеран выдержал. Как заверили флотские офицеры, доплыть до базы он смог бы, но участвовать в бою — нет. Гоша торговался с дядей об условиях передачи некоторого количества самолетов флоту. Общая договоренность была такая, что самолеты остаются принадлежать авиации, то есть Гоше, но прикомандировываются к флоту. Флот, то есть дядя-адмирал, аналогичным образом выделяет нам несколько кораблей. Теперь шел торг — сколько на сколько.

В документе о повреждениях меня заинтересовали тонкости. Ну каким, скажите, образом в результате авианалета бесследно испарилась динамо-машина? И сервис из кают-компании, обратившийся в пыль, тоже вызывал серьезные сомнения. Четыре шлюпки, конечно, обязательно сгорели бы, но я хорошо помнил, что «Петр» перед отплытием их не имел. Лезть с ненужными вопросами я не собирался — портить отношения с флотскими в мои планы пока не входило. А вот сфотографировать этот документ после его подписания дядей Алексеем на всякий случай не помешает.

Потом с высочайших торгов вернулся Гоша. Он сказал, что пока в обмен на три десятка самолетов нам дают крейсер «Владимир Мономах» и что выделена сумма на его переоборудование. Но не успел я порадоваться щедрости генерал-адмирала, как Гоша спустил меня на землю, сказав, что этой суммы хватит разве что на покраску, но и превращать за свои деньги этот крейсер во что угодно нам никто мешать не будет. Гоша сиял — как же, теперь у него будет свой (ну или почти свой) корабль! Дело в том, что авианесущий крейсер по нашему настоянию считался соединением, оперативно подчиненным командиру базирующейся на нем авиагруппы. А корабль — это просто средство ее доставки и обороны в случае чего.

— Ну вот, ты теперь в Англии для своего парохода хоть пару современных пушек с запасными стволами приобрети, а то ведь на нем такой металлолом стоит... Предложи им несколько запасных движков, это они прошляпили, а Джефф уже в курсе, что одного мотора хватает на месяц полетов, не больше. Кстати, вручим ему диплом, и пусть едет с тобой. Снайпер-бомбометатель, блин. Но ты в туманном Альбионе особенно не расслаживайся, тут через месяц твой братец Коля заболит.

— Как думаешь, удастся под это дело отговорить его от проникновения в Корею? — с надеждой спросил Гоша.

Мне очень хотелось в ответ предложить ему губозакатывательный механизм, но я дипломатично сказал, что, мол, посмотрим. А про себя подумал, что даже предлагать Николаю назначить Гошу наместником Дальнего Востока пока не стоит.

Дальше мы уточнили детали для Гошиного поверенного, отправляющегося в Бразилию за каучуком и бальсой. С сырьем для резины мы уже опоздали, там все давно куплено на корню, а вот бальса — весьма ценный материал на деревянном этапе самолетостроения — своего однозначного хозяина пока не имела. После чего я шагнул в московский гараж ждать Гошиного прибытия в Англию.

В Москве мне надо было приобрести несколько парашютов, ведь новые самолеты, «Тузики», были уже почти готовы. Нашей троице парашюты так и достанутся из двадцать первого века, остальным предполагалось шить их на месте, по образцу. Кроме того, нужно было купить загородный коттедж для организации порталов к VIP-персонам типа Ники. Все это обошлось мне в неделю беготни. Ну и наконец я сел на парашют в своем свежеприобретенном доме и стал ждать сигнала от Гоши.

«Готов?»

«Ага».

«Открываем!»

Возникло маленькое окошко, вроде нашего первого портала, с противоположной стороны которого мне улыбался Гоша. За его спиной можно было разглядеть какое-то темное помещение с металлическими стеллажами.

«Кормовой зарядный погреб главного калибра! — подмигнул мне Гоша. — Закрываем, а то сюда сопровождающий идет».

Закрыли, после чего мне оставалось только ждать прибытия высочества в город имени себя. Время ожидания я потратил на покупку и расстановку мебели. Под конец я просто сидел, как на чемоданах, и ждал. А потом шагнул из снежно-слякотного марта в солнечное начало сентября.

Глава 14

На днях должен был заболеть Николай, и в связи с этим я ваял своеобразный прибор. Он представлял собой небольшую эбонитовую коробку с тремя кнопками, двумя лампами и стрелочным вольтметром пятьдесят второго года изготовления. Его функции заключались в том, что при нажатии на первую кнопку зажигалась синяя лампа, а вольтметр начинал показывать три вольта. При нажатии на вторую зажигались обе лампы, внутри громко щелкало реле, вольтметр зашкаливало. При нажатии на третью прибор выключался. Зашедший ко мне Гоша некоторое время пытался понять смысл этого устройства, но, видимо, не смог, потому что спросил:

— Это что?

— Прибор для охмурения Витте, — объяснил я. — Вот смотри, заболит Николай, и Витте поедет в Крым. Георгиевск как раз по дороге, и что-то мне интуиция подсказывает, что он нас навестит. Поэтому я и хочу показать ему портал — примерно как Николаю, то есть чтоб клиент ничего не понял. Надо, чтобы в его глазах открытие портала было результатом работы какого-то устройства, вот этого например.

— А не мелковато ли оно для такой цели? — усомнился Гоша.

— Это только пульт управления, а само устройство в подвале занимает десять... нет, мало — сто двадцать кубометров. Связь... эх, рано еще Витте про радиоканал говорить, придется к коробке провода присобачивать.

А на следующий день проездом в Крым нас действительно посетил Витте. Это у него чутье такое или хорошие информаторы, интересно? Николай толком еще и разболеться не успел, а этот уже в пути. И ведь не поленился потерять день на визит к нам, наверняка имеет планы использовать Гошу, остается попробовать понять какие. На сей раз беседа министра с высочеством шла под диктофон. Но Сергей Юльевич даже не дал мне времени прослушать запись — сразу после Гоши он отправился ко мне. Вот так просто пришел в заводоуправление, спросил, где тут кабинет господина Найденова, и сообщил, что хочет попасть к нему на прием. И таки попал. Мы поздоровались. Я с интересом смотрел на министра финансов. Разумеется, я внимательно прочитал его биографию, видел портреты, но там как-то не отразилась одна деталь — размеры министра. Они впечатляли.

Витте мялся. Это он хочет меня убедить, что будто бы не знает, с чего

начать разговор? Ну-ну, подыграем...

— Сергей Юльевич, вы не стесняйтесь. Если хотите что-нибудь спросить — я к вашим услугам.

— Меня очень интересуют ваши многочисленные изобретения, Георгий Андреевич. И я хотел узнать, как ваши дальнейшие планы связаны с Россией. Это просто один из эпизодов богатой биографии или...

— Или. Я рад, что наконец вернулся на родину, и все мои планы сейчас связаны именно с ней.

— Замечательно! В таком случае можете рассчитывать на мою полную поддержку в реализации ваших начинаний.

Ага, теперь бы только понять, это он планирует нечто вроде повторения истории с Мамонтовым или стелет соломки на случай, если Николай таки сыграет в ящик? Хотя, наверно, не «или», а «и». Может, слегка обострить ситуацию?

— Сергей Юльевич, наверняка вас интересует еще один вопрос. Вы его зададите прямо или обойдемся без поднятия этой темы?

— Пожалуй, не обойдемся. Прямо так прямо. Скажите, на чем основано ваше огромное влияние на Георгия Александровича?

— Да просто нравится он мне, — решил немного повеселиться я. — Хороший такой мальчик, честный, немного наивный, но не дурак. Вот и советую ему иногда по жизни, мне не жалко. — Витте с невозмутимым видом ждал продолжения. Ладно, вот оно: — Как вы, наверное, в курсе, Георгий год назад был тяжело болен. Жить ему оставалось совсем чуть-чуть. Но тут ему повстречался некий горный старец. Он вылечил цесаревича. За один день. По поводу изложенного у вас сомнений нет, надеюсь?

— Нет. По моим сведениям, все именно так и было.

— Так вот. Горный старец не хотел, вылечив, бросать Георгия на произвол судьбы. Но и появляться в обществе он не хотел тоже. Оно ему противно, знаете ли. Да и других дел хватает.

— Я его понимаю, — кивнул Витте, — продолжайте.

— Да, собственно, уже почти все. Старец попросил внука и ученика, который в это время как раз собирался в Россию, связаться с Георгием и предложить ему свою помощь. Я связался и предложил. Цесаревич с благодарностью принял. Так и живем.

Витте перевел дух. Ведь наверняка допускал, что именно я этот старец и есть! Да и сейчас, скорее всего, до конца эту мысль не отбросил.

— Так сколько же лет старцу?

— Не меньше ста двадцати. А вот насколько больше — я не знаю,

дедушка не любит распространяться о своей молодости.

— Вы сказали — ученика... А как далеко, если не секрет, зашло ваше ученичество?

— Оно закончилось. Именно поэтому я и решил переселиться в Россию. То есть я могу практически то же, что и старец, ну, может, чуть похуже и не так быстро.

— Э-э-э... не будет ли с мой стороны нескромностью попросить вас продемонстрировать что-нибудь из своих способностей?

— Не будет. Вон, кстати, сюда его высочество идет. Спрошу у него и, если он тоже не против, продемонстрирую. А вы что думали? Не только он меня слушает, но и я его.

Через две минуты Гоша был в кабинете.

— Георгий Александрович, — обратился я к нему, — я тут признался господину Витте, что являюсь внуком горного старца... — Хорошо, что как раз вчера мы с ним на эту тему побеседовали. — Сергей Юльевич просит продемонстрировать ему чего-нибудь этакое.

— Я не против, — с ходу врубился в ситуацию Гоша, — только, пожалуйста, пусть «что-нибудь» будет без пиротехнических и прочих эффектов. Простенькое, вроде портала.

— Согласен. Значит, портал в коттедж. Открываю!

Я нажал сначала первую, а потом вторую кнопку на заранее выложенном на стол охмурителе.

Все-таки русский язык хорошо приспособлен для выражения сильных эмоций. Потому что словом, например, «изумление» состояние Витте можно было описать весьма приблизительно. Придерживаясь протокольной точности, следовало сказать, что он радикально охренел! И продолжал оставаться в этом состоянии.

— Сергей Юльевич, ну что вы стоите? Идите за мной.

Витте сделал три неверных шага и встал посреди гостиной. Портал за его спиной схлопнулся.

— Присесть не желаете? Или лучше сначала подойдите к окну.

За окном шел снег — в нашем времени был конец марта.

— Г-где мы? — понемногу обретая дар речи, спросил министр.

— Торбеево озеро. Не знаете? Это около ста километров на север от Москвы.

— А почему снег?

— Потому что это другой мир. Вы, возможно, слышали гипотезу, что наш мир далеко не единственный? Вот вам ее наглядное подтверждение.

— И ч-что теперь?

Витте озирался, пытаясь найти портал, через который мы только что прошли. Естественно, ничего даже отдаленно похожего он не увидел.

— Ну можно, например, на лыжах покататься... хотя погода мерзкая. А что вы дрожите, вам холодно? Извините, но ваш визит был внезапным, отопление я не включал. Или вы уже обратно хотите?

— Да, есл-л-ли можно.

— Ну не бросать же вас тут? Пойдемте. Хотя... минутку.

Вчера я не только собрал охмуритель, но и, сбегав в коттедж, малость изменил картинку на настенном экране. Теперь там был красный силуэт человека на черном фоне.

— Вот сюда, пожалуйста, встаньте. — Я показал министру на резиновый коврик перед экраном. Щелкнуло, и силуэт изменил цвет на зеленый. — Все, можно и назад.

Витте вздрогнул — перед ним снова был портал. С той стороны Гоша, изображая занятость, что-то черкал на листке бумаги. Министр с несколько несоответствующей титулу поспешностью метнулся в мой кабинет. За ним прошел я.

— Вы уже вернулись? — оторвался от своего занятия Гоша. — Тогда прошу извинить, у меня дела. До свидания, Сергей Юльевич.

Я подошел к столу и выключил охмуритель.

Витте перестал дрожать и понемногу приходил в себя. Осмотрев кабинет, он, видимо, убедился, что мы вернулись именно туда, откуда уходили. Потом он откашлялся и с некоторой даже торжественностью сказал:

— Прошу меня простить, господин Найденов, поначалу я несколько сомневался в ваших словах. Но теперь, разумеется, все сомнения исчезли.

На его лице стало постепенно проступать некоторое недоумение.

— Странно, печень совершенно не болит. Последнее время она меня постоянно донимала, а тут...

Ага, еще одно подтверждение лечебно-тонизирующих свойств перехода.

— Это вам от меня что-то вроде небольшого подарка, — объяснил я. — Экспресс-ремонт, так сказать. Помните экран и коврик?

— Вы так и цесаревича вылечили?

— Не я, а дедушка, и не так, а гораздо сложнее. Все-таки последняя стадия туберкулеза — это серьезнее, чем первая цирроза.

— Очень рад был познакомиться с вами! — Витте встал. — Надеюсь, наша следующая встреча не заставит себя долго ждать.

— Вполне возможно, у меня тоже появилась мысль съездить в Крым.

— Ремонтировать? — прищурился Витте.

— Да, — вздохнул я.

Сергей Юльевич тоже вздохнул и начал прощаться.

Я пошел к Гоше послушать запись. В общем, можно было понять, что Витте предлагает подумать, что из производимого в Георгиевске может закупать казна, и сообщить ему, а он поспособствует, чтобы процесс шел как по рельсам. Еще он спросил, не собираемся ли мы создавать акционерное общество, чтобы оперировать не только собственным капиталом, но и привлеченным, в том числе и из-за границы. В конце беседы он как малозначительный курьер преподнес: оказывается, Алиса считает, случись что с Николаем — и на престол сядет она.

— Очень любезный господин! — с некоторой иронией подытожил Гоша.

— Ага, в долги хочет нас загнать, — высказал я свое видение ситуации. — Чтобы потом, по обстановке, либо явиться перед нами спасителем и благодетелем, либо утопить. Мое мнение — хрен ему, а не доленое участие. Лучше с Цеппелином совместные дела активизировать.

— А Ники пусть сам выздоравливает или подлечим, чтоб побыстрее?

— Лучше подлечить. Через портал его, потом разовую дозу лекарства и далее поливитамины. Если сразу встанет на ноги, это будет эффективно. Ну и перед сеансом терапии Антон Палыча малость потренируемся.

Вечером я беседовал с Машей — после визита Витте возникли некоторые мысли.

— Тут у нас Ники серьезно приболел, — начал я, — и вырисовываются довольно интересные возможности. Дело в том, что Алиса уверена — в случае смерти мужа царствовать будет она.

— А морда не треснет?

— Вот именно это ей Витте и объяснит, как приедет. Кандидат на престол Гоша. После него — Михаил. Потом Кирилл, если не ошибаюсь. Женщина может сесть на трон только при отсутствии претендентов-мужчин. Претендент может выбыть, например женившись на особе более низкого происхождения...

— А, то есть теперь Алиса, въехав в проблему, захочет поженить нас с Гошей?

— Думаю, да. И мне интересно твое мнение на этот счет.

— Мы уже обсудили это и решили: только когда все кончится. Если победой здесь — тогда и подумаем, как это устроить. А если поражением

— и устраивать ничего не надо будет, что в нашем мире, что в этом, где-нибудь в Аргентине.

— Вот и замечательно. Но Аликс этого говорить не стоит, понятно. Значит, так, на невеликокняжеский брак пусть у нас будешь не согласна ты. Нехай тебя титулом пожалуют. А вот кто потом не согласится даже и на великокняжеский — надо подумать.

— Пусть Гоша начнет кочевряжиться, а то, если опять я, это просто какая-то сказка о рыбаке и рыбке выйдет. А царица меня будет утешать, расписывать Гоше, какую роковую ошибку он делает... Нормально. Так, значит, у нас предвидится бархатный сезон в Крыму? Надо мне в нашу Москву сбегать, за купальниками...

— Я же вроде тебе привез!

— Дядя, ты лучше сам это, которое привез, надень и посмотри, как будешь выглядеть. А мне и смотреть не надо, все сразу понятно. И крема для загара у меня нет.

— Ты хочешь сказать — против загара?

— Дядя Жора, вот себе ты можешь купить чего хочешь и мазаться хоть против загара, хоть против поноса. А мне нужно именно то, что я сказала! Ну может, и еще чего-нибудь, так сразу не вспомнишь... Да не волнуйся ты, мне полдня точно хватит.

— Тогда уж и Алисе возьми прокладок там или косметики какой...

— Ну дядя Жора! Ты еще вибратор посоветуй, до кучи. Я уж как-нибудь сама разберусь.

— Только...

— Да понимаю я, чтобы год изготовления на видном месте не торчал. Будут ей подарки, не волнуйся. Да, кстати, а поляроиды бывают в ретро-стиле? Я имею в виду не сам аппарат дарить, а снимки. Ведь неприлично даже как-то: сам великий Найденов до сих пор не изобрел цветной фотографии! А возиться с проявкой-печатью я не умею, да и ты вроде тоже.

— Ладно, посмотрю.

— Да, кстати. Тебя ведь небось тоже будут Алисе представлять? Как дядю и тем более как внука. Вот и тебе тоже почва для размышлений. Сразу намекаю, что средство от запаха пота или геморройные свечи в качестве подарков не подходят.

Через день мы — все трое — выехали в Крым. Как только поезд тронулся, я и Маша перешли в Москву 2009-го, в гараж. Сутки, пока будет ехать поезд, Маше нужны были на приобретение барахла и подарков, а мне — на подготовку второй встречи императорской четы с горным старцем. Из

соображений использовать портал как лекарство на сей раз встреча должна будет проходить в моем загородном доме, поэтому надо создать соответствующую обстановку. Я поехал искать атрибуты. Маша убежала по магазинам и довольно быстро, еще и ночь не наступила, вернулась с парой сумок «мечта челнока». Утром сумки и Маша были закинута в Гошин вагон, который уже подъезжал к Крыму, а я, посетив дорогой салон на предмет приобретения длинной седой бороды (между прочим, куда лучше настоящей получилась! Вывод — доверяйте профессионалам), ждал вызова от высочества в оборудованной соответствующим образом комнате коттеджа. Там уже стоял стол со всякими колбами и ретортами, шиномонтажный стенд (в гараже он мешал, я его сюда вывез), здоровенный плазменный экран и маленький голопроектор, умеющий показывать одну картинку — схематическое изображение земного шара, вокруг которого бегают буквы «терраэлектроника». Подумав, в добавление к имеющемуся я притащил навороченный кухонный комбайн. Затем некоторое время я выбирал сюжеты для висящего на стене экрана. Остановился на брачных играх носорогов, но звук убрал, а вместо него наложил «Лунную сонату». Инфразвук решил не использовать, а то он хоть и слабенький, но неизвестно, как подействует на больного. Огляделся — вроде все. Тьфу ты, я же в домашнем! Надел джинсовое пальто, причесался, вставил контактные линзы. Теперь оставалось только ждать сигнала от Гоши. Чтобы убить время, я начал собирать из имеющейся химпосуды самогонный аппарат.

Глава 15

Закрылась дверь за выходящим врачом, и у постели умирающего Николая остались только императрица и великий князь Георгий.

«Приехал, — думала императрица, — сразу приехал, как узнал о болезни брата. Сказал, что старец тоже знает и готов помочь. Но в этот раз придется вместе с Ники идти к нему... Зачем? За исцелением или гибелью? Ведь Георгий — наследник, а старец — его покровитель! Господи, спаси и сохрани рабов твоих Николая и Александрю...»

Великий князь осмотрел колесики, по его настоянию приделанные к кровати больного. Поднял глаза на императрицу:

— Пора. Горный старец ждет нас.

Только что кровать стояла вплотную к стене — и вдруг за ней оказалась странно обставленная небольшая комната. Георгий поднатужился и вкатил лежачего больного туда. Императрица, как сомнамбула, шагнула следом.

Горный старец поднялся от стола, где в нагромождении колб что-то булькало, и подошел к изголовью самодержца. Серый прямоугольник на стене вдруг ожил и оказался живой картиной. В углу взвыл и завертелся какой-то механизм.

Старец положил руки на голову больного, постоял так, потом поднял взгляд на Александрю:

— Он выздоровеет. Хотя вы — вы оба! — этого и не заслуживаете. Как он мог объедаться ананасами в Ливадии, когда его народ голодает? А что подумала ты про Георгия — единственного, кто захотел и смог вам помочь? Если бы не его просьбы, вас бы здесь не было.

Старец подал императрице пузырек с какой-то жидкостью и баночку с желтыми таблетками.

— Лекарство выпить сразу, как только больной придет в сознание. Таблетки есть по три штуки в день, пока не кончатся. А теперь оставьте меня.

Старец вернулся к химическому столу и, взяв оттуда пробирку с чем-то мутным, понюхал. На его лице проступило отвращение.

Императрица, увидев, что Николая уже укатали в его спальню, опрометью кинулась следом. Мгновение — и на месте прохода в обиталище старца снова была стена.

Николай пошевелился и открыл глаза. Александра метнулась к нему:

— Ники, любимый, ты пришел в себя?

— Лекарство, — напомнил Георгий.

— Да, Ники, выпей вот это. Подожди, я помогу тебе.

Больной выпил. Было видно, что ему стало лучше, он уже не казался умирающим. Великий князь отошел от кровати.

— Ну вот, все в порядке. Пожалуй, я пойду.

— Жорж, подождите! — Императрица шагнула к нему и вдруг упала на колени: — Умоляю, простите меня за те черные мысли!

— Да ладно, ваше величество, — улыбнулся Георгий, став вдруг чем-то неуловимо похожим на горного старца, — подумай, мысли. Я же понимаю, как вам было тяжело. Не берите в голову!

Александре показалось, будто он хочет что-то добавить, но цесаревич повернулся и вышел из спальни.

Когда гости с пациентом вышли, я выбросил пробирку с результатом перегонки дешевого портвейна — получившееся было даже гаже, чем исходный продукт. Сунул контактные линзы в контейнер, надел очки, снял пальто и, взяв растворитель, сел отклеивать бороду.

Следующим утром я навестил Гошу с Машей в Ливадии. Пока неофициально, то есть мы просто открыли портал в Гошины апартаменты. Там на них вдвоем с Машей было пять комнат, прислугу туда не пускали, так что никого мое появление не взволновало. Мне пересказали новости.

Николаю стало заметно лучше, но он пока лежит. Однако явно с подачи Алисы отдал распоряжение, что все Гошины желания, а тем более указания для obsługi и охраны, строго обязательны к исполнению. Гоша не замедлил тотчас отдать первое распоряжение: все это касается также и Маши.

Море теплое, народу никого на три километра в каждую сторону, Маша загорает, Гоша учится нырять с маской и ластами.

Алиса устроила врачу, что-то вякнувшему про шарлатанов, форменный скандал с истерикой.

Через полтора часа надо было идти, Алиса с Николаем пригласили Гошу с Машей на завтрак.

Витте здесь, но на публике не показывается.

Я сказал, что, раз уж меня на завтрак не звали, пусть принесут чего-нибудь сюда. А потом я опять отправлюсь в коттедж на Торбеевом озере — хочу посмотреть и послушать, что будет на этом самом завтраке. Маша удивилась — мы ей, как оказалось, не сообщили, что когда мы с Гошей

находимся в разных мирах, то можно просто смотреть на происходящее глазами друг друга. Высочество вышел распорядиться, чтобы мне подали завтрак.

Через час я полулежал в полудреме после сытной еды — самое удобное состояние для приема межмировой трансляции. Настроился, закрыл глаза...

— Здравствуй, Жорж, — приподнялся на постели Николай, — представь нам, пожалуйста, свою очаровательную спутницу.

— Госпожа Мария Александровна Островская — лучший пилот в мире, — тоном дворецкого заявил Гоша. — Для друзей — просто Маша. — Упомянутая поклонилась. — Маша, позволь представить тебе моего брата Ники, он тут у нас император. И его супругу Александру Федоровну, она императрица.

Оба величества изумились.

«Гоша, ты что? От разговора со мной еще не отошел?»

«Все учтено могучим ураганом, Маше не хочется обзывать их величествами, теперь не обратят внимания».

Первой сориентировалась императрица.

— Для друзей просто Аликс, — улыбнулась она.

Компания расселась за столик рядом с кроватью больного. Тот чувствовал себя немного не в своей тарелке — видимо, еще не выбрал линию поведения. А вот Алиса, похоже, уже выбрала.

— Маша, мы все восхищены вашими удивительными полетами, — сообщила она, — и гордимся, что их совершила русская. Вот только... позвольте дать вам несколько советов?

— Конечно, а то я здесь, как бы это сказать, новенькая.

— Вы тут вчера загорали на пляже... Не подумайте, я ни в коей мере это не осуждаю, но просто высший свет и загар — вещи не совсем совместимые, так считают.

— Аликс, я же пилот. А у пилотов на лице всегда должен быть загар.

— Потому что они там, в вышине, ближе к солнцу? — блеснула эрудицией Алиса.

— Типа того, — не полезла в дискуссию Маша. — Так вот, мне кажется, и Георгий тоже так считает. — Николай заморгал. — Что если лицо одного цвета, а тело другого — это некрасиво. А кроме того, вы представляете, я недавно беседовала с горным старцем. — Оба величества замерли. — И он мне сказал, что загар очень полезен для здоровья! Так что высшему свету придется или изменить свое мнение, или обойтись без меня.

— Э-э-э... Маша, — Николай с трудом подбирая слова, — вы часто встречаетесь со старцем?

— Довольно редко, — опустила глаза Маша, — прадедушка всегда очень занят.

В наступившей тишине громко звякнула выпавшая из руки Алисы вилка.

— Так, значит, тогда инженер Найденев... — через минуту смогла выдать императрица, — тоже... его родственник?

— Дядя Жора — внук. Любимый внук и ученик.

— Скажите, Маша, — заинтересовался Николай, — а горный старец, он очень строг?

— У-у, — развеселилась племянница, — еще как! Чуть что не так — сразу палкой поперек хребта!

«Гоша, пни ее, заразу, пока еще чего похлеще не наболтала!»

«А по-моему, все в порядке!»

Но, видимо, Гоша все же решил несколько уменьшить напряженность:

— А вот я этого не заметил. Мы, правда, со старцем виделись мало, но он всегда был очень добр ко мне.

— Вы этого заслуживаете, Жорж, — вздохнула Алиса. — И как вы думаете, почему господин Найденев не приехал сюда с вами?

— У него много дел на заводе, да и потом, он же вам не представлен и его никто не звал.

— Но мы ничего не знали, — сказал Николай. — Я могу сегодня же послать ему приглашение посетить Ливадию.

— Лучше это приглашение передам ему я, так будет быстрее, — предложил Гоша.

— Значит, через несколько дней он сможет приехать?

— Наверное, сможет, и даже скорее — поезд от Георгиевска идет сутки с небольшим, так что, если его ничего не задержит, он будет тут завтра к обеду.

Гоша сделал задумчиво-возвышенное выражение лица и, помолчав пару минут, выдал:

— Я воззвал к горному старцу и сообщил ему о вашем желании видеть его внука. Старец согласился, что это нужно, и передал господину Найденеву, чтобы тот немедленно ехал в Крым.

Алиса икнула.

— Ну прямо офигение в Тавриде, — шепнула Маша на ухо высочеству.

— Наверное, надо срочно выделить ему соответствующие

апартаменты, — забеспокоился Николай.

— Не волнуйся, Ники, Георгий Андреевич совершенно не обращает внимания на такие мелочи, так что пусть он просто поселится у нас.

— Жорж, подскажите, какие у господина Найденова любимые блюда, надо предупредить повара, — очнулась Алиса.

— Селедка с шампанским, — улыбнулся Гоша.

«Высочество, кончай хохмить над старшими! А то скажу, что тебе неделю ничего, кроме огурцов с молоком, нельзя, типа диета от старца».

Конец завтрака получился скомканным, видимо, слишком много информации зараз свалилось на головы их величеств.

Когда Гоша с Машей направились к морю, я уточнил:

«Ну значит, завтра днем выезжаешь встречать меня. Только в каком-нибудь закрытом шарабане, прямо туда портал и откроем. Заодно в карете прокачусь, до сих пор как-то не удосужился, а то потом их и не будет».

«Мотоцикл не возьмешь?»

«Можно, пригодится. Тогда выбери место, по дороге остановишься, отойдешь в сторонку, и откроем портал. И чтоб там было где обогнать вас, а потом попасться навстречу».

Ливадия оказалась неплохим местом. Главное — малолюдным. Дворец стоял примерно в полукилometре от моря, почти на вершине не то холма, не то горы. Я прокатился к морю. Туда-то «мотоцикл» георгиевского производства прошел нормально, а вот обратно я еле влез — сказало отсутствие коробки передач. Для хоть сколько-нибудь гористой местности эта модель не годилась.

Вечером состоялся визит к Николаю. Император уже встал, и лишь некоторая изможденность облика и экономные движения говорили о недавней тяжелой болезни. После представления я вручил подарки — ватермановский письменный набор Николаю и складной китайский зонтик Алисе. Он, кстати, произвел более сильное впечатление.

Николай сразу предложил общаться без чинов.

— Георгий Андреевич, прошу к столу, вот ваша любимая сельдь. И передайте при случае мою глубочайшую признательность вашему деду. В редкие минуты просветления я думал, что мой жизненный путь здесь и закончится.

— Не вы одни, — кивнул я, — но у горного старца было на этот счет свое мнение. Естественно, именно оно и оказалось правильным. А вашу благодарность я в ближайшее же время передам.

— Кстати, я видел, с какой огромной скоростью вы пронеслись на своем мотоцикле мимо дворца. Это не опасно?

— Если умеешь ездить — нисколько. Да и скорость была не очень велика, пятьдесят километров в час. Не хотите попробовать?

— После окончательного выздоровления было бы неплохо... — заинтересовался Николай.

— Ники! — встрепенулась Алиса и укоризненно посмотрела на меня. — Это господин Найденов умеет летать и ездить на чем угодно, но ты ведь можешь разбиться!

— Ну что же вы так, Александра Федоровна, не доверяете способностям своего мужа. Прекрасно он научится. Я подготовлю для него специальный образец, более совершенный и безопасный. — Еще один китайский мопед придется избавлять от всего лишнего. — И кстати, зря вы думаете, что я умею ездить на чем угодно. На лошади, например, вот совершенно не умею. Как-то не доводилось.

— О, у нас тут неплохая конюшня, — оживился Николай. — И если вас это интересует, могу лично дать несколько уроков.

Я уже давно собирался хоть слегка научиться пользоваться четвероногим транспортом, так что с благодарностью принял предложение. Вообще было заметно, что императорская чета рада была любому повороту разговора в сторону от горного старца, — видимо, эта тема вызывала у них слишком сильные эмоции. И вообще удачно Николай влез с лошадьми — ученика трудно считать потусторонним существом, очень неплохо будет очеловечить мой, так сказать, образ.

— Кстати, если хотите, для прогулок по морю можно построить небольшой моторный катер. Он сможет развивать скорость до сорока узлов.

— Очень интересно, — воодушевился Николай. — А насколько он будет небольшим?

— Тонны две-три водоизмещением. Ну может, пять... — прикинул я.

Ничего особенного в моем предложении не было — я имел в виду аэроглиссер-катамаран. Два наших мотора-четверки с запасом обеспечат необходимую тягу.

Еще я обратил внимание — дворец не телефонизирован, и сообщил императору, что наш завод уже приступил к выпуску необходимого оборудования. Эта идея больше заинтересовала Алису. Выслушав мои подробные объяснения, что телефоны нашего производства существенно превосходят изделия господина Белла, она прониклась идеей. «Видимо, способность часами висеть на трубке заложена в женщин изначально», — подумал я.

Потом наступил перекур. Николай предложил мне попробовать его «Лаферм», я в ответ достал портсигар с сигаретами «Союз — Аполлон» и

предложил ему.

— Делаются специально для меня, — пояснил я. Закурили. Обоим чужое не понравилось, но опять же оба были воспитанными людьми и промолчали. После перекура разговор перешел на общественное мнение в вопросах моды.

— Знаете, Маша, — призналась Алиса, — я бы, может быть, тоже попробовала надеть купальный костюм, разумеется, не такой смелый, как у вас, но увы. Среди придворных дам сразу начнутся такие пересуды...

— Простите, Александра Федоровна, — встрял я, — но неужели в Сибири мало места? — Ее величество с удивлением посмотрела на меня, а я продолжил развитие своей мысли: — Ну вот представьте себе. Вы, императрица, соизволили посчитать какое-то явление модным. Значит, на сегодняшний день именно оно самое модное и есть! И при чем тут мнение каких-то придворных шмакодявок? А если они позволяют себе его иметь, да к тому же отличное от вашего, то какие они тогда придворные? В Сибирь! И пусть там обсуждают что хотят. С чукчами.

Алиса победно посмотрела на мужа, видно, между ними уже были подобные разговоры.

— Если бы все было так просто... — вздохнул Николай.

— Уверяю вас, Николай Александрович, — я пристально посмотрел на императора, — ничего особенно сложного тут нет. Достаточно всего лишь твердо решить поступать именно так. Кстати, один мой знакомый, английский физик Мерфи, как-то сказал: «Жизнь далеко не так проста, как вам кажется. Она гораздо проще!»

Глава 16

Ранним утром конца сентября из ворот ангара был выкачен первый в Гошином мире боевой самолет «Тузик». Кажется, мы успеваем хоть как-то испытать его до начала настоящей осени, все-таки на совершенно новом самолете летать лучше, когда погода хорошая, потому как все остальное может быть плохо и само по себе. Не ухмыляйтесь, самолет был в какой-то мере новым не только для того времени — и в нашем мире схема подкосного высокоплана в военной авиации почему-то не получила распространения. Разумеется, у нее есть недостатки. Лобовое сопротивление достаточно высокое, почти как у биплана. Прочность крыла при равном весе чуть меньше, чем у того же, будь он неладен, биплана. Но при всем этом такой самолет имеет одно достоинство — простоту. Узел крепления крыла не то что прост — он примитивен. Это обеспечивает не только технологичность производства, но и удобство сборки-разборки в полевых и прочих неудобных условиях. К примеру, чтобы присоединить к самолету крылья, в данный момент потребовались четверо механиков и пять минут времени.

Я лично проверил тросы и тяги управления, влез в кабину (все-таки удалось сделать этот процесс не совсем геморройным), покачал ручкой, педалями, затем дал команду на запуск движка и прогрел его. Сначала — рулежка в дальний конец аэродрома. Не очень удобно, карбюратор верхней пары цилиндров торчит как раз там, куда надо смотреть, приходится выворачивать голову. Ладно, потом попробуем поправить. Подлет. Вроде все нормально. Подлет чуть повыше и посадка на три точки. Что за ерунда — «козел»^[9]!

Не сильный, но шасси надо проверить. После перекура и проверки шасси повторяю операцию — на сей раз «козла» удалось избежать, но вообще это не дело, пожалуй, придется вводить какое-то демпфирование в шасси. Наконец нормальный полет. Блин, как же приятно лететь на человеческом самолете после этих ублюдочных «Святогоров»! Ручку от себя, разгон, горка, вираж... Все, для первого полета достаточно. Сажусь, снова получается небольшое подпрыгивание. Глушу мотор.

— Ну как? — с надеждой спросил подбежавший Гоша.

— Летает неплохо, а вот садится, мягко говоря, так себе. Вроде все по расчетам, но почему-то при посадке получается недостаточный угол, надо костыль укорачивать. И резинки-амортизаторы снабдить демпферами, а то

скачет, гад. Как, интересно, без них вообще обходились?

— Дядя, а мне полетать?

— Брысь! Сказал же — после первого полета полная проверка с частичной разборкой. Катите его в сарай, да и парашют тоже туда захватите. Гоша, можно снимать оцепление аэродрома.

До вечера я успел приделать к шасси демпферы примерно как у первых «Макак» — два рычага с муфтой трения между ними. Костыль был спилен почти под корень, несмотря на возражения Гольденберга. Он утверждал, что при возросшем в результате этого угле атаки возможен срыв потока.

Несколько совершенных на следующий день обычных полетов не выявили никаких дополнительных косяков. Настало время испытать главное, для чего создавался этот самолет, — пикирование.

Набираю три километра высоты, закладываю вираж для создания положительной перегрузки, прибираю газ, прицеливаюсь носом в ясно видимое «Т»... Смотрю скорость: 140, 160, 200... Пора выводить. Навалилась перегрузка. Эх, где мои семнадцать лет... В глазах потемнело до того, что я уже просто ничего не видел. Сердце застучало с перебоями. И в довершение всего где-то в хвосте началась вибрация — сначала небольшая, но она с каждым мгновением усиливалась, собака. Я бы покрылся холодным потом, если бы успел, но в этот момент организм решил потерять сознание.

В себя я пришел, похоже, через пару секунд. Самолет уже почти выровнялся, движок чихал на холостом ходу, и только встречный поток не давал ему заглохнуть. Ватной рукой я подвинул сектор газа и начал с величайшей осторожностью заходить на посадку.

Подбежавшие зрители начали было поздравлять меня, но восторги как-то подозрительно быстро утикли. Я попытался вылезти из кабины — и не смог. Кое-как меня вытащили оттуда и поставили вертикально. Маша подала мне зеркальце. Я глянул — ну и ну! Глаза красные, под ними синяки, вся рожа в отеках...

— Самолет в ангар, — сказал я, — сегодня полетов больше не будет. Квадр сюда и через час казачонка ко мне в кабинет.

Через час я более или менее пришел в себя, но внешность по-прежнему больше подходила для исполнения роли вампира или, на худой конец, потомственного алкоголика. Чтобы не смущать казачонка, я вместо обычных очков надел зеркальные. В результате полразговора он только на них и пялился.

— Значит, так, Михаил, — начал я, — это, как ты понимаешь, самолет

совершенно не такой, не «Святогор». Тот может летать только горизонтально.

— Я видел, как может новый! — не смог сдержать восторг казачонок. — Вы меня позвали, чтобы я тоже на нем полетал? — Тут он испуганно замолк — а вдруг ошибся?

— Да, — вздохнул я. — Но прежде чем согласиться...

— Урр-ра-а-а!!! — завопил ефрейтор.

— Не ори!

— Извините, господин Найденев...

— Слушай дальше. Просто летать мало. Надо научиться пикировать — это то, что я делал час назад. А самолет не испытан — у меня вот началась какая-то тряска. Поэтому сначала Маша научит тебя пользоваться парашютом. Учти, это очень опасно...

Зря я это сказал. Казачонок надулся и сообщил, что он готов помереть во славу отечества хоть сейчас.

— Ладно. Тогда так: тот «Тузик», что уже готов, он одноместный. Двухместного ждать еще неделю. Попробуй сразу подняться один, я объясню особенности. И без фокусов! Увидишь, что не получается, сразу скажи. Завтра с утра начнем, а сейчас дуй к Маше на инструктаж.

Проверка самолета не выявила никаких неисправностей. Вопрос, что тряслось, оставался открытым. На душе у меня скребли кошки. Тут еще Маша явилась с предложением попробовать как-то со «Святогора» организовать Мишке хоть один учебный прыжок...

— Ну ты головой же думай! — вздохнул я. — Даже если он непонятно как и поместится там с парашютом, то куда ему прыгать? Сзади винт. Вперед, с разбега, рыбкой?

Следующим утром самолет снова был на аэродроме. Мишка залез в кабину, качнул рулями и элеронами, дал команду на запуск. Сначала рулежка. Я внимательно наблюдал — так, поднял хвост... держит ровно, молодец... слегка дает газ, самолет уже еле чиркает колесами по траве... прибирает газ, опускает хвост. Нормально.

После рулежки и подлетов я решил выпускать его самостоятельно.

— Набираешь триста метров, летишь до леса, над ним разворачиваешься и садишься. Крен не больше тридцати градусов. Ясно?

— Ясно!

— Отдохнуть перед полетом не хочешь?

Казачонок одарил меня взглядом, в котором ясно читалось глубокое соболезнование моему возрасту.

— Ладно, лети.

Через неделю ни один из двухместных «Тузиков» так и не был готов, а вот ефрейтор, как ни странно, освоил совершенно новый для него самолет. Правда, летал он самозабвенно, по шесть-семь вылетов в сутки. На третий день он освоил глубокие виражи и горки. На пятый с третьей попытки смог изобразить боевой разворот, от которого он самостоятельно дошел до мертвой петли, что и продемонстрировал над аэродромом. «Во, блин, у нас уже свои воздушные хулиганы появились», — прокомментировала Маша. Пора было выпускать его на пикирование...

— Слушай сюда, Миша. От тебя сейчас требуется точность и аккуратность. Надо понять, что и почему вибрирует в хвосте. Начинаешь с угла сорок пять градусов, пикируешь три секунды, выходишь. Потом пятьдесят точно так же и далее через пять. В одном полете — четыре пикирования. Потом садишься, самолет проверяется, и дальше. Если скорость превысит двести, выводишь сразу, не ждешь трех секунд. Если начнутся вибрации и ты не успеешь увидеть где, все равно немедленно садись. Вопросы?

— Все ясно! — браво вытянулся ефрейтор. — Разрешите лететь?

— Разрешаю.

Мишка ловко впрыгнул в кабину, поправил зеркала, которые я привинтил к бортам для удобства наблюдения за хвостом... Через минуту первый летчик-испытатель Российской империи ушел в свой первый испытательный полет.

Поначалу ничего криминального не было. Мишка дисциплинированно набирал три километра высоты, пикировал под определенным углом, снова забирался вверх, снова пикировал... И опять наземный осмотр ничего не дал. Во втором полете ефрейтор после второго пике не стал набирать высоту, а пошел на посадку.

— Оно затряслось, но я ничего не успел увидеть, — виновато сказал казачонок. — Как раз на двухстах началось и почти сразу кончилось... Можно мне чуть побольше разогнаться? Тогда точно рассмотрю!

«Или убьешься», — мрачно подумал я.

Осмотр снова ничего не дал. Ну что мне было делать?

— Летишь, пикируешь с углом семьдесят. Разрешаю задержаться в пике на лишнюю секунду. Давай.

И снова Мишка кругами набирал высоту. Вот еле заметный с земли крестик самолета свалился на крыло и с нарастающим воем помчался вниз...

«И-раз, и-два, и-три, и-четыре», — считал про себя я. Ну как он там? Выходит? Выходит!!!

У Мишки не хватило терпения дождаться конца пробега — он выключил двигатель и, привстав в кабине еще катящегося по инерции самолета, радостно заорал:

— Видел! Я все видел! Я все сейчас расскажу!

Я подбежал к самолету. Выскочивший из кабины испытатель азартно завопил:

— Весь фюзеляж вертелся! Вот здесь начиналось, а вон там было уже о-го-го! И хвост вот так... — Он показал руками как.

По его словам получалось, что задняя часть фюзеляжа входила в крутильный резонанс. Но ведь рассчитывали же его на жесткость! Хотя были у меня смутные подозрения насчет шпангоутов... Под этим заграничным псевдонимом прятался всего лишь прямоугольник из четырех сосновых реек с диагональной вставкой — такая же рейка, пятая. Я еще подумал, что интуитивно мне бы здесь гораздо больше понравился крест, но Миронов утверждал, что все просчитано. Я пошел в КБ.

— Расчет крутильной жесткости фюзеляжа дайте-ка мне, — попросил я буквально с порога. Мне дали. По мере вникания в цифры я медленно, но верно зверел и под конец этого процесса со всей возможной вежливостью осведомился: — Саша, ты откуда вот эту циферку взял?!

— Из справочника, модуль упругости сосны на сжатие... — пробормотал растерявшийся Миронов.

— Да? А что эта доска гораздо раньше изогнется, чем начнет сжиматься, ты подумал? — Я схватил со стола линейку и сжал ее с торцов. Естественно, она выгнулась дугой. — Вот такой эксперимент трудно было произвести? В общем, так: садитесь и считайте, что получится, если диагональные рейки заменить косыми крестами. Хоть теперь сможете это по-людски сделать или опять за вами подтирать придется?

С усилением шпангоутов справились за день, и опять Мишка полетел пикировать. Раз за разом он снова набирал высоту — значит, все в порядке. Под конец угол дошел до девяноста градусов — нареканий не было. Испытания на этом заканчивались. Правда, осталось еще неопробованным устройство для вывода бомбы за пределы винта, но оно еще и не было готово. Зато подоспели два двухместных учебных «Тузика». Я наконец смог слетать с казачонком, оценить его технику. Все было нормально, только после «Святогора» Мишка при любом движении ручки вперед прибирал газ, что здесь было необязательно, и излишне осторожничал в кренах. Я даже почувствовал нечто вроде гордости — до чего у меня вредная этажерка получилась! Прирожденный пилот из тех, что встречаются один на тысячу, — а Мишка безусловно им был — и то не

может сразу избавиться от приобретенных на ней некорректных навыков.

Дальше пошли полеты с грузом, и здесь реальная картина практически не отличалась от расчетной. Имея на борту полтора ста килограмм песка, «Тузик» мог долететь до Тулы, сделать над ней круг и вернуться на аэродром. Кстати, полеты над населенными местами производились на высоте не ниже двух километров — из соображений, чтоб кто не надо разглядел поменьше лишнего.

Я посчитал, что настало время раздачи слонов. За выдающиеся успехи (в приказе эта фраза была растянута на полстраницы) авиатору Михаилу Ефимовичу Полозову присваивалось внеочередное звание сержант и выдавалась премия в пять тысяч рублей. Лично от себя я подарил ему мотоцикл. Теперь бывший ефрейтор шастал в парадном мундире, по пышности напоминающем дембельский прикид времен моей юности, то есть везде эполеты, аксельбанты и прочая хрень. Следовало задуматься о специальных авиационных значках и медалях.

Гоша тоже довольно быстро освоил новую технику, просто потому, что почти не летал на «Святогорах». Один из «Тузиков» оснастили девятьсот двенадцатым «Ротаксом». Теперь это был личный аэроплан главнокомандующего Императорским военно-воздушным флотом. Этот самолет уже мог пролететь без посадки до тысячи километров, а с дополнительным баком вместо пассажира — и больше. Впрочем, летал он мало, потому что и бензин, и масло для него приходилось таскать через портал. Но второй химзавод уже получил лабораторную партию тетраэтилсвинца, и до промышленного производства этого антидетонатора оставалось немного.

Пора было думать о расширении имеющейся летной школы, где народ будет учиться на «Святогорах», и о создании новой, где будут уже настоящие самолеты. Эта должна находиться подальше от столиц, но в то же время не очень далеко от железной дороги и большого водоема; мы с Гошей рассматривали окрестности Царицына.

— Я припоминаю, наш свежеиспеченный сержант родом как раз оттуда, — предположил Гоша и послал вестового за Мишкой. Вскоре под окнами послышался треск мотоцикла, и искомый казачонок возник в дверях.

— Проходи, садись, чаю будешь? — сразу сбил его с парадного настроения Гоша. — И кстати, откуда ты родом?

— Из Иловли, ваше высочество, это в восьмидесяти верстах от Царицына.

— В отпуск не хочешь съездить? — осведомился я.

— Я что, плохо летаю? — забеспокоился Мишка.

— Наоборот, очень хорошо. Вот я себе представляю такую картину: геройский авиатор Полозов приехал на побывку в родные края. В мундире, с медалями... надо, кстати, срочно вручить пяток, на мотоцикле... — Казачонок начал на глазах надуваться от гордости. — С бумагами за личной подписью августейшего атамана всех Казачьих войск... — «Сбавь обороты, а то он сейчас лопнет», — шепнул Гоша, а я продолжал: — Как ты думаешь, это произведет впечатление?

— Думаю, произведет, — солидно сказал геройский авиатор, но не выдержал тона: — Ух! Да мне вся Иловля завидовать будет!

— Вот и замечательно. Ты в процессе отпуска распиши знакомым и незнакомым прелести службы в авиации. И присмотришь к своим сверстникам, кого можно к нам пригласить? Главное, чтобы хотели учиться. И в личный казачий авиаотряд его высочества попасть. И между делом, если будет время, съезди, приглядишься к левому берегу Волги, где там можно летную школу строить. Примерно уже представляешь, что для этого надо. Большую школу, на пару сотен курсантов.

Глава 17

Решение об организации нового летного центра сразу потянуло за собой много проблем, главной из которых были горюче-смазочные материалы. Пока у нас летало несколько «Святогоров», вполне обходились покупкой трех — пяти бочек бензина в месяц, но теперь стало ясно, что без собственной нефти нам дальше никак нельзя. Вопрос, где брать, решил быстро — в Грозном. «До покупки Баку мы еще не доросли», — с сожалением констатировал Гоша. «Да и нефть там похуже», — согласился я. Оставался вопрос — как брать. Оказалось, что я прилично недооценивал высочество.

— Я тут прикинул, — сказал мне Гоша, — и вижу, что затевать нефтедобычу на каком-то незанятом месте мало того что дорого, так еще и довольно долго. К весне точно не успеем, значит, надо присосаться к чему-то готовому. Можно в принципе войти в долю.

— Нельзя, — сказал я. — Это нефть, а не фанера. Если возникнут разногласия с компаньоном...

— Вот-вот, и я тоже так думаю. Самым крупным и технически оснащенным нефтекомплексом в Грозном является компания Ахвердова. Но тут вот в чем дело: выкупить ее за реальную стоимость — это не меньше четырех миллионов, мы не можем. Нет у нас таких свободных средств. Так что, несмотря на возможные возражения с твоей стороны, я вынужден предложить не совсем этичные методы.

— Замочить все руководство и по подложному завещанию приобрести имущество? — с интересом спросил я.

— Как говорил один весьма неглупый человек, «Киса, я чту уголовный кодекс». У Ахвердова сейчас не то чтобы серьезные финансовые трудности, но недостаток оборотных средств ощущается. Мы с Машей уже прикинули, как это усугубить...

— Вот те раз, и чего же здесь неэтичного? — изумился я. — Вы же потом этого предпринимателя не без штанов оставите! И потом, вы в своем плане твое положение учли?

— Какое отношение оно имеет к нефтедобыче?

— Блин, да самое непосредственное. Является к какому-то средней паршивости заводчику сам великий князь, атаман и наследник престола и чисто по-атамански говорит: нравится мне твой прииск... а нефтезавод там есть? Вот, значит, и нефтезавод тоже. И перед тобой, уважаемый, два пути.

Или продать мне все это за весьма символическую сумму, а в обмен получить мою полную поддержку в любых начинаниях, не идущих поперек моих интересов, для умного человека тут открываются такие возможности... Или упереться рогом в землю, ненадолго. Потому что надолго не получится. Вот только не знаю, нужно перед этим его финансовые трудности усугубить, и если да, то до какой степени.

— Это надо сначала лично о нем справки навести. Значит, пусть СБ срочно займется.

— Сделаем, — пометил я в склерознике. — И надо заранее где-то железнодорожные цистерны надыбать, а то вон к нам бензин приходил в бочках.

— Это я уже думал, — кивнул Гоша. — Но все же, возвращаясь назад, хотелось уточнить твои позиции. Ты считаешь, что нефтекомплекс должен стать полностью моим или допустимо участие старых владельцев в качестве акционеров?

— Может, мое мнение и неправильное, не экономист я, но мне кажется так. Участие в прибылях вполне даже допустимо. Участие в принятии стратегических решений — нет. Есть же какие-то акции, чьи владельцы не имеют права голоса? Вот их им и надо впарить.

— Прибыли-то будут хорошие, — заметил Гоша. — Поставка авиабензина казне да плюс еще ты мотоциклы уже почти до серии довел, а там и до автомобилей недалеко. Ты не думай, мне не жалко... я им, пожалуй, в качестве компенсации это и предложу. Правда, тут сразу Нобели со своей бакинской нефтью полезут конкурировать...

— А мы с Густавом так подберем степень сжатия движков, поставляемых армии и флоту, чтобы они на бакинском бензине детонировали, а на нашем — нет, — предложил я. — Ну а уж визг поднять о поставке недоброкачественной продукции — это дело техники.

— Ладно, кроме нефти есть еще один вопрос. Я, когда в последний раз был в твоём мире, много чего про технику скачал из Интернета и теперь читаю. Вот нашел очень интересный материал. — Гоша протянул мне флешку. — Вечером почитай, мне интересно твоё мнение.

Вечером я почитал. Потом не поверил своим глазам и перечитал еще раз. После этого я некоторое время сидел и тупо соображал — что лучше, выдрать остатки волос на своей пустой башке или сразу начать колотиться ею о стену?

Представьте себе, что вы инженер по ремонту подвижного состава в каком-нибудь московском депо. Сможете ли вы, если вдруг понадобится, построить на собственные средства небольшую подводную лодку —

минный заградитель? Это при том, что в Интернете полно соответствующих материалов, достать движки — совершенно не проблема, и сварочные аппараты продаются на каждом хозяйственном рынке. И чтоб эта лодка нормально плавала, хотя бы по Москве-реке, исправно доныривала до дна и оставляла там метровые железные шары? Не факт, что такое у вас получится, далеко не факт.

Железнодорожный техник Михаил Налетов сделал это в 1904 году. За восемь месяцев, причем в... осажденном Порт-Артуре!

Я ведь довольно обстоятельно интересовался историей техники — и не слышал о нем ничего. Да почему же именами каких только козлов не называют улицы и города, памятники ставят иногда таким уродам, а тут...

Дальнейшее чтение меня совсем расстроило. Налетов таки сумел пробить проект и довести дело до постройки минного заградителя «Краб». Но его кинули с вознаграждением, потом объявили, что разработанные им мины нулевой плавучести вовсе не его и под конец отстранили от доводки лодки. Я с мстительным удовольствием выписал имена всех причастных к этому свинству. Не будем ждать, пока им представится практическая возможность нагадить. Уже сейчас нетрудно сделать их жизнь весьма насыщенной — всякими неприятностями, разумеется, — а ее конец перенести на поближе и оформить с фантазией. Вот пусть на этом наш шестой отдел СБ и потренируется, с пользой для человечества.

Утром я не утерпел и заявился к Гоше на завтрак, что делал редко из-за своей совиной сущности.

— Он правда гений или я чего-то не понимаю? — поприветствовал меня Гоша. — А то как-то непонятно, почему о нем почти ничего не известно. О Можайском вон всего сколько...

— Похоже, да. Надо срочно его разыскать. Скорее всего, он сейчас в Дальнем.

— Найдем. А что он у нас строить будет — все те же минзаги?

— Вопрос «что» зависит от ответа на другой — «где». В Питере от английских и французских агентов не продохнуть. В Николаеве немцы сидят давно и прочно, маскируясь под бельгийцев. Во Владике японских шпионов едва ли не больше, чем русских моряков.

— Думаешь, в Царицыне или Георгиевске? А зачем оно нам нужно на Каспии?

— Есть такая вещь, чугушкой называется. Последнее время ее стали именовать железной дорогой.

— И по ней перевозить подводные лодки?!

— Был прецедент во время Второй мировой — проект «Малютка». В

почти собранном виде они перевозились по ЖД и оказались довольно эффективны, между прочим. Так что срочно надо разыскать этого Налетова и позвать сюда. Тут дело, мне кажется, настолько важное — я даже подумываю сам к нему съездить.

— Жора, ну ты что — это месяц как минимум, когда и здесь дел невпроворот. Я думаю, что мое официальное приглашение, подкрепленное соответствующей суммой, сработает не хуже. Ты, кстати, заметил, что он даже свою учебу не закончил, так как надо было кормить мать и брата?

— Да уж такое трудно не заметить. В общем, пишем письмо вместе. Думаю, про меня он тоже слышал.

Гоша достал свой фирменный бланк с титулами, взял паркер и начал быстро писать. Потом подвинул бумагу мне:

— От себя добавь, что считаешь нужным.

Еще до обеда шестой отдел получил это письмо с наказом — сверхсрочно найти адресата и вручить. О результатах немедленно телеграфировать. А мы с высочеством продолжили обсуждение вопроса «где».

— Я бы все-таки предпочел Владивосток, — заявил Гоша. — В любом случае там нужен нормальный судоремонтный завод, это ясно.

— Где деньги, Зин? На паршивый нефтепромысел и то не хватает.

— Во-первых, на завод надо меньше. И частями. Кстати, которое по счету тебе приглашение пришло устроить авиашоу в Штатах? Не отвечай им пока ничего.

— Хочешь по возможности оставить биржевые колебания на том уровне, как они у нас были?

— Разумеется, пока отличия несущественные. А там скоро нечто вроде небольшой лихорадки приключится, если не прощелкаем, на три завода хватит.

— Если деньги будут, я тоже за Владик. Неподалеку построить городок, обнести колючей проволокой, вход только через КПП строго по пропускам... — размечтался я. — Желтых на работу не брать. О любых контактах с ними жители обязаны будут немедленно доложить в шестой отдел.

— Ты серьезно?

— Вполне, иначе японцы обо всем происходящем там будут знать лучше тебя. А тут при приеме на работу пусть каждый подписывает бумагу, что с режимом секретности ознакомлен и с санкциями за его нарушение тоже. Придется еще асфальтовый заводик построить... Хотя что это я, там же море рядом.

— Думаешь, найдутся желающие?

— Если платить втрое против обычного, предоставлять жилье, питание и возможность карьерного роста, то почему бы и нет?

— Так, завод, база морской авиации, мастерские... — Гоша стал черкать в своем блокноте. — У тебя в компе спутниковые карты этих территорий есть? Место надо поискать.

— А чего его искать? До нас нашли и назвали Находкой. Кстати, надо циркуль взять и на карте обвести кружок соответствующего радиуса, что это, дескать, твои земли. Думаю, Николай не откажет в такой мелочи. А легенда на первое время — это мы там твою загородную резиденцию строим.

— Значит, разрабатывать и делать по узлам где-то здесь, в Георгиевске...

— Ну да, торпеды же все равно тут надо собирать. Так что недалеко, на Оке, придется еще судостроительный заводик начинать возводить. Тоже с режимом секретности. Ему на оборудование наспекулируете в Штатах? Чтобы там станки и купить.

— Вот когда наспекулируем, тогда и поделим шкуру. А мне пока просто интересно: приехал к нам, предположим, техник Налетов, ты, значит, ему сразу говоришь — надо сконструировать подводный минзаг! А что это такое, спрашивает техник... Тринклера ведь мы нашли якобы как автора перспективного двигателя.

— Я ему скажу примерно так. У нас, дорогой Михаил Петрович, есть своя система поиска талантливых людей. Про ее детали не спрашивайте, потому что кроме нее у нас есть еще система сохранения секретов. И чем бы вы хотели заняться, учитывая, что через несколько лет может разразиться серьезная война на Дальнем Востоке?

— Все-таки ты считаешь ее неизбежной, — помрачнел Гоша.

— Я считаю ее вероятной, а раз так, готовиться надо именно как к неизбежной, иначе придет толстый полярный зверь. И потом, Николай вот слегка прижал Безобразова, с нашей подачи. Последнюю новость хочешь? Сандро^[10], гад, там теперь заправляет! Только что кредит получил. Вот, мне шестой отдел раскопал, ознакомься. И Витте на словах против обострения отношений с Японией, а сам не только всячески способствует развитию Дальнего, но и имеет там свой интерес.

— Да, я был о Сандро лучшего мнения... Неужели он не понимает последствий?

— Боюсь, что прекрасно понимает. Ведь посмотри, что было в нашей истории. Он не высовывался, на виду был Безобразов. Потом Сандро якобы

возмутился этой бездумной экспансией и отошел в сторонку. И чем же он, по-твоему, занялся? Начал свое крымское поместье расширять! Миллиона этак на два. Откуда с реки Ялу можно было наворовать такие деньги?

— Так ты считаешь...

— Да, я считаю, что он их не воровал. Ему дали те, кто заинтересован в Русско-японской войне. Тут мы просто слегка ему игру подпортили, и он вынужден действовать не так скрытно. Да, извини, мне пора — я на одиннадцать Тринклера к себе позвал.

С Густавом надо было кое-что уточнить по доводке нашего самого мощного двухтактника, восьмицилиндрового Т-4. Но главное — пора было уже ориентировать его на четырехтактные движки.

— Георгий Андреевич, я уже подумал на эту тему, — сразу начал Густав. — И, как мне ни хотелось бы применить верхневальную схему газораспределения, кажется, лучше этого не делать.

— Ну-ка подробнее, — заинтересовался я.

— У нас проблема с точными станками и людьми, которые могут на них работать. Я пока не очень себе представляю, как мы и один-то распредвал сделаем. А уж потребуются их пять-шесть на мотор... Потом, такая схема дает преимущества только на высоких оборотах. Значит, необходим редуктор. Линейный нехорошо, планетарный в смысле технологичности даже хуже распредвала. Кроме сложностей в изготовлении это еще и вес. Лучше уж сделать низкооборотный движок большого объема, а привод коромысел клапанов снизу штангами. И вот я еще насчет чего с вами хотел посоветоваться... Вы говорили, что двухтактные двигатели — это тупик. По трем причинам: картер является частью механизма распределения, значит, неизбежны трудности с многоцилиндровыми моделями, смазка растворенным в топливе маслом и вылетание части несгоревшей смеси в трубу. Так?

— Так. И что?

— Два из этих недостатков можно исключить, а третий уменьшить. Вот, смотрите... — Он разложил эскиз. — Имеем две форсунки, воздушную и топливную. Когда поршень в нижней точке, включается воздушная. Это продувка. Поршень пошел вверх, форсунка закрылась. Это сжатие. В конце хода поршня включается топливная форсунка. Это впуск. Топливо — керосин или нефть, только не бензин. В верхней точке — воспламенение от сжатия, для облегчения этого тут калильная свеча. Дальше — поршень идет вниз, рабочий ход. В конце рабочего хода открываются выпускные окна цилиндра. Так как перепускных нет, выпускные могут быть гораздо ниже, но по всей округности, что

уменьшит выброс несгоревшей смеси. Как вам такой мотор?

— Значит, в темпе соображаете, сколько денег и времени нужно для постройки одноцилиндровой модели большого объема, литров на десять — двадцать, если получится. И как можно быстрее строите. Найдите себе помощников, конкурс можно среди студентов объявить... Мне это представляется очень перспективным, но работы по авиационному четырехтактнику тоже тормозить нельзя. Да, ваш новый двухтактник, мне кажется, должен иметь вот такую промежуточную конструкцию между шатуном и поршнем. — Я быстро набросал крейцкопфную схему.

— Да, мне тоже так кажется, — улыбнулся Тринклер и развернул второй эскиз, где было изображено то же самое.

«Вот ведь как удачно получилось, — думал я. — Теперь проблема судового дизеля упрется только в станки и квалифицированную рабочую силу. Станки купим. Силу... Тоже надо купить. Во-первых, у Нобелей в Питере должно быть какое-то количество рабочих соответствующей квалификации — надо переманить. Если не хватит... из забугорья добавим. Американцев. У них рабочие очень даже вполне, а внешней разведки пока нет, значит, вероятность нанять шпиона минимальна. И пусть заодно наших пэтэушников учат».

— Густав, еще раз благодарю вас за плодотворную идею. Если понадобится какая-нибудь поддержка — в любое время. Вот только я вам еще хотел сказать... Вы только не обижайтесь, а дослушайте до конца. По моим сведениям, к вам ищет подходы немецкая разведка. Скорее всего, будут сначала предлагать перебраться в Германию.

— Господин Найденов, — возмущенно сказал Тринклер, — даже если оставить без рассмотрения вопрос о моей национальности, то есть что я считаю себя русским, но неужели вы считаете меня лишенным элементарной порядочности? Более того, не вздумайте предлагать мне в связи с этим увеличить жалование — я сочту такие действия оскорблением. Извините за резкость.

— Так все замечательно, — обрадовался я. — Ничего такого мне и в голову не приходило, я просто хотел попросить вас об одной услуге. Когда вас начнут уговаривать, не посылайте их сразу, а просто заломите несусветную цену. Например, миллион единовременно, миллион в год жалования и титул герцога.

— На барона не соглашаться? — хмыкнул Густав.

— Ни в коем случае, вы что, какой может быть барон! Так вот, после этого вам, скорее всего, предложат за хорошие деньги поделиться технической информацией. Тут тоже задирайте цену, но не до небес, чтоб в

принципе могли и согласиться. Нужно же с ними кое-чем поделиться, эскизами ротативного двигателя например. Или помочь с материалом для лепесткового клапана, а то они из-за такой мелочи никак не могут наш движок скопировать, как бы с расстройства четырехтактными не занялись. Да, если вам вдруг начнут угрожать или шантажировать... Мы вас в обиду не дадим, будьте уверены. Но для большего спокойствия возьмите себе еще слугу-денщика, этот господин сейчас придет. Можете ему доверять, он как раз обязан обеспечивать вашу безопасность.

Глава 18

Когда руководишь крупным предприятием, всегда возникают какие-то сюрпризы. Как-то вдруг внезапно выяснилось, что кроме авиазавода, моторного завода, фармацевтики и приборов на мне висит и оружейная мастерская. В свое время Гоша положил немало сил на то, чтобы заполучить Федорова. Тот ведь был офицером, и предлагать ему просто так идти служить на частный завод не стоило. Пришлось соблазнять его должностью начальника оружейных мастерских Особого казачьего отряда. Помню, когда он приехал, были некоторые недоразумения: он сразу понял, что находится практически в моем подчинении, а я — лицо мало того что гражданское, так еще и с неясным подданством. Но Гоша показал Федорову бумагу, в которой он, высочество, наследник и атаман, уполномочивал меня действовать от его имени, и объяснил, что отсутствие у меня воинского звания — дело временное, надо дождаться утверждения авиационных чинов. Федоров вынужден был смириться, но своим присутствием он мне, мягко говоря, не надоедал. И вот теперь секретарь сообщил мне, что поручик Федоров пришел с докладом.

— Здравствуйте, господин Найденов, — сказал он, заходя. — Великий князь Георгий приказал мне оборудовать оружейную мастерскую, пригодную для разработки новых видов стрелкового оружия, и доложить вам. Мастерская готова к приемке, вот документы.

— Она готова к приемке или к работе? — Я, не открывая, отодвинул его папку в сторону.

— К работе она тоже готова, — прищурился Федоров, — но мне пока никто не соизволил объяснить, в чем конкретно будет заключаться эта работа.

— В разработке новых, в основном автоматических, образцов стрелкового оружия для Особого казачьего отряда, — пожал плечами я.

— Где и когда я смогу получить технические задания?

— Где? Ну наверное, в вашем кабинете, если он у вас есть. А насчет «когда» — так это вам виднее, когда вы их напишете. Вы знаете о специфике отряда, в общих чертах знакомы с его задачами, вы оружейник. Так и думайте, чем вооружить казаков, учитывая, что наши финансовые и производственные возможности позволяют гораздо больше, чем в среднем по армии.

Вообще-то уже было решено, что нам нужна немного

модернизированная укороченная мосинка, пистолет-пулемет наподобие ППШ и пулемет вроде СГ-43, но с трехногим станком, а не на колесах. Однако мне хотелось посмотреть, что предложит сам Федоров.

— Давайте уточним, — сказал Федоров. — Вы предлагаете мне самому решить, что делать. С кем, на каких этапах и в какой форме согласовывать работу?

— Со мной. На этапе выбора патрона — прямо сейчас. Их два: маузеровский пистолетный 7,62×25 и русский винтовочный 7,62×54. Для применения каких-то других потребуются очень серьезные обоснования. Далее — когда решите, что именно вы конструируете, желательнее поставить в известность меня. Вот примерно так.

— Раз вы назвали маузеровский патрон, это говорит о том, что сам пистолет Маузера вас не устраивает. Чем? И кого вы собираетесь вооружать пистолетами?

— Маузер-96 не устраивает меня, во-первых, своей несуразной сложностью. Это какие-то швейцарские часы, а не оружие. Во-вторых, десять патронов в магазине мало. Надо не меньше двадцати, и магазин сделать съемным. В-третьих, нужна возможность стрельбы очередями, то есть в автоматическом режиме. Зато вес можно увеличить до четырех килограмм, хотя лучше уложиться в три.

Федоров с сожалением посмотрел на меня.

— Вы хотите карманный пулемет, — констатировал он. — Скажите, господин Найденов, а вы имеете представление о конструкции и весе пулемета Максима, например?

— Представление очень даже имею. Вес — большой, конструкция — сложная. Знаете что? Давайте вернемся к этому разговору вечером, я к тому времени успею сделать действующий макет такой штуки. Вот тогда вы и выскажете свое квалифицированное мнение.

— Он что, у вас уже готов?

— Нет. Более того, у меня даже нет законченного проекта, только общий принцип. Но к вечеру все будет готово, если вы мне сейчас найдете трехлинейку, надо половину ствола от нее отпилить. Вы, кстати, можете присутствовать при работе.

Федоров смотрел на меня как на сумасшедшего.

— Через полчаса я приду к вам с отрезком ствола, — сказал он. — Какую он должен иметь длину? И где будут происходить работы?

— В моей личной мастерской, это на первом этаже. Четыреста миллиметров. Жду вас.

Федоров ушел, а я метнулся к Гоше.

— Ты что-то в Интернете хотел посмотреть? Пошли.

— Что за срочность такая? — удивился Гоша, проходя в гараж Москвы 2009 года.

— Да что-то у меня с Федоровым отношения не складываются, вот решил его удивить малость. Надо в автозапчастях пружин закупить и труб разного диаметра, чтоб прямо у него на глазах соорудить автомат.

Все-таки общая работа сближает. В двенадцать я начал растачивать в стволе патронник. В полпервого Федоров спросил, чем он может помочь, я попросил его согнуть из стали-полуторки магазин патронов на двадцать и дал пружины для примерки по месту. Пока он возился с магазином, я на резьбе загнал ствол в трубу, изображающую из себя ствольную коробку. Потом по месту сделал в ней прорезь для ручки затвора, который в этой конструкции был объединен с бойком, овал для выброса гильзы и две дырки для качалки-экстрактора с другой стороны. Выточил сам затвор-боек — два соосных цилиндра из латуни. Сунул его в коробку, проверил, как ходит. К этому времени подоспел магазин. Я приложил его к ствольной коробке снизу, обвел чертилкой и по месту прорезал окно. Получилось удачно, он входил туда с легким натягом. Знаете, есть в оружейном деле такое понятие — неотъемный магазин. Так вот у меня он вышел аж сверхнеотъемным — я его приварил. Сунул сзади в коробку затвор, через прорезь ввернул в него болт. Вставил туда же пружину, сжал ее и ввинтил в торец коробки стальную заглушку. Подумав, приварил и ее тоже — чтоб не сорвало отдачей. Взял получившееся творение, присмотрелся... Рукоятка не мешает. Еще пара касаний электродом — и она появилась. Изогнул гвоздь буквой «П», сточил наискось концы, вставил в дырки и примотал получившийся экстрактор резинкой к ствольной коробке.

— Вот и все, — сообщил я. — Теперь осталось это зарядить и пойти до ужина подстрелить кого-нибудь.

Федоров в недоумении взирал на нелепую конструкцию.

Я перевернул «автомат», один за другим затолкал в магазин патроны, вставил туда пружину, потом деревянную затычку и зафиксировал ее двумя саморезами. Оружие было готово к бою.

Собственно говоря, это изделие представляло собой ремейк моего сделанного лет сорок с чем-то назад автоматического самопала. Разумеется, маузеровские патроны были недостижимой мечтой, та хреновина стреляла мелкашечными. Сейчас я сохранил конструкцию, только внес поправку на примерно вдесятеро более мощный патрон.

— У вас при мастерских вроде тир есть? — спросил я. — Ну так пора

туда зайти.

В тире я взял самопал левой рукой за магазин и выпрямил ее — аллах его знает, куда эта конструкция будет плеваться гильзами, лучше держать подальше от рожи. Указательным пальцем правой оттянул болт затвора и, не отпуская его, оставшимися четырьмя обхватил покрепче рукоятку. Потом отпустил болт.

Очередь грохотала секунды полторы. Под конец, несмотря на все мои усилия, ствол задрало в потолок, но и в мишень попало немало.

— Вот такое примерно оружие было бы неплохо иметь, — сообщил я Федорову. — Разумеется, с нормальным спусковым крючком, чтобы можно было отсекай очереди нужного размера, с отъемным магазином... с экстрактором получше («А то гильза за шиворотом — это нехорошо», — подумал я, ерзая лопатками), ну и вообще доработанное. Но не намного сложнее данного макета.

— Это можно сделать довольно быстро! — заметил Федоров, чей скепсис практически улетучился. — А что у вас за настольные станки в мастерской, какой фирмы?

Китайский токарный, кырпыровский^[11] фрезерный и неизвестной породы сверлильный — вот что у меня там стояло. Плюс самодельный сварочный трансформатор.

— Сделано по моим чертежам, спецзаказ, — сообщил я. — Так что оснастить вашу мастерскую именно такими не получится. А вот сварочный аппарат могу презентовать, вдруг и найдете ему применение. И можете подумать насчет оснащения имеющихся у вас станков электроприводом, с моторами я помогу.

На следующий день работу моей автострелялки посмотрели Гоша с Машей. После чего Гоша пошел с Федоровым в его мастерскую, а Маша сказала, что у нее ко мне есть разговор. Я обратил внимание, что была она несколько серьезнее, чем обычно.

— Я тут почитала кое-что про историю войн, — начала она. — И вот ведь что получается: техническое преимущество вовсе не является обязательным условием победы.

— А еще Волга впадает в Каспийское море, — кивнул я. — Даже если бы никаких других войн, кроме арабо-израильских, не было, то и их бы хватило для иллюстрации твоего вывода. Как правило, победу определяют хорошее снабжение, нормальное управление на всех уровнях и моральный дух войск. Это очень приблизительно, конечно, только самое необходимое.

— Так что же мы тогда на автоматы, самолеты силы тратим?

— А вот расскажи-ка мне, что ты знала о Русско-японской до начала нашей эпопеи в Гошином мире?

— Ну, — задумалась племянница, — это была ненужная России война, в которую ее втравила придворная клика во главе с бездарным царем... Бездарные генералы во главе с Куропаткиным проиграли все сухопутные сражения, а такие же адмиралы во главе с Рождественским и еще не помню с кем — все морские... А в тылу от генерал-адмирала и ниже воровали все подряд миллионами... Разве что в начале войны было светлое пятнышко — «Варяг».

— Вот-вот. А теперь представь себе, что Гоша — наместник Дальнего Востока, я — тоже какая-нибудь шишка... Всю систему нам в порядок не привести, она сгнила сверху донизу. Что-то сделаем, наверное, чтоб проиграть войну не с таким счетом — пол-Сахалина, например, не отдавать. Но каким в этом случае окажется общественное мнение? Войну проиграли бездарный брат царя Георгий и его прихлебатель Найденов! Так что пусть руководство останется прежним. А наша задача — сделать так, чтобы все поняли: в этой позорно проигранной войне было-таки не одно, а несколько светлых пятен, лучей, так сказать, света... Это действия героических Гошиных казаков, летчиков и моряков. Во главе которых стоял тот самый Гоша весь в белом и его верные помощники — мы с тобой. И кстати, на всякий случай запомни, что фамилия адмирала — Рождественский. Лишнюю букву «д» к его фамилии Новиков-Прибой в своей «Цусиме» приделал.

— Но тогда общественное мнение должно быть готово к такому развитию событий! А то дедушка Ленин все равно про прогнившее самодержавие начнет выступать...

— А зачем, по-твоему, информбюро на твоих штанах тренируется?

Про себя я подумал, что тренироваться надо начинать не только ему. Пора заказать Федорову десяток мосинок прецизионного изготовления, патроны ручного снаряжения, а прицелы — это уж я сам. Хотя... лучше не Федорову и не мосинки. Надо остановиться на девяносто восьмых маузерах, это будет прогрессивнее и в техническом, и, так сказать, в идеологическом плане. И радиолампы надо сделать поминиатюрнее и поэкономичнее, а то пока у меня приемник радиовзрывателя и суток проработать не может.

Через две недели Федоров показал мне свой образец пистолета-пулемета. Он уже имел отъемный тридцатипатронный магазин, причем тот вставлялся в длинный, приваренный к ствольной коробке приемник, так

что хват рукой был именно за него, а не за магазин. Естественно, появились нормальный спусковой крючок и предохранитель, фиксирующий затвор в заднем положении. Ход затвора увеличился — это немного снизило темп огня, но главное — теперь окно для выброса гильз перед выстрелом было закрыто. «Это он молодец, — подумал я, — а то через мою открытую дыру действительно грязь набивалась бы».

Мы постреляли. Я отметил некоторое неудобство смены магазинов — их приходилось вытаскивать. Лучше пусть их при нажатии на что-нибудь пружина выталкивает, предложил я. Федоров, неосторожно схватившись за ствол, пришел к выводу о необходимости защитного кожуха.

— Ну вот, уже что-то, — резюмировал я. — Теперь поправить, что заметили, и сделать штук пять для полноценных испытаний. В лесу там, в грязи, снег опять же скоро выпадет... Да, еще дульный тормоз не помешает, а то больно здорово его уводит при стрельбе. Ну это всего лишь насадка с косыми дырками на конец ствола, придем в мастерскую, нарисую.

— Георгий Андреевич, а офицеров чем вооружать планируется? Лучше бы чем-нибудь под тот же патрон.

— Да какая разница! Нормальному офицеру на всю войну одной обоймы хватит. Застрелиться или паникера прибить можно хоть из дуэльного пистолета пушкинских времен. Хотя... да, разведчикам, диверсантам, всяким поварам это понадобится. Тогда еще подумайте и над пистолетом — не таким здоровым, как маузер, с неподвижным стволом и тем же свободным затвором. Только его лучше объединить со ствольной коробкой, чтобы уменьшить длину оружия. Патроны в рукоятке. Сами прикиньте, сколько туда влезет.

— И вот еще что я у вас хотел спросить, — замялся Федоров, — вы говорили и про пулемет под винтовочный патрон. Теперь я думаю, что вы уже знаете, как сделать его существенно проще и легче «максима». Это так?

— В общих чертах так, — не стал отрицать я. — Разумеется, в деталях я себе такой пулемет не представляю, а вот общие принципы — вполне. Правда, он будет значительно сложнее этой трещотки. Тут такое дело: при мощном патроне простота приводит к сильному уменьшению ресурса и надежности.

— Но почему вы тогда не открыли свое оружейное производство? С вашими-то идеями...

— Эх, Владимир Григорьевич, ну почему вы считаете, что высшей целью любого предпринимателя является прибыль? Тем более что я и не предприниматель, а инженер. И у меня приоритет не деньги, которых

лично мне вполне хватает, а интересы России, вы уж извините за некоторый пафос. А они требуют, чтобы новое, самое лучшее оружие оказалось в нужных руках, а вовсе не в свободной продаже. И еще, вас наверняка это интересует, вы просто не спрашиваете. С великим князем Георгием меня связывают не отношения наемного работника с работодателем, а дружба, основанная на общем понимании интересов нашей родины.

«Все, — подумал я, — надо срочно закруглять беседу, столько слов подряд в таком ключе — не мое амплуа, как бы не ляпнуть что-нибудь типа „Родина вас не забудет!“. Блин, пора озадачить информбюро, пусть они мне напишут несколько спичей разной степени патриотичности, выучу их и буду при случае тупо воспроизводить.»

Глава 19

Вот и выпал снег. Скоро уже год, как я почти безвылазно торчу в Гошином мире. Честно говоря, в свой и не очень тянет, здесь жизнь, несмотря на отсутствие мотогонок, выходит куда насыщенней, постоянно происходят какие-то масштабные события и, главное, ясно видны результаты моей деятельности. Вот, кстати, и один из них. Похоже, казачонок из отпуска вернулся. Только почему в сопровождении какой-то толпы? Я вышел на улицу. Казачонок... да какой он теперь, к фигам, казачонок? Солидности на двух поручиков хватит! Да, так вот, этот сержант, увидев меня, рявкнул:

— Отряд, становись! — Толпа быстро преобразовалась в прямоугольник размерностью три на четыре, а Михаил обратился уже ко мне: — Господин Найденов, сержант Полозов — представляюсь по случаю возвращения из отпуска!

— Ну... предположим. А это что за народ?

— Это волонтеры!

— Своеобразно. Ладно, покажи им, где у нас столовая, и распорядись, чтоб покормили. — Я специально хотел увидеть Мишкину реакцию на слово «распорядись». Он и глазом не моргнул — растет кадр, однако. — А сам потом зайди ко мне.

Через полчаса бывший казачонок, а ныне его благородие сержант Полозов (я слышал, как один из приезжих к нему так обратился) был у меня в кабинете.

— Ну рассказывай.

Он начал. Помаленьку я представил себе общую картину. Он, конечно, писал домой о своих успехах. Писал и его брат, хорунжий из Гошиного казачьего отряда. Но там, видимо, к письмам относились с некоторым скепсисом — ну подвирает малец слегка, мол, возраст такой... Поэтому его появление вызвало в Иловле не просто шок, а несколько таковых последовательно. Мундир и неизвестные медали — ладно, но мотоцикл! А уж когда увидели маузер с дарственной надписью от самого его высочества... Но потрясения на этом только начинались. Следующее было связано с финансовым положением — сведения о пяти тысячах премиальных поставили Иловлю на уши. По недоговоркам и общему покраснению сержанта я понял, что он там теперь котируется чуть ли не как самый завидный жених. Ну и завершающий штрих — это когда Мишка

явился к куренному и продемонстрировал бумаги за Гошиной подписью, где августейший атаман подтверждал статус экс-казачонка. После такого его уже на полном серьезе именовали «благородием». Естественно, последующие слова о скором расквартировании здесь частей Особого казачьего отряда и о том, что ему нужны будут добровольцы, а всем необходимым для службы обеспечит великий князь, упали на подготовленную почву. Ну а когда Мишка заявил, что требуются его ровесники для обучения на пилотов, число желающих зашкалило. Первым делом сержант отсеял неграмотных. Остальным он предлагал попробовать проехаться на мотоцикле, за рулем. Неотказавшихся и неупавших набралось двенадцать человек.

«Да, — подумал я, — в девятьсот четвертом им будет по восемнадцать-девятнадцать лет. Летать они к тому времени научатся лучше взрослых, а вот сомневаться — еще нет. Те, кто выживут, станут двадцатилетними капитанами и полковниками, обязанными Гоше всем и готовыми по первому его приказу бомбить хоть Красную Пресню, хоть Зимний дворец».

— Молодец, сержант, хвалю. Теперь ты их инструктор. Две недели на наземную подготовку и теорию, потом я приму экзамен. Увидишь, что не справишься, — сразу ко мне, я помогу. А сейчас иди, готовь свою команду к представлению Георгию Александровичу, оно будет вечером. Да, кстати, много денег за отпуск растратил?

— Двести десять рублей, — смутился Мишка. — Но это на подарки!

Разумеется, пяти тысяч на руки ему никто не давал, деньги лежали в банке, и до совершеннолетия он мог брать их оттуда только с моей или Гошиной санкции. На отпуск я разрешил ему снять со счета пять сотен.

Вечером, после беседы с новыми курсантами, Гоша зашел ко мне.

— Мне надо ехать в Питер. Ники сейчас хорошо ко мне относится, так что твою троичную систему чинов для авиации он, скорее всего, проведет своим указом.

— Ага, проникся?!

— Не стройностью и красотой твоего табеля, не думай. Просто нужно что-то сделать для этих казачат, ну не присваивать же им подхорунжих! Да и тебе какой-нибудь статус не помешает.

Через неделю Гоша вернулся.

— Поздравляю, господин военный советник! — заявил он мне. — С вас причитается.

— Это меня так обозвали? — поразился я.

— Ну не меня же! Присвоенный тебе чин полковника авиации соответствует шестому классу Табели о рангах. На, читай высочайший указ. И готовься к принятию присяги.

— Всегда готов, а что там еще есть?

Там много чего было. Моя троичная система осталась, но звания внутри групп были похерены. Вместо моих «младших полковников» я увидел вот что:

Унтер-офицеры — ефрейтор, младший сержант, сержант. Причем сержант соответствовал коллежскому регистратору и был уже «благородием».

Обер-офицеры — младший лейтенант, лейтенант, капитан. Авиационный капитан соответствовал пехотному и относился к восьмому классу.

Штаб-офицеры — подполковник, полковник, бригадир.

Генералы — генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал от авиации. Последний — это Гоша.

Эти звания могли присваиваться только летному составу, но зато без ограничений по возрасту.

Однако — вот же блин — все-таки сделали майорского генерала младше лейтенантского.

— Ну тогда поздравляю, ваше высокопревосходительство, — сказал я. — Или мне, по старой дружбе, можно тебя и по-простому, высочеством называть?

— Спасибо за поздравление, ваше высокоблагородие. Кстати, ты уж проследи, чтоб в официальной обстановке к тебе так и обращались. И мундир надень.

— Где я тебе его возьму? И на что он похож, кстати?

— Пока ни на что, утвержденного образца нет.

— А, ну я на джинсовый костюм погоны пришью.

— И нашивки пилота первого класса на задницу! — возмутился Гоша. — Ладно, мундиры — пусть это моя забота будет, а ты пока так походи. Да, вот еще что. Мишка — это просто находка, он в ближайшее время подвигов никаких совершать не будет, случаем? Пора бы его уже в младшие лейтенанты двигать.

— А как же, пусть парашюты испытывает, давно пора. Сначала несколько раз прыгнет с нашим, потом мешок с песком на местном парашюте сбросит, ну а следом — и сам на нем. Вот по результатам и присвоишь.

— Кстати, а ты еще на одну особенность этого документа внимание не

обратил? Про пол там нет ни слова.

— Что, и Машку полковницей сделали? — восхитился я.

— Еще нет, это будет после пожалования ей княжеского титула. Кстати, на Рождество Ники приглашает нас в Питер, всех троих. А пока ты прикинь, какие должности у нас будут соответствовать какому званию, нужно штатное расписание. За основу можешь себя взять, ты начальник летной школы и полковник.

— Тогда пусть это будет бригадирская должность, нужен резерв для роста.

— Пусть бригадирская. Завтра в обед все это утвердим?

— Попробуем.

Гоша ушел, а я сел прикидывать это самое к носу. Значит, пусть из летной школы выходит сержант. Потолок для просто летчика — младший лейтенант. Хм, а если кто-то окажется феноменальным пилотом, но равнодушным к карьере, вроде того же Чкалова, он так младшим и останется? Не годится. Классы сюда подвязать? Например, просто пилот, налетав триста часов, может сдавать экзамен на пилота третьего класса, и потолок будет уже лейтенант. Вроде ничего. Значит, налетал он еще пятьсот, освоил ночные полеты, может летать в сложных метеоусловиях — пожалуйста сдавать на второй класс, потолок — старший лейтенант. Ну а первый класс — это ас, налет не менее двух тысяч, причем на всех типах, естественно, в любое время суток и при любой погоде, плюс высший пилотаж. Да, и для летающих командиров это станет стимулом повышать квалификацию. Например, командир звена может быть пилот с классом не ниже третьего, эскадрильи — второго, полка — первого. Хотя нет, это надо убрать. Командир полка уже не столько ас, сколько администратор. Ну и кроме потолка званий надо еще ввести и доплату за классы, причем существенную. А в военное время по результатам боевых вылетов разрешить присваивать звания на ступень выше должностного потолка... Тогда пилот первого класса, командир эскадрильи, сможет кончить войну полковником. Нормально. Теперь по летной школе. Начальник — бригадир. Зам — подполковник (срочно найти, назначить, и пусть пашет). Старший инструктор — капитан. Просто инструктор — лейтенант. Летная школа официально пусть будет одна, а то, что построим под Царицыном, назовем просто авиаполком. И пяток «Святогоров» туда перебросим, для наглядной агитации по станицам и пускания пыли в глаза. Вот только как для нее кадры подбирать? Пожалуй, можно вот что сделать. После месяца полетов с инструктором в Георгиевской школе — экзамен, право летать самостоятельно, звание ефрейтора и квалификация кандидата в пилоты. А

из этих кандидатов лучших будем отправлять в Царицын, остальные же пусть доучиваются на «Святогорах» и на них же потом летают в качестве нашей официальной воздушной мощи. Кстати, пора этих уродцев модернизировать, техника не должна стоять на месте: маленький уродец обязан эволюционировать в большого уroda. Надо их, на фиг, сделать двухмоторными! А, ладно, гулять так гулять, пусть моторов будет сразу три. Кто у нас там еще из богатырей для названия есть? Илья Муромец — слишком длинно, пусть будет Пересвет.

Размышлять на конструкторские темы мне было гораздо интереснее, чем на военно-бюрократические, поэтому я посчитал чино-должностно-классный проект готовым и сел рисовать грядущий тяжелый бомбардировщик «Пересвет». Значит, размеры и профиль крыла сохраняем святогорские, но усиливаем набор. Делаем зачаток двухместной кабины в центроплане. Хвост, как и сейчас, два киля буквой «V» на речной ферме. Руль высоты, понятно, спереди. Два толкающих мотора на крыльях и один тянущий в носу кабины. Пилот спереди, сзади стрелок с пулеметом — при такой грузоподъемности можно будет туда и «максим» засадить, а бомб, пожалуй, эта каракатица потянет килограмм двести. Заодно будет и достойный ориентир для де Хэвиленда, а то, по моим сведениям, он пока дошел только до копии «Святогора», да и то, как это ни дико звучит, она получилась даже хуже оригинала. А вот Сантос-Дюмон уже полгода что-то строит, строит и никому не показывает, что именно. И кстати, как там дела у дедушки-графа? Пора, однако, Цеппелину очередное письмо писать.

Гоша, ознакомившись с моим проектом авиационного штатного расписания, в общем им удовлетворился, однако задал вполне резонный вопрос:

— Сколько процентов от персонала летной школы занимают пилоты сейчас? И в какую сторону это соотношение будет меняться в будущем?

— Сейчас — треть, а потом будет еще меньше. То есть как быть с наземным персоналом? Ну если у них есть казачье звание, пусть в нем и служат, а если нет... пяток полетов пассажиром — присваиваем квалификацию летнаба и уже в авиационном звании сажаем на соответствующую должность. Только, может, это не я писать буду про должности?

— А кто, я? Так мне для этого в Интернете день сидеть надо. Остальные вообще ничего не знают. Так что ты хоть самую основу, своими словами, чтоб было от чего танцевать. И кстати, про меня вопрос. В свете этих веяний кто я такой? Летной школы не кончал...

— То есть как это кто? Ты пионер и патриарх русской авиации, первым

среди российских подданных поднявшийся в небо, когда и слова «аэроплан» никто не знал! Естественно, ты пилот первого класса. А ночью летать не умеешь — так из нас вообще никто не умеет, учишь помаленьку. Я вот тоже собираюсь подтянуться, а то перед казачонком будет неудобно.

— Учись, значит... надеюсь, поможешь? И у меня для тебя новость из Питера. Как смотришь на перспективу принять еще одного личного ученика?

— Как Ленин на буржуазию! Пока у меня на каждом заводе по два толковых зама не будет, никаких еще одних личных. Пусть у инструкторов учится, причем не у Мишки, ему своих хватит. И кто он, вообще говоря, такой?

— Мой брат.

— Ой, ё...

Я было решил, что Николай не выдержал свалившихся на него недавних потрясений и слегка поехал крышей, но вовремя сообразил: одним им перечень Гошиных братьев не исчерпывается.

— Это Михаил, что ли?

— Так точно, его высочество Михаил Александрович.

— Вот же некстати как... Хотя не буду спорить, клиент перспективный. Надо бы про него почитать чего-нибудь... Хотя, тьфу, чего там читать, когда он твой брат. Опиши-ка вкратце.

— Нормальный парень, не сноб, не интриган, не дурак. В детстве был из нас троих самым непоседливым. Пожалуй, немного избалован, так что я про тебя слегка сгустил краски.

— До какой степени?

— До весьма незначительной, буквально самую малость преувеличил. Ты у нас тиран и самодур, общаешься исключительно матом, несогласие с собеседником обычно выражаешь мануально, то есть — без разговоров в рыло. — Гоша с удовольствием посмотрел на мою обеспокоенную физиономию и продолжил: — Если дословно, я сказал, что ты отличный учитель, только очень строгий. И что скидок на происхождение ему не будет, скорее наоборот. Кстати, после этого разговора Мишель что-то про тебя у Ники спрашивал и вышел от него слегка озадаченным, но желание учиться летать у него не пропало.

— Ну и когда это еще одно высочество приедет?

— Как только получит твое согласие.

— Куда ж тут денешься — пусть собирается помаленьку, после Рождества ждем-с.

Гоша ушел, а я стал вспоминать, какие отделы и подразделения были в аэроклубе советских времен. Отдел кадров, строевой и канцелярию для начала можно объединить. Кроме инструкторов нужны преподаватели, в том числе и гражданские. Ремонтно-технические службы — само собой, причем в нашем случае со своей летно-испытательной группой: «Тузики» будут приходить частями и собираться на месте. Метеослужба, интересно, сейчас уже умеет погоду предсказывать или как? Но хотя бы наблюдатели все равно нужны. Медицина — пара врачей и несколько фельдшеров. Своя больница. Спортгородок и соответствующий преподаватель. Далее. Склад ГСМ с персоналом и транспортом типа небольшой баржи. Отдел вооружений, пожалуй, его начальник должен быть в ранге зама. Квартирно-эксплуатационная часть. Тыловые службы, как примерно у полка. Блин, целый город получается! А еще охрана — это прикомандированная казачья сотня и свой режимный отдел. Все? Фигушки, чуть самое главное не забыл — идеологическую подготовку. Тут, пожалуй, нужна работа по двум направлениям — прикомандированные православные священники плюс кто-то от информбюро. Ну эти уж пусть сами себе название и штаты придумывают. А насчет священников — напротив нас на другом берегу Нары есть Высоцкий монастырь, и его настоятель произвел на меня весьма благоприятное впечатление. Завтра же в гости заехать, пометил я себе. Теперь-то все? Ага, размечтался. Места под Царицыном безлюдные, нужен транспорт и соответствующие люди. Основные проблемы будут зимой... значит, аэросани. Моторы — списанные с самолетов.

И завершающий штрих: чуть в стороне должен стоять двухэтажный дом, обнесенный хорошим забором, — для высшего начальства, то есть для нас с Гошей.

Глава 20

Наконец-то Рождество позади и мы снова дома, то есть в Георгиевске. О неделе в Питере вспоминалось в основном как о бездарно убитом времени. Там все было словно в песне: *«Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные...»* Разве что в основном попадались не гимназистки, не от мороза и не чуть... Ох, еще как не чуть! Да и развлечения... Ну чего, скажите мне пожалуйста, такого завлекательного в том, чтобы «мчаться» со скоростью двадцать километров в час в запряженных тремя лошадьми санях, да еще с гиканьем и свистом? Ладно, на коньках покататься еще куда ни шло, если умеешь, но я, увы, как раз не умею. Фейерверки же по сравнению с новогодними московскими совершенно не впечатляли. Ходить на балы я и не пытался. Под конец ко мне даже пришло атавистическое желание выпить на кухне бутылку водки и пойти дать кому-нибудь в морду, но кухни в пределах досягаемости не оказалось. Так что терпел я всю эту тягомотину, только чтобы не портить праздник Гоше с Машей. Хорошо еще, что в Гошином мире новогодний запой длится не две недели, как в нашем.

Одновременно с нами в Георгиевск приехал и техник Михаил Налетов. Вскоре он уже был у меня в кабинете.

— Раскройте же наконец интригу, — сказал он после взаимных представлений, — зачем я вам понадобился? «Участие в разработке новых образцов техники» — это слишком расплывчато. И почему именно я?

— Михаил Петрович, у нас есть своя система поиска талантливых людей, пока не спрашивайте, какая именно. Вполне вероятно, что в будущем вы узнаете детали. А вот насчет новых образцов честно скажу — я и сам точно не знаю. Давайте я вам все по порядку изложу, только сразу предупреждаю — сведения секретные, и делиться ими с кем-то будет категорически нельзя. Согласны? Замечательно, тогда я распоряджусь, чтобы принесли, разговор может слегка затянуться. — Через некоторое время я продолжил: — Сначала разговор пойдет не о технике. На Дальнем Востоке складывается непростая обстановка. Анализ ситуации показывает, что в ближайшие годы вероятна большая война с Японией.

— Вы считаете, что она осмелится на войну с нами? — удивился Налетов. — Силы же просто несоизмеримы!

— Это сейчас. Вспомните, что было у японцев пять лет назад,

сравните с имеющимся на настоящий момент. Проекстраполируйте полученную тенденцию на пять лет вперед, и картина получится уже не столь оптимистическая. А ведь их развитие вполне может и ускориться. Так что, с вашего позволения, я изложу возможный сценарий той войны, как он мне представляется.

Налетов кивнул.

— Россия сделала японцам хороший подарок, выбрав главной дальневосточной базой флота Порт-Артур, — вздохнул я.

— Мышеловка, — подтвердил Михаил Петрович.

— Вот-вот, но решение уже принято на таком уровне, что отменить его не получится. Стратегия Японии может строиться только на предварительном, до начала сухопутных операций, завоевании господства на море. Значит, блокада Порт-Артура как минимум с моря, а потом, если получится, для гарантии — с суши. Средства достижения — минирование вод в районе гавани, атаки миноносцев на стоящие на внешнем рейде корабли и находящаяся неподалеку эскадра для предотвращения подвоза чего-либо морем. Возможен эпизодический подход броненосцев для обстрела города. О том, как использовать в этой ситуации аэропланы, уже думается, хотя и ваши идеи, в случае их появления, лишними не будут. А вот с разрешением вышеописанных трудностей морскими средствами пока неясность. Я предлагаю прикинуть, что тут можно сделать.

— За какое время?

— До осени третьего года, мне кажется, оно у нас есть, а вот дальше пока не знаю.

— А в пределах каких сумм допускается полет фантазии?

— Ну если она долетит до чего-нибудь эффективного и, главное, реально изготовимого в указанное время, то и миллион может оказаться не предельной суммой. А для начала мне хотелось бы получить ваши соображения вот по какому вопросу. Принято решение переоборудовать крейсер «Владимир Мономах» в авианесущий корабль. Вот материалы по самому крейсеру, а вот папка с кратким обзором наших самолетов. — Я передал ему бумаги и добавил: — Кстати, предложенный оклад вас устраивает? Тогда от меня зайдите в отдел кадров, там все оформят. Жить пока можете в служебной гостинице, а к концу весны предполагается сдача благоустроенного поселка. Съем или покупка жилья в Серпухове нежелательны. Ну а пока познакомьтесь с нашим моторным заводом, директора я предупрежу.

Следующая встреча у меня была с Богаевским. Двадцативосьмилетний

есаул Африкан Петрович Богаевский, из потомственных дворян Войска Донского, на бумаге числился командиром Особого казачьего отряда его императорского высочества, а фактически руководил формированием этого подразделения. До сего момента мы с ним мельком виделись несколько раз, и вот теперь Гоша направил его ко мне согласовать вопросы вооружения. Рандеву было назначено на стрельбище у оружейной мастерской, где к приходу гостя был подготовлен автомат НФ образца 1901 года и пара магазинов к нему. Это был первый из пробной партии в десять штук, сделанной для войсковых испытаний. У него уже был дырчатый кожух ствола, совмещенный с дульным тормозом, и внешне это изделие походило на ППШ, отличаясь от него коробчатым магазином в стомиллиметровой шахте и наличием пистолетной рукоятки.

Богаевский с интересом осмотрел незнакомое оружие, вставил магазин и вопросительно глянул на нас с Федоровым.

— Стреляйте, Африкан Петрович, — сказал я. Федоров едва сдерживал улыбку. Дело было в том, что Богаевского не предупредили о возможностях демонстрируемого изделия. В документах оно именовалось «автоматический карабин», в разговорах — «автомат». Термин «пистолет-пулемет» мы решили не вводить из соображений секретности.

Богаевский взвесил автомат в руках, пару раз приложил к плечу, выбирая наиболее удобный хват, взвел затвор и нажал спусковой крючок. Грохнула короткая, патронов на пять, очередь. Однако силен мужик. Я думал, он от неожиданности минимум полмагазина в небо выпустит.

— Вон оно что, — ухмыльнулся есаул, перехватил автомат немного по-другому и быстро отстрелял четыре примерно таких же очереди. Три грудные мишени на стометровом рубеже были поражены. Потом он поставил оружие на предохранитель и обернулся к нам: — Весьма интересная вещь. Дальность, судя по прицельной планке, до двухсот шагов?

— Не шагов, а метров. А так да, это оружие ближнего боя.

— Ближнего, — задумчиво повторил Богаевский. — Двести шагов — это по действующему уставу рубеж штыковой атаки. При наличии у обороняющихся достаточного количества этих автоматов наступающая сторона понесет серьезные потери. Но каков же будет расход патронов?!

— Лучше пусть расходуются патроны, чем жизни наших солдат, — заметил Федоров. — Дорого, конечно, но не все меряется деньгами.

— Вот здесь как раз можно и в деньгах померить. Дело в том, что поражение в войне обойдется в сотни раз дороже, чем любые расходы на боеприпасы для победы, — заметил я.

Богаевский ненадолго задумался.

— Я уже заметил, что его высочество не собирается экономить на своем отряде, — осторожно сказал он, — но не окажется ли так, что из-за всех этих нововведений численность отряда, который он сможет содержать, будет слишком маленькой?

— Что лучше — большая плоховооруженная, полураздетая и недокормленная толпа или же небольшой отлично экипированный и обученный отряд? — задал риторический вопрос я. — Но проблему вы обозначили верно. Так что, пожалуй, придется вам при своем штабе организовать военно-экономический отдел, который как раз и будет просчитывать эти вопросы уже конкретно, исходя из баланса возможностей и задач.

Богаевский помолчал, обдумывая услышанное, и вернулся к представленной технике:

— Мне кажется, господа, что ваш автомат может оказаться неплохим оружием для кавалерии...

— А вы представьте себе, господин есаул, как будет чувствовать себя атакующая кавалерия под огнем сотни таких стволов, да плюс еще по ней будут стрелять по десятку пулеметов с каждого фланга? — предложил Федоров.

— Думаете, ваше изобретение лишает кавалерию смысла?

— Не только оно, но и пулеметы, шрапнельные снаряды — все это сужает область ее применения. Рейды по тылам, разведка, преследование разгромленного противника... все, пожалуй. А в остальных случаях — ехать верхом, воевать пешком.

— Возможно, господин Найденов, вы и правы, но все надо обдумать.

— Так вот для этого вас и пригласили. На днях получите десяток автоматов и параллельно с испытаниями прикидывайте возможности их применения и те изменения в тактике, которые в результате возникнут.

После стрельбища я зашел к Гоше посмотреть, что высочество с Налетовым намудрили насчет «Мономаха». Работа была в разгаре, причем Гоша выглядел несколько обескураженным.

— Привет, — сказал он мне, — заходи, полюбуйся, во что ради самолетов боевой корабль превращать приходится.

Я постарался вникнуть в бумаги. Было не очень понятно, чего Гоша волнуется — судя по наброскам, «Мономах» предполагалось подвергнуть минимальной, почти незаметной вивисекции.

Убирались две мачты, оставалась только передняя.

Из пушек сохранялись одиннадцать стодвадцатимиллиметровых скорострелок, помеченных знаком вопроса, зато вся артиллерийская мелочь и торпедные аппараты исчезали.

Вдоль всего освободившегося места над палубой была нарисована ферма с надписью «катапульта», а у ее основания притулились две кранбалки. Еще одна катапульта, вдвое меньше, была нарисована в носовой части.

В самой корме, под палубой, там, где у «Мономаха» имелось нечто вроде балкона, пунктиром был пририсован какой-то нарост, выступающий назад метра на два.

— Это что такое? — ткнул я в него.

— Предполагается, что здесь будет аппарат для быстрого подъема самолетов с поверхности воды, — пояснил Налетов, — но о ее конструкции сказать пока ничего нельзя. Тут проблема — как избежать повреждения поплавков при волнении.

— Хотя бы наметки решения есть?

— Есть... — Гоша подал мне рисунок. Судя по почерку, это было его творение. На бумаге был изображен... луноход. Вот именно, кастрюля на решетчатой ферме, снабженной шестью колесами.

— Загрузочный аппарат, — гордо сказал Гоша. — Спускается на воду, подходит к самолету, подныривает под него и фиксируется. Теперь можно спокойно втаскивать гидроплан, не опасаясь повреждения поплавков. Управление по проводам.

Я вопросительно посмотрел на Налетова.

— Ну сама идея погрузочного плота неплоха, — осторожно сказал он. — Но о конкретной конструкции я пока говорить не готов, тут надо хотя бы несколько дней на прикидки.

Меня тоже заинтересовала проблема. Раньше я как-то по умолчанию считал, что грузить гидросамолеты на корабль мы будем как все, то есть краном. Но ведь действительно один-два так втащить нетрудно. А если вылет был сразу всей авиагруппой? Потонут ведь, не дождавшись очереди к крану. Аппарель с роликами — вещь хорошая, но только при полном штиле. При малейшем волнении появляется риск повредить поплавки.

Я прикинул возможные пути решения.

Можно снабдить поплавки самолетов амортизацией и какими-то лыжами, наподобие посадочных у планеров. Надо посчитать, во что это выльется по весу.

Можно снабдить этой амортизацией саму аппаратель. Вроде хорошо, но неясно как.

И можно, действительно, сделать какое-то погрузочное устройство, необязательно подводный луноход. Плотик, например, типа надувного матраса.

«Из принципа пока сам ничего предлагать не буду, — подумал я. — Надо посмотреть, что Налетов предложит».

Однако он держался стойко и скороспелых мыслей озвучивать не желал. Два дня, как уточнил техник, ему надо подумать, тогда он будет готов к обсуждению этого вопроса. Я мысленно поставил ему «плюс».

Впрочем, одно предложение у Налетова уже было.

— Корабль довольно старый, — сказал он, — потому сравнительно тихоходный. Замена котлов и машин — дорого и сложно. Но на моторном заводе господин Тринклер сказал мне, что разрабатывается нефтяной двигатель мощностью в шестьсот лошадиных сил, весьма компактный. Не оснастить ли «Мономах», скажем, четырьмя такими, дополнительно? Это пока не конкретное предложение, я прошу разрешения изучить данный вопрос.

— Михаил Петрович, изучать вы можете без всякого разрешения, — заметил я. — А сама идея мне нравится, ну а если уж на это корыто таки удастся притулить хотя бы пару таких движков, будет вовсе замечательно. — При слове «корыто» Гоша поморщился, он очень трепетно относился к своему кораблю. — Вряд ли это прибавит больше двух узлов скорости, но лишними они точно не будут. Да и возможность при необходимости плыть, не дымя на весь океан, тоже пригодится. А что это за хреновина у корабля под носом, уж не таран ли, случаем? Срезать и заменить бульбой — вот вам еще полтора-два узла. И если уж будем нос корезить, его надводную часть можно сделать по образцу клипера. А для всей этой деятельности нужен мощный сварочный агрегат с персоналом. Ладно, это я обеспечу.

— Простите? — заинтересовался Налетов.

— Зайдите ко мне в мастерскую, я покажу вам электросварку в действии, — предложил я. — Пора, кстати, вводить ее в кораблестроении. Тем более что заклепки, как показала практика, воруют.

— Мы же вроде «Мономах» на завод собрались отдавать переделывать? — уточнил Гоша.

— Вот пусть там электросварку и осваивают. Захотят и для своих работ — у нас купят, больше вроде негде.

Налетову не терпелось посмотреть на столь чудодейственную электросварку, так что пришлось вести его в мастерскую. Там я подключил аппарат, положил две пятимиллиметровые стальные пластины встык. Дал

маску гостю, взял вторую себе и сварил пластины. Потом взял две другие, но их поставил стоймя, с целью демонстрации вертикального шва. Такой шов сделать сложнее, но уж со сваркой в любых ее проявлениях я был знаком отнюдь не понаслышке, так что и тут удалось без проблем показать класс. Дождавшись, пока пластины остынут, я обколотил с них шлак и продемонстрировал результат Налетову.

— Нет слов, — признался он. — Я читал про это изобретение господина Бенардоса, но не думал, что на практике это столь просто и эффективно. Можно мне самому попробовать?

— Пожалуйста. Видели, как я это делал? Для начала научитесь на одной детали зажигать и удерживать дугу.

Михаил Петрович учился примерно полчаса, и теперь я, пожалуй, доверил бы ему сварить забор на даче — естественно, не себе, а соседу.

— В общем, из пяти учеников за полгода можно подготовить двоих сварщиков, которым не страшно будет доверить работы, — прокомментировал его успехи я. — Это я говорю на основании своего педагогического опыта, как раз те самые два у нас и есть.

Налетов тем временем внимательно рассмотрел аппарат.

— Трансформатор, индуктивная катушка, реле... а вот это что, с радиатором?

— Балластные резисторы, — соврал я. Ну не говорить же, что это выпрямительные диоды! Однако при показе мощного агрегата для корабельных работ врать не придется — я собирался сделать именно агрегат, то есть спарку бензинового мотора с коллекторным генератором, такая схема дает постоянный ток без всякого выпрямления. Задумка была, конечно, дикая — ставить двухтактный авиационный мотор на такое изделие, но ничего. Поработает пока этот гибрид мопеда с тепловозом, а там у Тринклера и дизеля подспеют. Тем более что Пушкин как раз про этот случай так прямо и сказал: «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух!»

Глава 21

Под нами медленно проплывали заснеженные окрестности Серпухова. Вообще летать зимой на самолете, лишенном кабины, оказалось довольно экстремальным занятием. Несмотря на полушубок, ватные штаны и валенки, дуло нещадно. Ладно, я, как инструктор, пребывал сзади, а вот ученик, он же высочество номер два, вообще сидел открытый всем ветрам. Но ничего, ему полезно померзнуть, глядишь, меньше укачивать будет.

Его высочество великий князь Михаил Александрович оказался подвержен воздушной болезни — хорошо хоть в слабой степени, не доходившей до медвежьей. У человека была просто врожденная боязнь высоты. Если бы он сразу начал летать на «Тузике», то есть в нормальной кабине, глядишь, ему было бы и легче, но мы свято блюли секретность и до новейших самолетов кого попало не допускали.

После первого полета, когда бледно-зеленое высочество сползло с самолета, судорожно пытаясь не проблеваться, я подумал, что на этом ученичество и закончится. Однако Мишель — так его пришлось называть, чтобы не путать с асом Мишкой — оказался упрямым и вот уже третью неделю почти ежедневно боролся со своим организмом. И похоже, эту битву организм помаленьку проигрывал — с каждым разом Мишель пилотировал все уверенней, уже не цепenea при любой воздушной яме. Вот и на этой мне, похоже, не придется подправлять... Мои благодушные размышления были прерваны громким «бзынь», и наш «Святогор», задрав нос, начал заваливаться на крыло.

— Руки с ручки, ноги с педалей! — заорал я в раструб, добавляя газ до предела и пытаясь элеронами скомпенсировать крен. Самолет с трудом выровнял нос, вышел из правого крена и тут же свалился в левый. Теперь попытки парировать элеронами не помогли, вправо ручка шла без сопротивления. Трос лопнул, вон его обрывок болтается... Пришлось, несмотря на опасность таких движений на «Святогоре», двигать ручку от себя и выправлять крен рулем поворота. Вроде вышло, но аппарат теперь мог летать только кругами, и, вот ведь подлость, как раз над небольшой рощицей. Я глянул на ученика — вроде не видно, чтобы он паниковал, по крайней мере, со спины.

— Ми-и-ише-э-эль!!! — завопил я в трубу. Он прислонился ухом к раструбу. Я продолжил: — Прямо за вашей спиной, сверху, болтается обрывок троса! Можете за него ухватиться?

Ученик заерзал и завертел головой, но в пристегнутом состоянии у него ничего не вышло. Тогда он рывком расстегнул ремень и, ухватившись одной рукой за планку подкоса между нами, в два движения встал на колени лицом ко мне. А ничего лицо, кстати, я ожидал увидеть гораздо более перекошенную рожу.

— Где? — проорал он. Я показал рукой на обрывок и только тут сообразил, что с колен его Михаилу не достать... Он это тоже сразу понял. Замер. Я думал, он собирается с духом, но оказалось, он (молодец!) просто ждал промежутка между воздушными ямами. Дождался, привстал и, наконец перехватив другой рукой подкос, встал... стал шарить рукой вверху, поймал обрывок троса...

— Тяните его вниз! Да не так сильно, блин!

Общими усилиями нам наконец удалось восстановить управляемость аппарата. Теперь Мишель тянул обрывок с постоянным усилием килограмма три, а я парировал его натяжение ручкой. Появилось время повнимательнее посмотреть вниз, на предмет поиска места для вынужденной посадки. Оно, конечно, имелось, но не так чтобы очень большое, можно было сломать шасси. Мы колбасились километрах в десяти от аэродрома, то есть пока найдут, пока пришлют лошадь, куковать нам в снегу... Да и вынужденная посадка для находящегося в неустойчивой позе пассажира может нехорошо закончиться...

По мере отступления опасности, как обычно, переходила в наступление лень. Летим же вроде? Ну и полетели на аэродром, авось высочество не свалится по дороге! Правда, оно почему-то без шлема, ну ничего, за десять минут сильно не простудится, несколько часов на земле для организма гораздо хуже будет... Я лег на курс.

Посадка удалась на пять баллов. Я бодро соскользнул со своей инструкторской доски и помог спуститься Михаилу. Выяснилось, что он не только потерял шлем, но и сбросил перчатку с руки, которой держал трос. Рука была в крови, но вроде не обморожена. К нам уже бежали люди.

— Ну как, не раздумали летать, Мишель? — поинтересовался я.

— Наоборот! — с энтузиазмом сообщил он. — Просто чудо! Едва порвался трос, я вдруг начал чувствовать себя как на земле! Да что там как — лучше! Когда снова летать будем?

— Сегодня точно не получится, а завтра посмотрим, как там с вашей рукой. Пальцами-то шевелить можете?

Михаил только сейчас обратил внимание на свою кисть и попробовал пошевелить ею — вроде получилось. Тем временем к нам подбежали казаки и, главное, подошла лошадь с санями. Я сдал аэродромной команде

«Святогор» и плюхнулся в эти сани рядом с Михаилом, которому уже перевязали руку. Местный снегоход мощностью в одну лошадиную силу потихоньку повез нас в Гошину резиденцию. Там я оставил раненого героя на попечение брата и медицины, а сам отправился в ангар — надо было выяснять, с чего бы это трос просто так взял и лопнул.

Выяснение не заняло много времени. Трос оборвался прямо в месте крепления к концевiku. По идее, этот концевик должен был вращаться на оси, пропущенной через качалку, но вот именно этого он и не делал по причине загустевшей от мороза смазки. Проверка остальных самолетов показала, что у одного трос точно в этом же месте уже начал слегка лохматиться. Пожалуй, это моя вина — привык я там у себя к синтетическим маслам и даже не подумал, что здешний аналог литола, изготовленный из бараньего сала, имеет совсем другой температурный диапазон. Пришлось распорядится сало со всех самолетов смыть и пока, до изготовления консистентной морозоустойчивой смазки, перед каждым полетом просто шприцевать все соответствующие узлы касторкой. Но делать этого не пришлось — уже на следующий день один из аэродромных техников представил на мой суд смесь графитовой пыли и лампадного масла — вот уж не могу ничего сказать про его состав, однако смазочные свойства оказались вполне приемлемыми. На первое время сойдет, а потом, глядишь, и наши химики во главе с Зелинским придумают что-нибудь более эффективное и технологичное.

Последний месяц в свободное от авиационно-педагогической деятельности время я с интересом наблюдал за зигзагами конструкторской мысли техника Налетова и примкнувшего к нему цесаревича. Поначалу, наслушавшись Гошиных стенаний о необходимости модернизации его корабля, Налетов хотел дополнительно к имеющейся паровой машине сунуть туда пару, а то и четверку тринклеровских дизелей, но даже беглый просмотр чертежей «Мономаха» показал, что в корме их просто некуда девать. Сразу возникла идея электропривода. То есть дизели монтируются где угодно и крутят генераторы, питающие ходовые электродвигатели. Это было уже осуществимо, но как показали расчеты, не нужно — прибавка скорости получалась порядка узла. Однако саму идею Налетов запомнил.

Гошины самоняряющие самолетопогрузчики удалось похоронить еще на стадии обсуждения. Вместо них Михаил Петрович предложил три крана с тентами, снимать самолеты с воды. Причем задним, по его уверениям, можно было пользоваться и на ходу. А потом вполне закономерно у него наконец соединились до того обрывочные понятия: «мины», «ныряющий»

и «дизель-электрический привод». Короче говоря, он сам дошел до того, ради чего его и пригласили, — до подводного минного заградителя и вскоре обещал представить эскизный проект.

А я в процессе изучения истории Русско-японской войны нашего мира тоже набрел на интересную мысль. Вот, значит, воюем мы с островным государством. Его снабжение — по морю. Значительная часть продовольствия в этом море и ловится. Понятно, что противник там господствует, иначе для него это не война, а самоубийство. Нам остаются крейсерские операции. А что такое крейсер? Он имеет способность к длительному автономному плаванию и развитию очень высокой скорости, зато вооружение — по минимуму. Он воюет только с невооруженным противником, а даже от миноносца убегает. То есть это пока что еще отнюдь не «Варяг» и уж тем более не достроенный «Аскольд».

Я прикинул водоизмещение такой посудинки — с учетом дальности в четыре тысячи миль, при условии использования дизельных движков, получилось всего-то тонн пятьсот. Правда, в шторм она будет чувствовать себя неуютно... Но ведь плавают люди на яхтах, и ничего! Но у яхты центр тяжести ниже центра давления, боевой корабль так, пожалуй, не скомпонуешь... Значит, катамаран. При небольшом водоизмещении это вполне реально, я лично такие видел в Голландии.

Так, два поплавка, в каждом дизель сил на тысячу с хвостиком, трехдюймовая пушка и торпедный аппарат. На перемышке — жилые помещения. Экипаж человек пятнадцать. Тесноту и прочие сложности службы можно компенсировать сверхвысокой оплатой и специально разработанными моральными стимулами — космонавты вон по полгода вообще черт знает в чем летают и не жалуются. Кино там, кухонный комбайн в местном исполнении, стиральную машину не забыть... Естественно, такая лодка сможет только топить корабли, никаких призов. То есть притеснять можно исключительно японцев, с нейтралами, пусть и везущими военную контрабанду, потом скандалов не оберешься. А японцам надо будет однозначно дать понять, что в военное время ловить рыбу можно только удочкой с берега, да и то перед этим хорошо замаскировавшись. Учитывая, что прибрежное рыболовство обеспечивает больше половины рациона японцев, они слегка похудеют, а то и... чего похлеще.

Незаметно для себя я увлекся и начал прикидывать проблемы. Первая — где строить? Не вопрос, в Германии, по нашему эскизному проекту, так как немцы спохватились и второй месяц обивают пороги Гошиной приемной на предмет покупки лицензии на «Святогоры». Причем строить

надо как мою личную яхту. Кстати, а почему «как», чем я не Абрамович? Пусть первый корабль из серии и будет моей яхтой, а с началом войны я ее патриотически пожертвую на общее дело. И заложенный еще при конструировании высокий уровень комфорта для экипажа будет вполне понятен. Заодно и Гоша успокоится, а то достал уже: мол, я тут ничего на себя не трачу.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, я собрался было сходить к Гоше и сказать, что тоже хочу корабль, но призадумался. Все-таки серьезную вещь прошу, а не домик или тройку с бубенцами. Надо родить официальную бумагу. Я сел творить. Возможно, недостаток опыта и сказался на канцелярских достоинствах моей цидули, но мне она понравилась. Вот что у меня получилось:

«Его Высочеству Георгию Александровичу Романову, цесаревичу, атаману, генералу, Великому Князю и вообще хорошему человеку.

От дяди Жоры, технического директора всего, что тут вертится, стреляет, летает и ездит, да к тому же полковника.

Всеподданнейшая попрошайная бумага.

Гоша, доколе? Доколе я буду, как последний босяк, иметь в качестве личного транспорта пару мотоциклов и квадр? „Святогоры“ не считаются, это не транспорт, а геморрой. И не надо мне предлагать всякие там повозки с любым количеством лошадей спереди! Хочу яхту. Недорогую, тысячу триста вроде должно хватить. Могу ли я надеяться, что ты с истинно великокняжеским размахом придушишь свою жабу и наклеишь поперек моей бумаги резолюцию „Согласен“?

С уважением,

Подпись. Дата».

В Гошином кабинете кроме хозяина был и его брат, великий князь Михаил. Увидев меня, он встал по стойке «смирно» и выдал:

— Господин генерал, разрешите обратиться к полковнику Найденову? Господин полковник, курсант Романов к полетам готов! Разрешение от врача получено.

— Вольно... э-э-э... курсант. Гоша, что за дела, кто у нас тут главнокомандующий? Мишель в последнем полете проявил себя настолько хорошо, что должен был перестать называться курсантом еще позавчера.

— Согласен, поволокитили немножко, но и с сегодняшнего дня стать сержантом — тоже неплохо.

Гоша выложил на стол украшенный печатями и чем-то еще приказ и подал брату пару погон.

— Поздравляю с первым авиационным званием, ваше благородие!

— Рад стараться, ваше высокопревосходительство, — серьезно сказал Михаил. Я с интересом глядел на него. Надо же, понимает, что полученные по факту рождения чины — это одно, а заработанное собственной, без преувеличения, кровью звание сержанта — совсем другое... Я сказал:

— Господин сержант, ваш полет в пятнадцать ноль-ноль. К моему приходу проверьте и примите самолет.

— Есть! — козырнул Михаил и вышел.

— Думаешь, из него будет толк? — спросил Гоша.

— Еще какой. Асом вроде Мишки ему, пожалуй, не стать, но нормальным летчиком он точно будет. А главное, есть подозрение, что у нас скоро появится первый хороший командир. А я к тебе, кстати, не просто так, а с официальным прошением.

— Это что же такое случилось? — изумился Гоша. — И где оно, кстати?

Я порылся по карманам и, найдя искомую бумагу в заднем брючном, расправил ее и выложил на стол.

— Вот!

Гоша с сомнением оглядел непрезентабельный листок, почитал, взял паркер и, написав на моем творении что-то явно длиннее, чем просто слово «согласен», положил в папку «К исполнению».

— Э, ты что это там накорябал, мне почитать можно? — забеспокоился я.

— Я точно не знаю, высочайшие резолюции просителям дают почитать в подлиннике или просто через секретаря осведомляют о результате? — задумалось высочество. — Ладно, конкретно в этом случае можешь ознакомиться лично, в знак признания некоторых заслуг. И в воспитательных целях тоже.

Гоша подал мне мой листок. Внизу было написано:

«Ну вот, вечно так, придумал что-то интересное и сразу себе. Эгоист! А о начальстве кто думать будет? Короче, повелеваю — строить это самое сразу в двух экземплярах. Я тоже хочу!

Дата. Подпись».

Глава 22

Незаметно наступила весна. Как раз к восьмому марта, которое еще не было никаким женским днем, Тринклер подготовил опытный образец своего двухтактного дизеля к сдаточным испытаниям. Кстати, этот двигатель по моему настоянию именовался «тринклером» — с творением господина Дизеля его роднила только способность воспламеняться от сжатия, остальное весьма отличалось.

Здоровенный чугунный картер на станине, цилиндр с хорошее ведро, выхлопная труба, уходящая в потолок, двухступенчатый топливный насос и компрессор — вот что я увидел. В торец маховика, от которого шли ремни отбора мощности, был установлен электромотор на чем-то вроде рельсов.

Густав пододвинул этот стартер к торцу вала и включил рубильник. Провернувшись несколько раз, движок завелся. Я, честно говоря, впервые видел одноцилиндровый мотор такого объема, а тут он еще и работал! На глаз было примерно оборотов двести, пол под нами трясся, но терпимо. И шум был всяко меньше, чем от испытывавшегося ранее авиационного мотора. Во всяком случае, в помещении можно было говорить, а не орать.

— Двадцать литров объема, сто пять лошадиных сил, сто семьдесят оборотов, — пояснил Густав.

— А расход какой?

— Пока двадцать пять литров в час, но, может быть, удастся немного уменьшить.

— И сколько он, интересно, будет так крутиться?

— Думаю, две тысячи часов продержится, — предположил Густав, — но это еще не все интересное. Вы же мне не зря давали материалы по наддуву? Пока он электрический, но потом можно будет сделать турбину от выхлопа. Смотрите.

Он подсоединил к двигателю толстый резиновый шланг, включил еще один рубильник. Движок чуть не заглох, но Густав, регулируя подачу топлива, вывел его на режим. Теперь мотор уже не чухал, а гудел, обороты увеличились раза в два, а то и больше. Вибрация, кстати, немного уменьшилась.

— Триста пятьдесят оборотов, почти двести сил, — прокомментировал Тринклер. — Но сколько он так проработает, я не знаю.

— Давайте прогоним его часов пятьсот в спокойном режиме, а потом дадим форсаж — и до конца, — предложил я.

— Хорошо, тогда я здесь организую вахты, и завтра, пожалуй, запустим.

— А сколько цилиндров можно будет объединять в один блок?

— Я рассчитывал на восемь, — пояснил Тринклер, — в ряд. Такой двигатель будет весить тонн семь, без наддува, про вес аппаратуры наддува я пока сказать не могу.

— И мы сможем их производить серийно?

— Если будем пытаться все делать сами — нет, — твердо сказал Густав. — Во всяком случае, не в ближайшие два года. Коленвалы точно придется заказывать где-то не в России, да и топливную аппаратуру тоже.

— Хоть весь движок по частям заказывайте, — вздохнул я, — если найдете где. Поздно его секретить.

— Почему?

— Потому что до большой войны осталось не больше трех лет.

Тринклер пару минут молча смотрел на свой двигатель, потом спросил:

— Вы это точно знаете?

— Нет, не точно. Но процентов восемьдесят уверенности у меня есть, в смысле, что война будет. А вот что мы ее выиграем, я и наполовину не уверен, зато знаю, что проигрыш будет означать конец Российской империи. Это я вам вчерне объяснил смысл всей нашей деятельности.

— И вы, с вашими возможностями, ничего не можете сделать?

— В смысле?

— Вы знаете и можете гораздо больше, чем просто талантливый инженер. И чем талантливый медик тоже. Я беседовал с вашим недавним гостем, господином Чеховым. По слухам, вы обладаете еще и влиянием на императора, а то, что Витте вас опасается, я видел сам. Я не прошу раскрыть ваши тайны, просто скажите — все настолько плохо, что вы действительно ничего не можете сделать?

— Боюсь, что все еще хуже, — признался я, — но я пытаюсь сделать хоть что-то, может, и получится.

— Значит, я готовлю чертежи заказных деталей, не дожидаясь конца испытаний? — подытожил Тринклер.

— Да, в крайнем случае, если выяснятся фатальные вещи, просто закажем по новой. Сразу на четыре восьмицилиндровых двигателя. А авиационный четырехтактник со всеми этими гигантами вы не забросили?

— Нет, но я прикинул, что там одноцилиндровый макет мало что даст, и прорисовываю сразу звезду-шестерку. Если не наделаю ошибок, то примерно через полгода что-то выйдет. Кстати, я собираюсь пригласить

сюда несколько способных студентов из Питера, что им обещать в денежном плане?

— Целиком на ваше усмотрение. И если попадетсЯ среди них человек для нас действительно ценный, обещать можете не только деньги. Я, как вы правильно подметили, кое-что могу и в медицине, да и связи кой-какие начали появляться.

— Знаете, — усмехнулся Тринклер, — один мой однокурсник — очень перспективный конструктор, но приехать к нам он сейчас не может. И вообще толком работать — тоже. У него несчастная любовь. Вот в этой ситуации я просто не знаю, что предпринять.

— Как что? Написать мне на бумажке, как его зовут, ну и про предмет вздыхания что-нибудь тоже, — хмыкнул я, — а там будем посмотреть, что тут можно сделать. И, возвращаясь к авиационному движку, почему вы решили сделать четное количество цилиндров?

— Даже не знаю, — немного растерялся Густав, — как-то это казалось очевидным, хотя... ну да, у нас же рабочий ход будет через один, и при четном получится две группы, а при нечетном равномерный переход по кругу... Действительно, надо прикинуть, как будет выглядеть семицилиндровый мотор.

От Тринклера я направился сразу в шестой отдел СБ и выложил перед его начальником только что полученную от Густава бумажку.

— Вот здесь два имени и общие сведения. Надо срочно копнуть поглубже. Во-первых, что вот это за человек, что он за страсть себе нашел и почему у них все не слава богу, с возможными подробностями. Работать аккуратно, это, скорее всего, наш будущий очень ценный инженер. Вопросы?

— Сроки?

— Если за неделю управитесь, будет хорошо. В крайнем случае — две недели.

То ли задача была простой, то ли шестой отдел понемногу набирался опыта, но через четыре дня я получил телеграмму с подробным отчетом. История была банальная. Из какого-то провинциального не то Зарайска, не то Саранска в Питер приехала молодая особа с целью этот самый Питер покорить. В качестве первого знакомства способный студент из небогатой семьи ее устраивал, но в качестве мужа — не очень. Стерве из Засранска хотелось большего. В какой-то мере ее притязания были оправданны, агент сообщил, что она не только красива, но и умна, да к тому же, судя по всему, имеет сильный характер соответствующей направленности. Далее агент предположил, что в нашем шестом отделе такие люди будут очень к месту.

Я немного подумал. Присылать ей приглашение от Гошиного имени, пожалуй, не надо. Обойдется. Я тоже не хрен собачий, и если молодая карьеристка не слышала про инженера Найденова, то агент явно преувеличил ее умственные способности. Так, а для чего она мне понадобилась? Пожалуй, надо написать как есть — для приватной обоюдоинтересной беседы. Расходы на дорогу и проживание оплачиваются.

Через полчаса соответствующие распоряжения ушли в Питер.

Через три дня у меня в кабинете сидела эффектная гостья.

Итак, она звалась Татьяна... ну и далее по тексту, причем скорее не пушкинскому, а народному. То есть, с моей точки зрения, это была, как потом будет говориться, комсомолка, спортсменка и просто красавица. Сидела она передо мной спокойно и с достоинством, несмотря на то что я, с целью получения дополнительной информации, встал и обошел вокруг нее.

— Давайте сразу перейдем к делу, — предложил я. — Вы, наверное, уже имеете предположения, в силу каких причин я пожелал с вами познакомиться?

Дальше был просто класс. Легким кивком и незаметным движением бровями дама дала понять, что вполне понимает причины, находит их весьма достойными и готова к соответствующим действиям, вплоть до прямо сейчас.

— Однако иногда первые предположения оказываются ошибочными, — вздохнул я. — Вот давайте представим себе на минутку, что вам удалось охмурить старого козла, то есть меня. Не буду спорить, технически это не очень сложно. — Гостья с интересом внимала. — В принципе можно предположить, что дело дойдет даже до женитьбы, хотя я плохо себе представляю, как вам удастся получить такой результат... — Дама легкой полуулыбкой дала понять, что она, наоборот, это себе представляет очень даже хорошо. — Предполагать, что вам удастся загнать меня под каблук, мы не будем, это ненаучная фантастика. И что? Вы же от этого не станете самостоятельной фигурой! Вторая роль, причем в данном конкретном случае без права голоса. Ладно, пусть вы найдете себе другого, который будет смотреть вам в рот. Максимум — генеральша, ну, для компенсации, она своим генералом вертит как хочет... И это все? Да знаю я, что вы хотите сказать. Мол, поживите лет десять в этом, как его, Мухосранске, а потом рассуждайте. Так?

В этот момент, как всегда, без стука в мой кабинет сунулся Гоша, но,

обозрев картину, замер в изумлении. Очень к месту, подумал я и сделал рукой предостерегающий жест:

— Высочество, можно чуть попозже?

Ошарашенный Гоша испарился.

Вот тут Татьяне все-таки изменило самообладание, и теперь она глянула на меня с откровенным испугом.

— Э... это б-был сам?..

— Да, его высочество, наследник престола, — отмахнулся я. — Лезет, понимаешь, без доклада, а мало ли чем я тут могу заниматься... — «Кстати, а сам-то я иногда к нему как ломлюсь? — вдруг подумал я. — Надо будет обратить внимание на свои манеры». — Однако давайте вернемся к нашим делам. Я хочу сделать вам предложение. Вижу, вы уже и в мыслях не держите, что руки и сердца, это правильно. Хотите стать фигурой? Настоящей, не при ком-то. Чтоб при вашем приходе куда угодно народ шептался по углам — смотрите, да смотрите же, это сама Татьяна... — Я сделал паузу. — Кубышкина!

Упомянутую Татьяну аж слегка перекосило.

— Вот-вот. Фамилия, мягко говоря, для такой роли не подходит совершенно, к этому мы еще вернемся. А пока представьте себе, что мне, скажем, нужны какие-то секретные сведения. Ладно, если они на бумаге, ее можно скопировать или просто выкрасть, соответствующие люди у меня есть. А если это пока просто чьи-то мысли?

Татьяна подалась вперед, она начала понимать, к чему идет дело.

— Мелко плавааете, — заметил я, — если думаете, что каждую агентессу для таких поручений я буду вербовать сам. Продолжим, однако. Кроме добычи сведений в жизни случаются и другие надобности. Иногда, поверьте, встречаются такие фигуры, которых по многим причинам ну совершенно необходимо ликвидировать...

— Что?

— Убить, — пояснил я. — Так вот, для этого можно просто кого-то нанять. Скорее всего, потом кто-то что-то узнает, и может получиться неудобно. У меня, разумеется, и для этого есть люди, целая группа в отделе, они могут сделать все очень чисто, но ведь подозревать-то все равно будут! А вот если означенная фигура вдруг скончается сама собой, да не просто так, а в самый интересный момент, прямо на даме... есть хитрые реактивы, для способствования такому исходу... то здесь будет не просто акт устранения, но еще и удар по репутации! Такое дело, не копая глубоко, просто постараются побыстрее забыть.

Я достал из стола «Аполлон», взял себе и предложил гостю. Она

машинально закурила, даже не обратив внимания на совершенно непривычный вид сигареты.

— Да, продолжим про всякие женские дела, — выпустил дым я. — В том отделе, про который я намекнул, женщины есть. Как раз примерно для таких задач. Но руководят ими мужчины, и, возможно, в силу этого возможности агентесс используются не самым лучшим образом, я бы сказал, не творчески. Я хочу создать еще одну такую службу, свою личную. И рассматриваю вас как одну из кандидатур на пост ее руководителя. Если хотите отказаться, делайте это прямо сейчас, вам дадут денег за беспокойство и билет до Питера. Если же вы согласитесь, но потом начнете как-то проявлять нелояльность, я просто вынужден буду отдать кому надо соответствующий приказ... ну, вы понимаете.

Я внимательно наблюдал за Татьяной. Так, испуг вроде прошел, она задумалась... Ага, решение принято. Красавица мило улыбнулась.

— Разумеется, я согласна, — сообщила она. — И даже не буду специально расспрашивать о поощрениях за хорошую работу.

— И зря. Деньги, влияние, возможно, даже титул со временем — это само собой. А вот сохранение молодости и здоровья — надолго — оно что, вас совсем не интересует?

— Значит, правду говорят, что вы и это можете?! — привстала дама. — Господин Найденов, что я должна сделать, чтобы перестать быть «одной из кандидатур»?

«Интересный момент, — подумал я. — Если она сейчас начнет якобы невзначай расстегивать пуговицы или еще не знаю что, то я в ней ошибся». Но нет, Татьяна снова села и внимательно посмотрела на меня, словно боясь пропустить хоть полслова.

— В общих чертах вы мне подходите, — сказал я, — но, наверное, в России можно найти еще десяток не хуже вас. Однако перед этим десятком у вас есть серьезное преимущество, и вы можете им воспользоваться. Начну издалека. Знаете, такие красавицы, как вы, да еще и умные, — это редкость. Но хороший инженер редкость никак не меньшая. Его приходится долго искать, потом создавать ему все условия для работы, можно сказать, лелеять... Одного такого я нашел. Рассчитать процессы, происходящие в вихревой камере дизеля, — это, я вам скажу, та еще задачка, а он с ней справился играючи. Но как часто бывает, он мало приспособлен к суровым реалиям жизни, его постоянно нужно поддерживать и направлять. А тут еще с ним приключилась беда — он встретил фантастическую девушку, влюбился в нее с первого взгляда, вот теперь страдает вместо работы... Это я про вашего Сережу.

— Но он же рохля... — растерялась Татьяна.

— Не спорю. К самостоятельной инженерной работе он непригоден, но как помощник нашего главного инженера Густава Тринклера будет незаменим, это мне сам Тринклер и сказал. А значит, надо сделать так, чтобы этот Сережа вдруг стал безмерно счастлив и на радостях начал сворачивать горы. Любая из кандидатур на ту самую должность в первую очередь получила бы именно это задание. Вам с ним проще справиться — вот ваше преимущество.

— То есть вы приказываете мне выйти за него замуж?

— Вовсе нет. Я вам поставил задачу. Добавлю, что эффект мне нужен долговременный, а не на месяц-другой. Как вы этого достигнете — не мое дело. Но, кстати, фамилия Князева будет звучать куда лучше той... вашей.

— Я с вами согласна, — мило улыбнулась собеседница, — но хотела бы задать вам два вопроса. Можно?

— Валяйте.

— Вы ведь будете постоянно в курсе семейных дел помощника вашего главного инженера, правда? И...

— Понятно. Если вы вдруг случайно позволите себе невинные шалости на стороне, но они никак не отразятся на душевном состоянии и работоспособности опекаемого, то на здоровье, мое какое дело. А вот если отразятся, придется принять меры. На первый вопрос я ответил?

— Да, но я надеюсь, в будущем вы не откажете мне в более подробных объяснениях, — стрельнула глазками дама. И, сразу посерьезнев, задала второй вопрос: — С первым заданием я справлюсь, можете не сомневаться. Но ведь будут же и другие, а у меня совсем нет опыта...

— А у кого он есть? Наберетесь. Литературой для ознакомления со спецификой вашей новой деятельности я вас обеспечу, советом по мере возможности помогу. Если вы именно по неопытности провалите какое-нибудь дело, то это скорее я буду виноват, что вам его поручил. Ну а если... я про это уже говорил. Тут, правда, не помешает добавить вот что. В уже существующем отделе ведь тоже могут оказаться не выдержавшие соблазнов сотрудники, и сейчас получается, что контролировать и при случае принимать меры, вплоть до ликвидации, они должны самостоятельно, а это идиотизм. Так что вам придется освоить вот это направление, причем побыстрее.

— А они тоже будут контролировать меня и в случае чего принимать меры, так?

— Разумеется.

— Тогда я прямо сейчас схожу на телеграф сообщить моему

ненаглядному Сереже, что мне предлагают отличную работу в Георгиевске, но вынести столь долгую разлуку с ним я не в силах!

— Рад, что я в вас не ошибся. — Я встал и проводил даму до двери. Как только она скрылась за поворотом коридора, на другом его конце появились Гоша с Машей. По трудноописуемому выражению их лиц было понятно, что они направляются меня спасать. Я чуть не заржал в голос.

— Ребята, заходите. И приведите морды в человекообразное состояние, а то мне так прямо разговаривать с вами неудобно. Гоша, тут имело место не то, что ты подумал, входя, и уж тем более не то, про что ты решил, вылетая из моего кабинета. Это называется «вербовка». Правда, получилось несколько коряво, ну ничего, зато опыт приобрел.

— Так она тебе не... — облегченно вздохнула Маша. — Ух, а я уж подумала, что ты вместо своей горничной решил вот такую стерву завести. Да, кстати, ну неприлично в твоём положении не иметь соответствующей любовницы из высшего света! Мне фрейлины Алисы про тебя все уши прожужжали.

— А что она будет делать? — спросил Гоша.

— Думаю, для начала, не спеша, вдумчиво, займется окружением твоего дяди-адмирала. Не фиг всяких Балетт раскармливать, пусть это будут наши девушки.

Маша приподнялась на цыпочки и шепнула:

— Если эта вздумает виться вокруг Гоши...

— Разумеется, — кивнул я, — сразу придушат в темном углу. Она не дура, понимает, но я обязательно еще заострю на этом ее внимание.

Глава 23

— А вообще-то мы вот зачем к тебе шли, — сказал Гоша, кладя на мой стол папку. — Как ты, наверное, в курсе, сейчас имеет место мировой экономический кризис, первая фаза. Начался он в Штатах, и мы там хорошо погрели руки, так что можешь смело удваивать расходы даже на сомнительные проекты. Я тут подвел итоги, и в пределах трех миллионов на этот год тебе вообще карт-бланш, то есть лично тебе, финансирование общей программы идет отдельно. Ты, кажется, хотел аэродинамическую трубу. Той, что поставили Жуковскому, уже мало?

— Мне прямо сейчас начинать довольно потирать потные лапки или дальше будет еще интереснее?

— Судя по совсем недавним событиям, — вставил шпильку Гоша, — предсказать направление развития твоих интересов затруднительно. Так что сам решай, что и когда...

— Подтирать, — ехидно вставила племянница.

— Так вот, — продолжил Гоша, — кризис добрался и до России. Конкретно нам он не угрожает, наоборот, появляются дополнительные возможности. Вот тут материалы по четырем огромным компаниям, которые мы можем прибрать к рукам, три из них скоро обанкротятся, а четвертая будет испытывать серьезные трудности. Но мы можем поглотить максимум две из них. Наш с Машей выбор уже сделан, но хотелось бы услышать, что ты думаешь по этому поводу, с инженерной точки зрения.

— Начнем с конца, что там за четвертая компания... — Я присмотрелся. — Нет, вот это, пожалуйста, без меня. С инженерной точки зрения спать мордой в салате надо после литра именно «Смирновки», а вовсе не «Георгиевки» или «Найденовки». В общем, руки прочь от русской национальной святыни, а с остальными... Экономические задачи я решать не умею, так что получайте мнение дилетанта.

— Давай, — откинулся на спинку стула Гоша.

— Тут у вас много написано, можно вкратце? Вот Поляков — это что?

— Банки, акции торговых предприятий и железных дорог, недвижимость, — перечислила Маша.

— То есть торговец воздухом, прямой конкурент вам с Гошей, значит, его следует придавить, — подвел предварительный итог я. — Его банки вам нужны?

— Очень, мы пока вполне успешно сотрудничаем с Московским

промышленным... Это Второв. Но свой банк, а то и несколько, скоро будут необходимы.

— Значит, вот тут ставим крестик и идем потихоньку дальше.

— Семейное дело Половцовых, горнодобывающая промышленность на Урале, — продолжила Маша.

— Что-то вроде знакомое, дайте припомнить... Уж не Александр ли Александрович?

— Да, а ты что, тоже им интересовался?

— Я его в Питере на Рождество видел, — поморщился я. — Хорошо, что трезвый был, а то дал бы в морду, на редкость неприятный экземпляр. Его, по-моему, Витте скушать хочет, может, не будем мешать? И потом, наше производство — это в основном хай-тек, цена сырья на себестоимость почти не влияет. А последним пунктом что?

— Банкротство Алчевского.

— Ну-ка, что тут у вас про него? Вроде поинтереснее. Опа, а что это он, седьмого мая под поезд бросится, лавры Ани Карениной покоя не дают? Неэстетично-то как... Пожалуй, я этим займусь. Если клиенту так уж приспичит под что-нибудь бросаться, лучше пусть под мотоцикл, выделю под такое дело специальный. Синяки мы ему залечим, нехай наши медики тренируются, и можно по новой, авось раза с третьего — пятого и передумает.

— Ну, — сказал Гоша, — мы, собственно, и решили поглотить финансовую империю Полякова, а на остальных банкротствах просто немного заработать.

— А не мелко ли мы, друзья, плаваем? — засомневался я. — Взять только то, что и само на последнем издыхании. А помочь достичь этого состояния кому следует, кризис ведь? Вон в Николаеве якобы бельгийский судостроительный завод имеется. Он разоряться сам собой вроде не собирается, но мы-то на что? Тут и Витте не жалко подключить, да и Николаю на мозги покапать можно... А то летом «Мономах» на реконструкцию придет, и что его, отдавать в чужие руки?

— Может возникнуть международный скандал, — заметил Гоша.

— Вот и надо загодя прикинуть, с кем мы будем скандалить и как. Давайте вы соберете сведения по финансам этой конторы, а я — по персоналиям, потом вместе прикинем общий план действий и его внешнеполитические последствия.

— Это тебе не нефтеприиск в Грозном у местного заводчика купить за полцены, — усомнился Гоша, — тут мои титулы не сработают, пожалуй...

— Пусть сработают наши знания, — заметила Маша. — Зря, что ли,

мы с тобой несколько мегов про рейдерство скачали? Самое время применить.

— Вот-вот, а мы тут пока по старинке...

Я взял трубку и, услышав голос секретаря «Слушаю, Георгий Андреевич», сказал:

— Пригласите ко мне начальника шестого отдела.

На сей раз перед ним была поставлена серьезная задача, куда сложнее, чем разобраться в сердечных делах Сергея Князева. Во-первых, нужно было составить подробное досье на все руководство завода «Наваль» в Николаеве. Привычки, наклонности, грехи... Если у кого-то таковых нет, то продумать, чего не хватает для их появления. Но это были еще цветочки. Ягодки же заключались в том, что, во-вторых, такую же работу нужно было проделать и в отношении бельгийского банкира Роберта Сюрмонда — именно он являлся главным акционером «Наваля».

А вечером я читал доклад филера о действиях Татьяны. Он был коротким. Отправив три телеграммы, она поселилась в гостинице и по настоящий момент находилась там. Тексты телеграмм прилагались. Первая по объему если и недотягивала до «Войны и мира», то лишь немного. Целиком я ее не осилил, но при чтении по диагонали слог мне показался неплохим: «только разлука заставила меня наконец понять», «наши незабываемые встречи», «вижу тебя в каждом сне»... Чуть потренироваться — и на досуге девочка сможет писать дамские романы. Вторая телеграмма была в Зарайск, совсем короткая: «Приезжай в Георгиевск здесь твой шанс». Адресат — Ольга Кубышкина, рядом приписка — «мл. сестра, 17 лет». Третья содержала такой же текст, но адресовалась в Питер, некой Ксении Собакиной, и имела приписку «выясняется».

Я уже собирался ложиться спать, когда раздался телефонный звонок из СБ. Оказывается, по Сюрмонду у них уже что-то имелось. Через десять минут посыльный был у меня. «Что-то» оказалось всего лишь письмом для Гоши. Послано оно было в Аббас-Туман, но пришло, когда наследника там уже не было. Потом в компании с несколькими другими прокатилось в Питер и наконец оказалось в Георгиевске, но в тот момент как раз разворачивались первые спекуляции, и Гоша просто велел находящейся в его подчинении СБ прочитать все и доложить, если обнаружится что-то интересное. Письмо было на французском, но в СБ, естественно, давно знали, что ее теперешний шеф владеет всего тремя языками — русским

письменным, русским непечатным и английским универсальным, поэтому перевод прилагался.

У Сюрмонда была дочь, а у дочери — туберкулез. Несмотря на многочисленные визиты в лучшие клиники, дело уверенно двигалось к финалу. Письмо представляло собой несколько раз повторенную просьбу к Гоше — поделиться секретом исцеления.

Я написал записку с приказом сверхсрочно узнать состояние дочери на сегодняшний момент и, исходя из того, что она еще не сыграла в ящик, начал обдумывать свои вытекающие из этого действия.

Утро — лично я считаю одиннадцать часов утром — началось для меня разговором с директором Георгиевского департамента охраны материнства (сокращенно ДОМ), в роли которого, ясное дело, выступала все та же Татьяна. Вышеупомянутая директриса за ночь успела родить несколько дельных мыслей и даже изложить их на бумаге.

— Мне кажется, что руководящий состав лучше всего представить как ваших любовниц, — твердо сказала она. — Иначе частые контакты будут смотреться несколько подозрительно. В случае со мной я осмелилась бы попросить вас делать вид, что вы меня домогаетесь, а я хоть и с трудом, но храню верность своему мужу.

— Да на здоровье, подмогаюсь маленько, мне нетрудно, — кивнул я. — А эти две, которых вы уже вызвали, будущий руководящий состав?

— Моя сестра — точно нет, — нисколько не удивилась моей осведомленности Татьяна, — Ксения — пока не знаю. Я предполагала, что назначать руководство будете вы.

— Я буду его утверждать, и это разные вещи, — заметил я. — А основной состав, его вы под что будете маскировать?

— Женский монастырь — это тренировочная база и штаб-квартира, — заглянула в свои бумаги Татьяна. — При нынешней продажности церковных иерархов вполне можно это устроить. Кроме того, я случайно узнала, что у вас здесь очень хорошо развито искусство фотографии, а упомянутые иерархи вряд ли воздержатся от визитов к нам...

— Согласен, а еще?

— Еще я думаю про публичный дом и театр, и даже появилась мысль их как-то объединить.

— Это называется эротический театр. Мысль дельная, но вот только в Георгиевске мне такого гадюшника не надо. В Питере ему самое место. Вообще на эту тему проконсультируйтесь с Машей, она вам поможет.

— Мне показалось, что госпожа Островская относится ко мне

несколько неприязненно, — наябедничала директриса.

— Правильно, не фиг было глазками в сторону великого князя стрелять. Видели-то его в первый раз и всего три секунды, а туда же... Значит, если без шуток, то я вас серьезно предупреждаю: в случае возникновения у Георгия Александровича интереса к вам как к женщине, причем неважно, кто был инициатором, как минимум ваша карьера закончена.

— Понятно, не волнуйтесь, я не самоубийца, — улыбнулась дама. — А под какую задачу мне начинать набор персонала?

— Кроме вашей личной операции с женитьбой предстоит еще вот что. Есть у Георгия Александровича дядя Алексей, генерал-адмирал.

— Семь пудов?

— Они самые. Кроме жратвы и выпивки этот субъект до крайности равнодушен к дамам. Но вьются вокруг него в основном какие-то заграничные девки, а надо, чтоб были наши. Изучите обстановку, прикиньте количество исполнительниц, будут ли они меняться последовательно или по кругу, как их к нему подвести... И еще нужны кадры для заграничных заданий, то есть со свободным знанием европейских языков.

— Ксения как раз свободно говорит по-английски, по-немецки и по-французски, — заметила Татьяна, — но только она не очень красива. Фигура отличная, а вот лицом немножко на лошадь похожа.

— Подумаешь, лошадь! Нам и бегемот при правильном использовании пригодится. Так что зайдите в канцелярию, там вас официально оформят. Счет вам уже открыт, вот реквизиты. Действуйте!

После ее ухода я позвонил Маше:

— Племянница, у меня к тебе просьба. Тут скоро к тебе зайдет моя протеже, помоги ей с организацией эротического театра. Ну и вообще проконсультируй ее в смысле последних достижений в области секса, а то тут народ совсем дикий.

— Да уж такую ... мне только и консультировать, она сама кого хочешь за... законсультирует насмерть! Видео ей, конечно, показывать нельзя?

— Видео нельзя, а вот картинки вполне можно распечатать. Так я могу на тебя надеяться?

— Ладно, чего уж там, помогу, а то ведь иначе сам возьмешься — и тогда все, прощай, любимый дядя!

Через неделю мне сообщили — дочь Сюрмонда жива, состояние по сравнению с прошлым годом немного ухудшилось, но пока она

транспортабельна.

Гоша написал Сюрмонду письмо, где сообщил, что ему наконец удалось уговорить меня (ужасного, совершенно невозможного человека) заняться его дочерью. Далее он заранее просил извинения за мое высокомерие, эксцентричность, временами переходящую в неприкрытое хамство, и часто случающиеся приступы патологической алчности. Вообще-то в списке моих «достоинств», который я же и написал, пунктов было гораздо больше, но его высочество твердо сказал, что это слишком, и вымарал половину. Мы с ним решили разыграть спектакль про двух следователей, где Гоша застолбил роль доброго.

Тем временем понемногу прибывали вызываемые Татьяной будущие Маты Хари и прочие маркизы Помпадур. Поговорив с Собакиной, я тут же поставил шестому отделу задачу — отправить пару человек, одного в Австралию, другого в Канаду. Каждый пусть ищет там небогатую девушку, из простой семьи, похожую вот на эти фотографии. И чтобы она была согласна на несколько лет уехать работать в российскую глубинку, где за очень хорошие деньги она потрудилась бы гувернанткой, учительницей английского или неважно кем еще. А Ксению я пока направил учиться летать — давно пора было иметь своего человека в Англии, желательно поблизости от де Хэвилленда, который, по отрывочным слухам, уже достиг определенных результатов. Про дела во Франции со временем тоже не помешает узнавать из первых рук, но пока хватало и газет. Они там отличались совершенно восхитительной болтливостью, так что о делах Сантос-Дюмона и недавно занявшегося авиацией Фармана я был в курсе. С Германией же все было просто замечательно — граф Цеппелин писал мне часто и подробно, и не только про свой дирижабль L-2.

А кроме плетения интриг и подготовки шпионских страстей мне скоро предстояло взвалить на свои плечи еще одно направление — ракеты. Я долго сомневался, прежде чем пригласить к нам Циолковского. Он, конечно, талантливый ученый, и неважно, что совершенно непрактичный, я не собирался вешать на него административные функции. Основные опасения внушало то, что Константин Эдуардович был идеалистом и мечтателем, а я таких людей всегда как-то не очень хорошо понимал, поэтому несколько опасался. Но все-таки, подумав, решил, что пусть лучше он мечтает себе здесь, под нашим присмотром и не в такой нищете, как до этого. И желательно подольше не посвящать его в тонкости планируемого применения ракет.

Зелинский уже был озадачен разработкой медленно горящих порохов для ракетных двигателей, и я, вспомнив свои занятия ракетомоделизмом, посоветовал ему попробовать кроме пироксилиновых, смеси сахара с калиевой селитрой, так называемые карамельки, а также эпоксидно-аммониевые. Оптико-механический завод, к которому так и приклеилось неофициальное название «Гомосек», уже сделал хоть как-то работающий гироскоп и под моим присмотром сейчас занимался разработкой релейной автоматики. Оставалось найти руководителя проекта. В голове, кроме строчки из Высоцкого «Где взять? — у нас любой второй в Туркмении...», никаких дельных мыслей не появлялось. Сходить, что ли, в свою Москву, поискать в Интернете? Так ведь мне нужно, чтобы человек был толковым инженером и администратором именно сейчас, а не оставил после себя следы, обнаруженные через век. Это все-таки разные вещи.

Ладно, пишем распоряжение в секретариат, чтобы заранее организовали дом Циолковскому, у него это был пункт — хороший дом. Кем он тут у нас будет? Пожалуй, пусть моим научным консультантом, с окладом сто рублей в месяц.

И отдельно приказ шестому отделу — подобрать кандидатуру на роль руководителя нашего ракетного проекта, приблизительный список требований прилагается.

Глава 24

«Количество Михайлов в Георгиевске растет ударными темпами», — подумал я, приглашая своего гостя садиться. Бывший казачонок, а ныне младший лейтенант Мишка-ас, Налетов — два, третий — высочество... Вот и еще один появился, найденный шестым отделом на роль руководителя нашего ракетного проекта. Примерно ровесник мне или чуть помоложе, полковник-артиллерист, Михаил Михайлович Поморцев.

— Я давно слежу за вашими достижениями, еще со времен первых путаных сообщений о полетах в Аббас-Тумане, — сказал он после взаимных представлений. — И рад, что наконец довелось познакомиться лично.

— А мне про ваши успехи в авиации и смежных областях доложили совсем недавно, — признался я, — и вот поэтому я вас и пригласил. Чтобы не ходить вокруг да около, давайте я сразу поделюсь своими планами. Вам не надоело регулярно ругаться со своим артиллерийским начальством? Это я к тому, что со мной собачиться при желании можно ничуть не хуже, а возможностей для научной деятельности, если вы перейдете на работу к нам, будет гораздо больше.

— Вот как, — развеселился Поморцев, — и чем же вы мне предлагаете заняться?

— Ракетными двигателями и разработкой новых приборов для навигации и управления. Если же у вас появятся какие-либо инициативные разработки, это будет только приветствоваться. Я тут собираюсь создать специальное подразделение, особое техническое бюро, и сватаю вас на роль его начальника.

— Ну раз сватаете... Вроде невесте не положено соглашаться сразу, для приличия помолвиться маленько, но я не невеста и приму ваше предложение. А как конкретно будет выглядеть мой переход на работу к вам?

— Да как хотите. Можете уволиться со службы и наняться к нам как штатское лицо. Или я могу сделать так, чтобы вас прикомандировали к нам, но этот вариант мне не очень нравится. В этом случае вы теоретически остаетесь в подчинении у вашего прежнего начальства, что не есть хорошо. Можно устроить вам перевод в авиацию со сменой звания на того же полковника, но в этом случае придется получить диплом летчика-наблюдателя, это пять полетов.

— Очень интересно, — оживился собеседник, — давно хотел полетать на аэроплане. В случае перехода в авиацию моим начальством будете вы?

— Да, а надо мной только его высочество цесаревич, на этом начальственная пирамида заканчивается.

— И какой конкретный результат от меня потребуется?

— Самолет с ракетными двигателями. В проектировании самолета окажу помощь я, порох для ракет вам сделает Зелинский. Слышали про такого? Но руководить всей работой будете вы, параллельно с организацией самого Остехбюро и его материальной базы. Да, что касается оклада. Тысячи полторы вас устроит? В месяц, естественно, а не в год.

— Ничего себе, — удивился Поморцев, — это у вас такое содержание полковника?

— А хрен его знает, — честно ответил я. — Во всяком случае, сейчас полковники авиации получают примерно столько. Правда, их мало, пока только один я.

Перед беседой с Циолковским, который приехал через два дня, я соответствующим образом настроился. Пару раз спел сам себе «На пыльных тропинках далеких планет...», перечитал «Страну багровых туч» и «Звезду КЭЦ», освежил в памяти расстояние до Луны, Венеры и Сириуса. В результате Константин Эдуардович, встретив в моем лице столь горячего сторонника экспансии человечества в космос, был потрясен до растроганности и обещал в ближайшее же время закончить свое «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Восторженно заявив, что это архиважно, я попросил его еще и составить несколько уравнений для частных случаев движения тела переменной массы, а также при необходимости консультировать не только меня, но и начальника Остехбюро. Поинтересовался: не хочет ли уважаемый Константин Эдуардович съездить в Германию, познакомиться с графом Цеппелином и его дирижаблем? Возможно, удастся подсказать графу какое-нибудь удачное решение.

Похоже, мне удалось достичь своего, и от меня Циолковский ушел воодушевленным по самое дальше некуда.

А я, вздохнув, сел читать бумагу от информбюро — план мероприятий по подготовке общественного мнения к скорому открытию Санкт-Петербургского эротического театра.

В апреле младшее высочество Михаил Александрович закончил курс обучения на «Святогоре» — дальнейшие его полеты на этой каракатице

были бессмысленны и привели бы только к закреплению вредных навыков. В обстановке сильно повышенной торжественности (то есть в мундире был не только Гоша, но и я тоже) ему был вручен диплом. После чего свежее испеченный пилот пригласил нас отметить это событие в лучшем ресторане Георгиевска — «Путаниуме». Ей-богу, я тут был ни при чем, Мишель сам выбрал именно этот пункт общепита. А вот вообще к его появлению у нас некоторое отношение я имел. Во всяком случае, смета на его организацию, представленная Татьяной (уже Князевой), была утверждена именно мной, да и название придумал тоже я. Оно представляло собой облагороженный вариант, основанный на Машинной возмущенной реплике: «Все-таки устроили тут б...дюшник!»

После поздравлений зашел разговор о дальнейшей карьере Михаила. Он сразу сказал, что видит ее связанной с авиацией. Мы с Гошей уже обдумывали такой вариант, и у нас было что предложить младшему брату царя.

— Царицынский филиал, — сказал Гоша. — То есть летная школа плюс место постоянной дислокации Особого казачьего отряда. При любой другой кандидатуре обязательно встанет вопрос, что это разные ведомства, но великий князь без проблем сразу может быть назначен моим заместителем и как августейшего атамана, и как главнокомандующего ИВВФ.

— Постойте, — захотел уточнить Михаил, — если я правильно понял, тогда в ранге я сравняюсь с Георгием Андреевичем и выйду из его подчинения?

— Можно сделать и так, — не стал отрицать Гоша, — а можно и по-другому. Например, ты будешь вторым заместителем главкома, подчиненным первому, то есть Жоре.

— Первый вариант — это только дань якобы имеющимся у меня амбициям, — твердо сказал Михаил, — и я, по-моему, пока не давал повода подозревать у меня их наличие. Все равно делами летной школы будешь заниматься не ты, а господин Найденов, и первый вариант приведет только к лишним недоразумениям. Я уже достаточно здесь обретаюсь, чтобы понять действительный статус Георгия Андреевича, и не вижу ничего зазорного в том, чтобы служить в авиации под его началом.

— Тогда присваиваем Мишелю... ну, скажем, капитана? — уточнил Гоша.

Упомянутый Мишель перевел взгляд с брата на меня.

— А зачем? — поинтересовался я. — Любому другому — да, надо было бы, может, даже подполковника, хотя бы для соответствия должности,

ну и для авторитета. Но великие князья занимают особое положение, и в данном случае не возникнет вопросов, почему он в таком небольшом чине занимает столь высокие должности. Зато и не будет перешептываний о том, что Мишель сразу после летной школы получил капитана только потому, что он брат главкома и брат царя. По результатам обучения лейтенанта вы вполне заслужили, ну а дальше нормальным порядком растите в чинах, должность позволяет.

Мишель кивнул.

— Ладно, приказ будет завтра утром, — заключил Гоша.

Официантка принесла десерт с напитками и, наклонившись, начала расставлять по столу. Мишель с интересом обозревал открывшуюся ему картину.

«Эх, — подумал я, — приставить бы к нему кого-нибудь из Таниных девочек... Но нельзя, он теперь вроде как свой. Или все-таки можно, если официально, как личного порученца? Да и вообще, в царицынском филиале нужен и какой-то филиал этой службы, надо Татьяне сказать...»

Решив обдумать морально-этические аспекты данной проблемы позже, я потянулся к пиву.

Обдумывание произошло ближе к вечеру, когда перед концом рабочего дня я зашел в департамент охраны материнства. Три мымрочки при моем появлении уткнулись в бумаги — они были специально наняты для организации ясель, роддома и прочего, а что касается основного рода деятельности своей начальницы, пребывали не в курсе. Не обратив на крысок внимания, я прошествовал в кабинет их директрисы, где меня уже ждали чай и Татьяна.

Пока дверь еще была приоткрыта, я громогласно поприветствовал хозяйку: «вы сегодня особенно неотразимы, Танечка» и, выслушав в ответ «ну что вы, Георгий Андреевич, мне прямо неудобно», захлопнул дверь, обладавшую, как и весь Танин кабинет, улучшенной звукоизоляцией.

Вообще-то, вербуя Татьяну, я имел в виду создать всего лишь группу для подкладывания ее персонала в постель нужным людям. Но Татьяна явно оказалась способна на большее, особенно после прочтения специально для нее отредактированных материалов о работе спецслужб двадцатого века.

— Про вашу неотразимость я вам уже сказал, теперь давайте займемся чужой, — предложил я.

— Давайте, — согласилась Татьяна. — Относительно Алексея Александровича. Я собрала предварительные сведения, и они несколько

отличаются от тех, на основе которых принималось решение об операции.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался я.

— Он не патологический бабник, совершенно. Он просто избалован женским вниманием и не может противостоять квалифицированному натиску, в отличие от... некоторых... — Тут дама слегка улыбнулась, но я нахмурил брови, и она посерьезнела. — Его одна из первых, по некоторым сведениям, даже первая женщина, фрейлина Жуковская, окрутила восемнадцатилетнего мальчика всего за два месяца, это включая женитьбу! А ей тогда было двадцать шесть. Он ей хранил верность вроде бы...

— И Александр Второй спокойно смотрел на такие выкрутасы фрейлин своей супруги? — изумился я.

— Нет, по его настоянию брак был расторгнут, Алексей отправлен в кругосветное путешествие, а Жуковская выслана из России.

— Да уж, та еще историйка, мне даже жалко мальчика стало, но продолжайте.

— Со второй, графиней Богарне, он тоже жил душа в душу, а измены если и были, то эпизодические и не влияющие на их отношения. Причем, насколько удалось узнать, во всех случаях инициатива сближения исходила от женщин. Сейчас, после смерти графини, у него начинается роман с француженкой Элизой Балеттой. И она появилась в окружении объекта не случайно, ее туда ввел князь Волконский.

— Из каких соображений, известно?

— Точно нет, но, скорее всего, он просто хочет упрочить свои связи в верхах. Балетта сама по себе не очень умна и вполне может быть просто марионеткой.

— Вот ведь гад, под ногами путается, — вполне искренне возмутился я. — Ладно, это я шестому отделу поручу.

— Ну я себе примерно представляю, что они сделают, — улыбнулась дама, — сожгут дом, отравят любимую собаку, а потом поймают князя в подворотне и переломают ребра.

— У вас есть другие предложения? — поинтересовался я, а про себя подумал, что в чем-то она права, пусть работают как можно тоньше. — Нет? Тогда при их появлении я вас обязательно выслушаю, а вам хотел поручить разобраться с Балеттой. Упаси боже, не силовыми методами, но в Питере она нам совершенно не нужна.

— Пугать можно?

— Только так, чтобы это было якобы связано с чем-то другим, не с Алексеем.

Дама кивнула.

— Возвращаясь к операции, — продолжила она, — я предлагаю готовить не несколько сменяющих друг друга исполнительниц, а одну, главную, на возможно более долгий срок, и двоих держать на подстраховке, чтобы случайные увлечения происходили не с кем попало и не имели серьезного продолжения.

— Кандидатуры имеются? — поинтересовался я.

— На главную роль — да, моя сестра, Ольга. В данном случае ничего придумывать не надо, оставить все как есть. Молодая провинциалка приехала в Питер, устроилась в наш театр, потому что куда ей было еще деться, без всяких связей? Благодаря врожденному таланту быстро выдвинулась на первые роли, но в душе все время тайком мечтала о большой и чистой любви, каковая и явится к ней в лице нашего объекта.

— А точно явится?

— Обязательно, — твердо сказала Татьяна. — Он уже интересовался данным театром, то есть еще до открытия, причем сам, без нашей помощи. Есть несколько вариантов, как подвести его именно к Оле. Во-первых, весь персонал будет предупрежден, и в случае проявления интереса к кому угодно он должен быть тут же переадресован. Есть выход на одного из адъютантов. Прорабатываются и другие варианты, доложу о готовности.

— Единственное, что вызывает некоторое сомнение, — это как раз то, что она ваша сестра. Умные люди быстро сделают соответствующие выводы.

— Я тоже думала над этим. Но ведь на нас не написано, что мы сестры! У меня уже другая фамилия, у нее, кстати, тоже — просто из соображений благозвучности. И если кто-то докопается до действительного положения дел, то он не только умный, но и с большими возможностями.

— И всплывшая правда о неких родственных связях нам непоправимого вреда не нанесет, а вот выпустивший ее в свет может и засветиться, — согласился я. — И под каким именем она сейчас фигурирует?

— Ольга Оболенская.

— А Голицин у вас там, случаем, нет? — засмеялся я.

— Нет, — с некоторым беспокойством из-за непонимания причин моего веселья ответила дама. — Но мы с Олей считаем, что нужен еще и артистический псевдоним, под которым она и будет известна публике. Пока еще не подобрали, все эти Парашки с парижскими именами публике уже несколько приелись... Может быть, что-нибудь восточное?

— Анита Цой, — предложил я.

— А что, оригинально, благозвучно и легко запоминается, —

согласилась Татьяна. — Пожалуй, на этом и остановимся.

— Ладно, тут вроде все в порядке. Но у меня есть еще одно дело, относительно которого я хотел бы с вами посоветоваться, — сказал я и озвучил свои мысли по поводу Мишеля.

Дама задумалась.

— Знаете, мне кажется, что какие-либо тайные игры в данном случае не годятся, — произнесла она после паузы. — Но и устраняться от решения этой проблемы тоже не стоит. Я предлагаю сделать так: пусть наша сотрудница, или даже две, для большей надежности, вполне официально едут в Царицын. Не изображать, что им поручена какая-то дурацкая работа, а именно с настоящей, серьезной миссией, я пока не знаю какой...

— Учеба на парашютисток-радисток, — предложил я и, увидев, что Татьяна не поняла, добавил: — Потом объясню, но это действительно может оказаться важным.

— Да, пусть. И им надо сказать, что если вдруг появится желание добиться благосклонности великого князя, то возражений руководство не имеет. И особо подчеркнуть, что в случае успеха никаких, абсолютно никаких дополнительных обязанностей на них не возлагается!

— Спасибо, Танечка, — серьезно сказал я, — вы предложили очень удачное решение проблемы, даже и не знаю, как вас поощрить.

— Ну так уж и не знаете, — кокетливо улыбнулась дама, сделав вид, что собирается расстегнуть крючок платья.

— Не знаю, — с некоторым сожалением повторил я, — но обязательно что-нибудь придумаю.

Некоторые считают, что спать с подчиненными категорически нельзя. У меня несколько другое мнение: в принципе можно, если по их инициативе, конечно, но только с не очень нужными. Но Татьяна под эту категорию никак не подпадала. Вот и приходилось, фигурально говоря, наступать себе... ну, в общем, на горло собственной песне.

Глава 25

Я маялся уже час. Если я проводил линию нижней рейки той решетчатой конструкции, что заменяла «Пересвету» фюзеляж, из соображений прочности, то шасси оказывалось недопустимо близко к центру тяжести. Если же я пробовал сначала нарисовать шасси на своем месте, а потом просто по линейке провести линию от оси колес к хвосту, то и без расчетов было видно, что при условии нужной прочности это уже будет не рейка, а хорошая доска. А в это время, между прочим, мои конструкторы занимались делом — рисовали модернизированный «Тузик» с движком Т-4, мощностью в сто шестьдесят лошадей!

Похоже, я допускаю системную ошибку... Если какое-то техническое решение в любой своей форме имеет ясно видимые недостатки, то не послать ли его на фиг? Ладно, убираем прямую рейку. Что, вместо нее изогнутую ставить? Нет, все-таки должен быть какой-то предел уродливости конструкции. Убираем совсем, как в анекдоте про стихи Василия Ивановича. Убрали, что видим? Все промежуточные рейки и растяжки уже не нужны, а оставшаяся верхняя для достижения нужной прочности должна быть толщиной с хорошее бревно. И сколько ж тогда оно будет весить? Все-таки хорошо, что калькуляторы появились уже после того, как я научился быстро считать в уме. Значит, даже если оно будет из липы, то навскидку килограмм двести... Сильно много, пожалуй. Стоп, но к нам же недавно пришел целый пароход с бальсой! Она вообще-то для модифицированных «Тузиков», но ее много, и пароходу недолго и еще сплавать, если надо. Значит, балка из бальсы... Да, пожалуй, а лучше две в одной плоскости. Соединяем их перекладинами, наподобие лестницы... Я быстро зачеркал карандашом по ватману. На глазах получалась не то чтобы красивая, но, по крайней мере, законченная и логичная конструкция. Самолет, который только что, строго говоря, вообще не имел фюзеляжа, вдруг приобрел их сразу два! Вертикально, один над другим. Выглядел этот шедевр так. Крылья — почти как у «Святогора», только чуть побольше размах, верхнее крепится к верхнему фюзеляжу, той самой лестнице. Спереди — горизонтальное оперение (утка, однако), сзади — два киля буквой «V». К верхнему крылу крепится нижнее при помощи системы расчалок и тросов. На центроплане нижнего крыла закреплен нижний фюзеляж, он короткий, вроде коляски от мотоцикла, там сидят пилоты, в носу тянущий мотор, сзади пулемет. Еще два толкающих мотора стоят

между крыльями, ближе к задней кромке. Моторамы крыльевых движков снизу переходят в шасси. Движки Т-1, то есть обычные наши двухцилиндровые оппозиты по сорок сил.

Я постарался поглядеть на эскиз критиканским взглядом. Итак, начинаем: какой урод вообще догадался сделать два фюзеляжа? «Сам ты урод, — сказал я своей критической половине. — Если оставить один верхний, то некуда будет девать третий мотор, а без него центровка накрывается медным тазом. А если оставить один нижний, то опять некуда девать мотор, потому что спереди должно быть горизонтальное оперение. Если же, на радость плагиаторам, при заданной развесовке отказаться от „утки“, то получится нечто вроде маленького „Ильи Муромца“, то есть самолет, у которого практически один хрен — что взлетная, что максимальная скорость плюс отсутствие устойчивости к штопору. Поэтому лучше остановиться на том, что конструкция если и не гениальна, то хотя бы талантлива, и приступить к детализировке». — «Постой, постой, — завопила половина-критик, — у тебя что, костыль будет крепиться не к фюзеляжу, а к киям?!» — «Ну вот еще, — фыркнула моя творческая составляющая. — Очень даже к фюзеляжу, только он будет достаточно длинным и сделан буквой „V“. Сразу появляется и амортизация, и точка крепления тросов, которые все равно нужны для жесткости». Критиканская половина приуныла, но не сдалась. «А вот скажи-ка ты мне, — продолжила она, — как крыльевые моторы заводить будут? Два здоровенных казака в грязных, да еще подкованных сапогах полезут на нежные крылья...» — «Мысли тебе тупые в голову лезут, а не казаки на крылья. Я здесь технический гений или кто? Вот прямо сейчас сяду и изобрету кривой стартер, то бишь заводную рукоятку. И казаки будут ее крутить, как белые люди, стоя на земле. Все, что ли? Тогда свободен».

И вновь объединившийся в одно целое я взялся за детальную прорисовку верхнего фюзеляжа.

А тем временем количество новообразованных организаций в Георгиевске продолжало увеличиваться. Появилась спортивная школа — место, где казаки Богаевского, орлы шестого отдела и Танины девочки будут постигать премудрости нанесения ущерба организму противника при помощи рук, ног, головы, подручных предметов, холодного, огнестрельного оружия и прикладной химии. Там же должны будут осваиваться и методики интенсивного допроса. Преподавательский состав в основном уже имелся, это были наиболее продвинутые из тех же казаков и четыре китайца. Судя по именам — прямые предки Брюса Ли: Ли Шувень, Ли Цзанчен, Ли

Шусэн и Ли еще кто-то. Ко всем обращались «господин Ли». Кроме того, там был сосватанный Гиляровским отставной городской с Хитровки и один бывший хирург, к моменту появления у нас успешно пропивший работу, совесть и начинающий помаленьку пропивать ум, но с еще сохранившимися серьезными профессиональными навыками.

Утро 7 мая 1901 года выдалось теплым и солнечным. На Царскосельском вокзале Петербурга царила обычная суета, и только пятеро мужчин, никуда не спеша, стояли в стороне и курили, причем один из них — самый старший — какую-то странную сигарету с желтым мундштуком. Докурив, они неторопливо направились к подходившему поезду.

Тем временем на перроне появились еще два действующих лица. Пожилой, даже, скорее, старый господин с растрепанной бородой, в расстегнутом пальто почти бежал, а за ним, вроде и не спеша, но и не отставая, двигался прилизанный тип неприметной наружности. Вдруг господин резко остановился и, как кролик на удава, стал смотреть на приближающийся паровоз. Группа курильщиков куда-то исчезла, остался только владелец странных сигарет, он неспешно приблизился к делающему судорожные движения господину. Тот закрыл глаза и дернулся было под паровоз, но в последний момент удержался... Дальше события пошли развиваться стремительно. Господин собрался было сделать шаг назад, однако неприметный тип резко толкнул его в спину. Но появившийся как из-под земли один из курильщиков не дал свершиться непоправимому, аккуратно придержав господина за шиворот. Трое оставшихся сноровисто завернули неприметному руки за спину и быстро куда-то уволокли. Находящийся в прострации господин был аккуратно препровожден до извозчика и доставлен на одну из питерских квартир, принадлежащих великому князю Георгию.

Я приехал туда раньше и уже ждал его, несостоявшегося претендента на роль Анны Карениной, заводчика, мецената и банкрота Алчевского. Предстояло как-то выполнить Гошино указание об отвлечении его от самоубийства. Собственно, я уже видел, что сам Алчевский вряд ли решился бы таранить паровоз, ему едва не помогли. Тот, который помогал, был уже на пути в Георгиевск, а именно в тамошнюю спортивную школу, но я все же решил провести сеанс психотерапии.

— Ну что же вы так, Алексей Кириллович, неуважительно к окружающим относитесь? Вы же инженер, неужели не могли прикинуть, под каким давлением из ваших кишок дерьмо брызнет при переезде вас локомотивом? Там ведь дамы, их запачкало бы... Да и детишки на

раскиданных по перрону мозгах могли поскользнуться. Нехорошо.

— Да что вы себе позволяете, кто вам...

— А чего вы мне тут разорались? Слюной на людей плюетесь... — Я достал платок и сделал вид, что вытираю руку. — Лучше послушайте, что я скажу. И зачем вам сдался этот вонючий паровоз? Хотите под мотоцикл броситься? Я вам предоставлю, даже два. Сначала под один, потом под другой, потом снова под первый... Или под самолет. На аэродром я вас не пущу, там и любой дурак сможет, а вы попробуйте за его пределами! Или подождите годик-другой, пока у нас подводная лодка появится.

— Господин, как вас там...

— Инженер Найденев, к вашим услугам.

— Господин инженер, я рассматриваю сказанное вами как оскорбление!

— И на здоровье, мне оно без разницы. Или на дуэль хотите вызвать?

Алчевский молчал.

— Значит, так. Великий князь Георгий Александрович поручил мне передать вам приглашение приехать к нему в Георгиевск на переговоры о кредите, в котором вам отказало министерство финансов. Не советую затягивать. И пожалуй, на этом текущий визит сочтем оконченным, ваш расхристанный вид нравится мне ничуть не больше, чем я — вам. Денег на дорогу дать?

В этой операции был задействован практически весь шестой отдел — за многочисленными родственниками и знакомыми Алчевского велось плотное наблюдение. Никто из них и не собирался помирать. Это давало нам с Гошей некоторые основания с оптимизмом смотреть в будущее.

Число Михайлов в Георгиевске, дойдя до максимума в начале апреля, теперь стало снова уменьшаться. Уехало младшее высочество, строить под Царицыном летную школу. Среди свежеиспеченных пилотов, сопровождавших его, оказались две девушки, с блеском прошедшие курс обучения на «Святогорах» и отправленных, как и другие, осваивать новую технику. Туда же отбыл и ставший лейтенантом Михаил Полозов, чтобы стать там главным летчиком-испытателем и заодно шеф-пилотом школы. Налетов уехал в Николаев, на недавно сменивший хозяев завод «Наваль». Остался только Поморцев — его рабочее место как минимум на ближайший год было здесь. Пока в области конструирования ракет мое частое вмешательство не требовалось, и слава богу — как всегда, опять появилось сверхсрочное дело. И сверхважное, между прочим, потому как в

критические времена трудно найти что-нибудь важнее идеологии. Наши пилоты в основном были очень молоды, казаки Богаевского тоже в массе своей преклонным возрастом не отличались. Следовало всерьез заняться надежным вложением в их головы определенных правил, пока они не закостенели с тем, что там уже было до того. Некоторое время я колебался — по идее, следовало бы создать какую-то еще одну службу, нечто вроде идеологического отдела при секретариате его императорского высочества. Однако я сильно подозревал, что по факту новая служба все равно окажется не при высочестве, а при мне, и решил пока нагрузить уже имеющееся информбюро, а потом посмотреть, отпочковывать ли от него новое подразделение или оставить все как есть.

— Так что вот, Константин Аркадьевич, — сказал я пришедшему по моему вызову директору информбюро, — со всеми предыдущими заданиями вы справились, на мой взгляд, очень неплохо. Настало время заняться самым важным — патриотическим воспитанием молодежи, пока только нашей. Вы видели, каков возраст наших летчиков. Казаки тоже не Мафусаилы. Я не буду вам говорить, какой золотой или платиновый дождь прольется на вас в случае успеха. Я только скажу, что предыдущие дела в принципе можно было и провалить. Это — нельзя ни в коем случае. Нужна идеология. Какой-то не очень сложный свод правил, как жить в мирное время и, главное, как жить и умирать на войне. И нужны люди, которые смогут постоянной самоотверженной работой донести эту идеологию до сердец наших мальчиков и все время укреплять ее там.

Константин быстро записал что-то в своей тетради и поднял глаза на меня.

— Значит, — продолжил я, — этот свод правил должен исходить из несложного постулата: человек, избравший своей судьбой военную службу, живет в долг. Он получает огромное по меркам гражданского лица содержание... По крайней мере, так должно быть, и у нас это именно так и есть! Так вот, он его получает не за свою замечательную работу или красивые глаза. Это аванс за то, что в случае войны Россия даст ему приказ — победить или умереть. Да, могут быть безвыходные ситуации... но все равно человек, не выполнивший этот приказ, становится... Вот тут я пока не очень представляю себе, кем именно. Чем-то вроде условно прощенного, которому еще надо доказать свое право вновь стать в один ряд со своими бывшими товарищами. Не выполнивший же его по своей нераспорядительности, неумению, глупости, из-за лени или предрассудков — я уж не говорю про трусость — это не солдат и не человек вообще, это вошь, гнида или еще не знаю какое мерзкое насекомое. Такое можно смывать

только особо выдающимся подвигом, да и то посмертно. Далее самое сложное. Надо как-то чуть разделить приказ Отечества и приказ командира, потому что последний может быть и неумным, а в исключительных случаях даже преступным. Например, приказ командира может быть нарушен только в одном случае — если его выполнение входит в противоречие с приказом высшего порядка. Каковой может быть отдан только двумя людьми — его императорским величеством и его императорским высочеством.

— Простите, — сказал Константин, — но такая работа обязательно должна быть привязана в том числе и к персоналиям! А пока высшее звено этой системы, еще входящее в нее, — вы. Георгий Александрович, по вашему регламенту, уже вне ее.

— Да понимаю, что тут я становлюсь крайним, — вздохнул я, — но по-другому не выйдет. Одна надежда, что меня за какое-нибудь очередное художество выпрут со службы, и это место займет Михаил Александрович. Но давайте от лирики вернемся к делу. Значит, главным в мирной жизни солдата должна стать подготовка к грядущей войне. Тут сложность, потому как это легко спутать с успешной карьерой. Наверное, надо сделать акцент, что главным судьей солдата в этом вопросе является он сам... В общем, это надо продумать. Да, и вот еще что. Кроме ваших людей над воспитательными проблемами будут работать и люди от православной церкви, в ней еще должны сохраниться настоящие подвижники, их поиск уже начат. Составленные вами документы не должны вызывать у них отторжения, имейте это в виду.

— Разрешите, я подумаю над сказанным вами сегодня? — несколько неуверенно спросил Константин. — Слишком масштабное задание, и, извините, сейчас я просто не могу твердо обещать, что наверняка с ним справлюсь.

— Думайте, — вздохнул я, — только не надо растягивать этот процесс.

— Да, вот еще что, — спохватился Константин. — Этот ваш свод правил... кодекс... он должен быть разработан только для солдат или в слегка измененном виде и для сотрудников спецслужб тоже?

А что, интересная мысль. По умолчанию пока считалось, что сотрудники спецслужб моралью вроде не должны быть особо обременены. Но ведь действительно, это же хорошо, если этот кодекс будет и у них! Только, как правильно сказал Константин, в слегка видоизмененном виде. Я мысленно представил себе небольшую красную книжицу с золотым заглавием «Моральный кодекс сотрудницы БД» и хмыкнул. Под этой аббревиатурой во внутренних документах шестого отдела проходила

Татьянина служба, а «Д» — это был ДОМ.

— Пока только для солдат, это срочнее, — закончил разговор я. — Для остальных — чуть позже.

Глава 26

По центральной улице Георгиевска, Самолетному проспекту, пронизывающему весь город от моста через Нару до резиденции цесаревича, ехал автомобиль. Как ни считай, первым в России четырехколесным средством передвижения с бензиновым мотором он не был. Но зато он был первым в мире действительно автомобилем, а не самобеглой коляской. Внешне этот девайс походил на ГАЗ-67, а конструктивно на «фольксваген-жук». Заднемоторная схема, двигатель оппозитный четырехцилиндровый, правда, в отличие от «жука», двухтактный, торсионная подвеска передних колес. Учитывая место его изготовления, понятно, что он назывался «Ока». За рулем лимузина восседал я — именно восседал, а не просто сидел, потому как был в мундире. Так как движение на проспекте даже из вежливости нельзя было назвать оживленным, я мог спокойно любоваться городом, возникшим на пустом месте за полтора года. Разумеется, когда мы позапрошлой зимой сидели в только что купленном доме на окраине Серпухова и строили планы, среди них был и план будущего города. И тоже, разумеется, проплывавшие мимо меня пейзажи были похожи на первоначальный план не более чем московская Олимпиада восьмидесятого года на запланированный к тому времени коммунизм. В проекте было нечто продольно-поперечное наподобие Васильевского острова, а на деле получилось какое-то разлапистое дерево с умеренно кривым стволом-проспектом и отходящими от него просто кривыми ветвями-улицами. На предпоследней я повернул направо и скоро оказался в наконец-то построенном, говоря современным языком, коттеджном поселке для инженеров. Конечным пунктом моей поездки был большой двухэтажный дом на участке в двадцать соток, одну половину которого вот уже четвертый день занимал главный инженер ГМЗ Густав Тринклер, а другую — его заместитель Сергей Князев. В данный момент тут происходило празднование новоселья.

Гостей было немного — два инженера с моторного завода, один с женой, другой с секретаршей из заводоуправления, серпуховский полицмейстер с молоденькой супругой и ошалевшая от нахождения в столь высокой компании крыска из официальной Таниной конторы. Ну и я — кому начальник, кому директор, а кому — правая рука его императорского высочества. Выгрузив из багажника машины (он был спереди, понятно)

ведро с мясом для шашлыка и на всякий случай приложенную к нему инструкцию по приготовлению, я вручил это Татьяне, которая сразу позвала прислугу и начала распоряжаться, а Густаву с Сергеем подарил наручные часы «Полет» — каждому по экземпляру, естественно. Это была первая партия гомосексовского производства — вполне приличные часы с автоподзаводом и точностью хода полминуты в сутки. В ожидании, пока накроют стол, гости расположились на веранде, где еще одно новомодное чудо техники — патефон — довольно приемлемо стеноло из угла голосом Шаляпина. Впрочем, в этом мире, за полной непричастностью фирмы братьев Пате к его появлению, оно называлось дискофоном — название «гомофон», в честь производящего оный ящик Георгиевского оптико-механического объединения, было отвергнуто еще на стадии подготовки к производству.

Мы с полицмейстером вышли покурить. В процессе перекура я высоко оценил его труды по уменьшению преступности в Серпухове (а она действительно уменьшилась) и сообщил, что его хрустальная мечта — быть лично представленным его высочеству — осуществится в следующее воскресенье. Страж порядка просиял и в ответ с некоторой даже завистью отозвался о практике поддержания благолепия в Георгиевске. Пока этот город официально городом не был, не имелось в нем и своей полиции, а порядок поддерживала специальная казачья полусотня. Задержанных нарушителей ждало отеческое увещевание, иногда с ласковым похлопыванием по лицу. Если же тяжесть содеянного была слишком велика или же лицо упорствовало в своих заблуждениях, то дальнейшие действия производились в соответствии с заветом «если в сердце дверь закрыта, надо в печень постучаться», после чего нарушитель обычно выражал горячее желание искупить свою вину уборкой георгиевских улиц на срок до пятнадцати суток. Поначалу к нам пару раз являлись гастролеры, но они были отловлены и один даже доставлен к полицмейстеру. Еще не успев перешагнуть порог, он начал захлеб каяться и был с трудом остановлен только к вечеру. Остальных доставить не удалось — сбежали, змеюки, как есть сбежали, сокрушались конвоиры, делая честные глаза. Причем сбежали, видимо, очень далеко, потому как их больше никто нигде и никогда не видел.

Празднество уже близилось к завершению, когда при очередном перекуре я позвал с собой Сергея.

— Сережа, вы, наверное, обратили внимание, что в Георгиевске работы ведутся несколько не так, как принято везде? — поинтересовался я. — Имеется в виду режим секретности.

— Да, — согласился он, — про многие технические решения можно подумать, что они появляются из воздуха. Только что ничего не было, и вдруг готовый прототип, нуждающийся только в доводке. Я сначала удивлялся, но недавно сообразил, что со стороны появление компрессионного двигателя, над которым мы сейчас работаем, может выглядеть так же.

— Вот-вот, но ведь такая организация применяется не только к техническим проектам — раз, и она не возникает сама собой — два. Есть люди, занимающиеся такими вопросами. И если сама работа, скажем, над новым двигателем — секрет, то деятельность этих людей — секрет в квадрате. А среди них совсем не последнее место занимает ваша очаровательная супруга.

— Вы знаете, — воодушевился юноша, — я так и думал! Я просто чувствую, что Татьяна занимается чем-то гораздо масштабнее организации ясель!

— Все правильно, только не надо спрашивать ее, чем именно. Она все равно не сможет вам ответить, не имеет права, но ее тонкая и ранимая натура будет страдать от этого.

Я еще подумал, не переборщил ли насчет «ранимой», но на лице собеседника было выражение полного согласия.

— И еще, — продолжил я, — не знаю, в курсе вы или нет, но поскольку уже начинают ходить слухи, что я весьма неравнодушен к вашей жене, то признаюсь: это я их и распускаю, чтобы объяснить в глазах публики наши довольно частые встречи. Так надо. Потому что если кто-то захочет нам навредить, первый удар может быть нанесен по таким, как Татьяна. Если, конечно, враг догадается о ее настоящей деятельности. И я вас прошу, вы с ней помягче, ее работа очень нервная и ответственная, она может устать, случайно впасть в раздражение, например... На самом деле даже я со своим немалым жизненным опытом редко встречал у женщин такие глубокие чувства, какие питает Татьяна к вам. Даже бывают случаи, когда ее приходится одергивать, чтобы она от мыслей о вас, как говорится видимых невооруженным глазом, вернулась к работе.

Почти весь следующий день я посвятил изучению представленных мне на утверждение чертежей модифицированного «Тузика». Внешне это был довольно похожий на своего предка самолет, за исключением обтекателей на шасси, но конструктивно он сильно отличался. Фюзеляж из прямоугольного в плане стал овальным, со шпангоутами из фанеры. Лонжероны и подкосы крыла теперь были из дюралю. Предусматривалась

установка пулемета, стреляющего через вал редуктора, но сам пулемет еще не был готов, пока Федоров предоставил только его габаритный макет. Предполагалось, что новый самолет сможет преодолеть двухсоткилометровый рубеж скорости. Внеся несколько мелких поправок, я наложил резолюцию «В производство 3 экз.». Подумав, присвоил самолету код — МиГ-1 и имя — «Бобик».

Вечером у меня еще осталась пара часов на ознакомление с дебютной постановкой Таниного театра — на бумаге, естественно, ехать в Питер только для того, чтобы посмотреть на голых девок, я не собирался. Тем более, как показало изучение документов, я бы их там и не увидел. Все должно было выглядеть до приторности пристойно. В пояснительной записке Татьяна предлагала поначалу не шокировать публику, и даже выступления топлес не предусматривались. По форме это был мюзикл с элементами цветомузыки, по сюжету — повесть «Золушки» с «Алыми парусами». Немного погрызая карандаш, я предложил Татьяне подумать над внесением в действие небольшого оживляжа, а именно вот какого. По сюжету же актрисы переодеваются? И фонари используются широко. Так вот, установить экран, подсвеченный из глубины сцены прожектором, и пусть они ходят переодеваться за этот экран. И главный герой с героиней в финале пусть под ручку идут не за кулисы, а за тот самый экран, и подсвечивающий его прожектор плавно гаснет, но зрители все же должны иметь возможность посмотреть проекцию самого начала постельной сцены.

Покончив с сиюминутным, я в который раз вернулся к обдумыванию стратегической проблемы — как нам построить взаимоотношения с Витте? Пора было придти к какому-то решению. Чрезвычайно прочные позиции министра в результате кризиса уже слегка пошатнулись, но до отставки было еще далеко. Что делать, пытаться замедлить этот процесс, ускорить его или вообще не вмешиваться? Чего хочет Витте? Превращения России в сильную, экономически развитую державу, с элементами демократии в управлении. С нашими целями это совпадает? Вполне, за исключением разве что несколько разного понимания роли элементов демократии. Он предполагал их наличие на самом верху, а мы с Гошей — на уровне местного самоуправления. Удастся ли его убедить в нашей правоте? Вряд ли, и до нас были пытавшиеся. Насчет того, что его можно как-то использовать втемную, — лучше и не думать, не нам обводить вокруг пальца такого монстра. Пожалуй, предпочтительнее действовать напрямую. Так и сказать: Сергей Юльевич, вот до этого пункта наши

программы совпадают, давайте действовать вместе, эффективней будет. А вот тут они разойдутся. Но, может быть, к тому времени будет найден взаимоприемлемый компромисс? Даже если нет, то все равно каждый из нас окажется ближе к заявленной цели, а далее — пусть сотрудничество на этом и прекратится. Пожалуй, так и надо, а то всякие интриги против него нам пока ну никак не осилить. Значит, надо написать ему, что со времен его последнего посещения у нас тут образовалось немало технических новинок, есть на что посмотреть. И как следует подготовиться к визиту, понятно.

Витте приехал к нам через неделю. На вокзал за ним я приехал на «Оке», причем не на своей, первой, а на четвертой, которая предназначалась ему в подарок. Поначалу он не впечатлился. Пришлось разогнаться до сотни, больше эта колымага не ехала, и пройти пару поворотов с управляемым заносом.

— Фантастика, — сказал потрясенный Сергей Юльевич, когда мы подъехали к резиденции, — ваш автомобиль едет быстрее любого паровоза.

— Ну этот уже ваш, — напомнил я ему, — и потом, его задача вовсе не обгонять паровозы. Он должен доставлять вас в любое выбранное место гораздо быстрее, чем это сделает извозчик. Для этого не надо так гонять, как мы только что, это я просто хотел произвести на вас впечатление.

— Вам это удалось, — засмеялся Витте. — А насколько сложно научиться управлять таким механизмом?

— Если ездить спокойно, без выкрутасов, нисколько не сложно, за пару-тройку дней вполне научитесь. Но все равно вам потребуется водитель-механик, мы можем обучить вашего человека.

— То есть у вас сейчас обученных еще нет?

— Почему же, есть. Это я о вашем спокойствии пекусь — а то вдруг будете думать, что нанятый у нас водитель за вами подшпионивает маленько.

Витте внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. От предложения отдохнуть с дороги он отказался, и мы прошли ко мне в кабинет. Там уже было небольшое нововведение, постороннему глазу совершенно незаметное. За стеной напротив моего стола было еще одно помещение — небольшая комната отдыха, она имела отдельную дверь. Теперь там был установлен монитор с динамиками, телекамера с микрофоном смотрела в мой кабинет, и Гоша, находясь в маленькой комнатке, сейчас прекрасно видел и слышал происходящее. Мы уже пробовали открывать портал в таких условиях, все получилось. Кроме того, в кабинете был смонтирован мощный генератор инфразвука, пульт

управления которым лежал у меня в кармане.

По приходе Витте первым делом глянул — на месте ли охмуритель? Обнаружив искомое, он показал на него:

— На самом деле из всех ваших чудес наиболее интересно вот это.

— Кто бы спорил, — хмыкнул я, — но вот как раз здесь полную информацию я вам предоставить не смогу, потому как она принадлежит не мне, а дедушке. Но в пределах своей компетенции и полномочий отвечу, спрашивайте.

— Какие силы связывают миры так, что получается, как вы его назвали, портал?

«Сам бы не прочь узнать», — подумал я, а вслух сказал:

— Духовно-магнетические. Теоретически человек способен усилием мысли двигать горы, но таких исполинов духа за всю историю человечества было всего лишь несколько, и старец, как мне кажется, из их числа. Я — нет, у меня есть небольшие врожденные способности, усиленные десятилетиями тренировок под руководством дедушки, но до него мне далеко.

— А как же вы говорили, что почти достигли уровня своего учителя?

— Достиг, но несколько иным путем. Я инженер, изобретатель. Если человек не умеет летать, его можно учить духовной концентрации, и есть шанс, что один из ста миллиардов лет через пятьдесят учебы полетит при помощи силы мысли. А можно просто изобрести самолет. Так и здесь. Я изобрел аппаратуру на основе X-лучей, то есть лучей Рентгена, которая усиливает имеющиеся магнетические способности. Вот это — просто пульт управления, сам прибор очень велик и находится в подвале. Хотите небольшое пояснение на примере?

Витте кивнул.

— Старец, например, способен убить любого одним косым взглядом. Я же сам по себе могу лишь вот что... — Я уставился на министра, как солдат на вошь, и нажал в кармане кнопку пульта управления инфразвуком. Сейчас мы смонтировали установку помощнее, чем была использована для обработки Николая, мне стало весьма нехорошо. Витте, судя по виду, тоже. «Хватит», — подумал я и убрал руку с кнопки. — Видите, без прибора я могу не очень много. Но если его включить, то тогда объект моего воздействия был бы мертв через полсекунды.

— Да-а, — помотал головой Витте, — даже и без прибора это было весьма впечатляюще. А скажите, этот ваш... прибор, он усиливает только ваши способности?

— Нет, любого человека, если они у него есть. Требуется, конечно,

небольшая индивидуальная подстройка для увеличения эффективности, но и без нее все работает.

— А можно попробовать усилить мои способности? — возбужденно спросил Сергей Юльевич.

«Вот те раз, — подумал я, — а ведь в вас, батенька, есть авантюрная жилка. И в мчащемся автомобиле это было видно, и сейчас...»

— Отчего бы не попробовать? Значит, так... — Я положил на край стола спичку. — Попробуйте усилием воли поставить ее вертикально, пока без усилителя.

Витте попробовал, и результат был вполне предсказуем.

— Ну-у... — Я изобразил на лице глубокое сомнение. — Вроде что-то есть, какая-то еле заметная искорка. Давайте теперь с усилителем. Готовы? Включаю!

Я ткнул первую, а затем вторую кнопку. Громко щелкнуло реле. Витте напрягся, побагровел, и спичка, дернувшись пару раз, вдруг встала вертикально! Я охренел. Уже потом, просматривая запись, я поразился, насколько, оказывается, у меня может быть идиотская морда лица.

— В-в-выкю... — прохрипел министр.

Я на автомате вырубил охмуритель.

— Ох... — Витте с трудом перевел дух. — А по вашему виду я и не понял, как это тяжело, только когда сам...

— Ну лет сорок тренировок, они что-то значат, — начал приходить в себя я. — Теперь вы сами видели, способности у вас есть, но самые минимальные. Хотя большинство не может похвастаться и этим.

«Вот тебе и ни хрена себе, — продолжал про себя удивляться я, — и стоило перебираться в другой мир, чтоб только здесь увидеть настоящего экстрасенса! Да и кого — министра финансов, второе-третье лицо в империи. Эх, если бы он с детства тренировался, то сейчас бы взглядом бревна ворочал и снаряды на скаку останавливал, а он...»

— Прощу прощения, Георгий Андреевич, но вот сейчас мне действительно необходимо отдохнуть. Надеюсь, вы не откажете мне в продолжении беседы ближе к вечеру? — отвлек меня от размышлений голос министра.

— Да, конечно, Сергей Юльевич, пойдете, я вас провожу.

«Эх, портал так и не понадобился, но все равно Гоша там не зря сидел», — подумал я, выводя слегка пошатывающегося гостя из кабинета.

Глава 27

— Ну вот, видишь, как все удачно получилось? — приветствовал меня Гоша, когда, проводив Витте в отведенные ему апартаменты, я вернулся в свой кабинет.

— И чего ж тут такого удачного, уточни?

— Не понимаешь? Значит, книжек надо было больше читать, и не только про эльфов и межпланетный мордобой! Мы только что раскрыли одну из тайн Сергея Юльевича, причем, вполне возможно, толком непонятную ему самому.

— А, — вник я в мысль высочества, — ты хочешь сказать, что Витте — не сознающий сам себя экстрасенс, но свой талант он использовал не для кантования спичек, а для целевого воздействия сначала на Александра Третьего, а теперь на Ники?

— Ну и на всех прочих, тоже подлежащих убеждению, — согласился Гоша. — Я, когда читал его биографию, был уверен, что не обошлось у него без тайных покровителей, больно уж удачная и стремительная карьера, но тут появилось объяснение не хуже. И кстати, сняли внутренний ограничитель ему именно мы! Ну ты, если быть совсем точным. И не то чтобы снял, а нащупал к тому путь.

— Та-ак, — несколько запоздало начал соображать я, — Витте как человек прагматичный всяких магнетизеров считал шарлатанами и даже в мыслях себя к ним отнести не мог... Потому и не получалось у него осознанных воздействий — только неосознанные. Вот хочется ему оппонента в чем-то убедить, он и убеждает, считая, что делает это при помощи своего обаяния или мощью аргументов. А теперь он увидел свои способности — но опять-таки считает, что для их пробуждения нужен прибор! Блин, все бросаю и сажусь делать ему радиодуховный усилитель, пока он без него не научился экстрасенситься. Портативный, чтоб на повозке умещался, типа способности-то небольшие, потому и прибор миниатюрный.

— И вот еще что можно, — предложил Гоша, — пусть прибор... ну, гудит как-то особенно... тогда у Витте условный рефлекс выработается. Есть гудение — колдуем, нет — сосем... лапу, например.

— Все, я придумал. — Я поднял палец вверх. — Ультразвук. Причем двухтональный, чтобы случайно пациент от собачьих свистков колдовать не начинал.

— Так люди же ультразвук не слышат, — усомнился Гоша.

— Слышать не слышат, но воспринимают. Сам проверял. Хочешь, историю из своего детства расскажу?

Гоша кивнул, и я начал:

— Детство мое прошло в коммунальной квартире на три семьи. Соседский пацан был моим другом — это, кстати, тот самый Боря Фишман, чей мотор я подсунул Тринклеру в качестве отправной точки. Так вот, мы с ним уже тогда были на «ты» с техникой. И вычитали мы где-то про то, что человек как-то воспринимает ультразвук, а в школе в это время нам как раз про условные рефлекс талдычили... Собрали мы с ним тот самый двухтональный генератор, он частоту качал от двадцати пяти до тридцати килогерц. Дождались, пока останемся одни в квартире, и смонтировали его в туалете, в вентиляционной отдушине, а запитали параллельно лампочке: включаешь ее — включается ультразвук. Ну и потайной выключатель предусмотрели, чтоб самим это не слушать. Три месяца вся квартира, кроме нас, по несколько раз в день вырабатывала у себя условный рефлекс. Наконец мы решили, что хватит, достали генератор из отдушины и, сунув его внутрь ящика магнитофона «Днепр», притащили на кухню, там как раз народ праздновал седьмое ноября. Поначалу этот «Днепр» просто играл музыку, а потом мы врубили генератор... Получилось очень эффектно. Народ потом долго не мог понять, чем это все разом отравились. Решили, что несвежей водкой, потому как мы с Борей только ее и не пробовали, а остальные блюда ели вместе со всеми... Так что вот такую завывалку я теперь и Сергею Юльевичу сооружу.

— Только, может, совсем микроскопическую, в чемоданчике, чтобы он ее с собой носить мог? — предложил Гоша.

— Пожалуй, сразу не стоит, посмотрим на его поведение. Да и не так уж надо ее с собой таскать, объявим, что удалось получить эффект последствия, зарядился — и пару часов тебя зовут не Витте, а Мерлин. И настроек побольше, чтоб, значит, если плохо получилось — надо было тщательней ручки крутить! Ну и дистанционное отключение по радиоканалу, на всякий случай.

— Ох, вскроют твой прибор — столько шума будет... — поморщился Гоша.

— Сколько тротила в контур самоуничтожения сунем, столько и будет, — уточнил я. — Не надо жадничать в принципиальных вопросах. В общем, так — сделаешь к вечеру дизайн-проект? На что оно похоже, что крутить, куда смотреть... А я начинку сочиню. И как бы это назвать понаучнее? Синхрофазотрон, во!

— Лучше лохотрон, — серьезно предложил Гоша. — Звучит ничуть не хуже, но короче, а главное — правдивей. И делать, пожалуй, придется в твоём мире, причем обоим, чтоб самое позднее завтра к утру был. А то уедет Сергей Юльевич без прибора, и ну как его нетерпение обуяет, начнет просто так тренироваться, а зачем ему перетруждаться? Давай прямо сейчас и пошли.

На следующий день я отвез высокого гостя на вокзал. У «Оки» были сняты задние сиденья, только так в нее удалось запихнуть лохотрон. Витте вместе с шедевром приборостроения загрузились в свой вагон, а «Ока» осталась ждать отправки грузовым составом.

Лохотрон я ему подарил не просто так — между нами была заключена конвенция. В случае применения прибора для убеждения в чем-нибудь Николая или его окружения Витте обязался ставить в известность нас. Мы, в свою очередь, обещали сообщать ему обо всех своих попытках воздействия на тот же круг лиц, осуществленных мной, неважно, делал ли я это с усилителем или без. Вот уж последний-то пункт на меня точно никаких ограничений не накладывал.

За время нашего с Гошей пребывания в коттедже на Торбеевом я сделал и еще одно дело, которое лично мне показалось похожим на сжигание мостов, — я поговорил с супругой. По телефону. Намекнул, что мне предлагают очень выгодную, хотя и несколько опасную заграничную командировку, и пригласил ее с собой. «Нет, — ответила моя половина, — это ты все никак успокоиться не можешь, скачешь туда-сюда. Езжай один...» — «Ладно, — сказал я. — Деньги, где всегда, только теперь их там не как всегда, а гораздо больше. Можешь тратить... Гараж мой пускай как стоял, так и стоит, тебе там все равно ничего не нужно».

А потом мы попрощались, причем, по-моему, каждый понял, что это, скорее всего, навсегда.

Вся эта потусторонняя деятельность, по причине своей непродолжительности, из графика меня не выбила, а по нему было посещение приборостроительного завода.

Пожалуй, самым охраняемым секретом среди всех георгиевских новаций были радиолампы. Если на остальное мы брали патенты или хотя бы как-то знакомили с новинкой довольно широкий круг лиц, то деятельность радиоэлементного цеха была засекречена по полной. Все работники давали подписку о том, что они в курсе — разглашение любых деталей о работе чревато летальным исходом. Каждый находился под

наблюдением шестого отдела и знал это. И было что прятать — через год упорной работы у нас начали появляться приемлемые триоды, а значит, в области радиосвязи отставание всего мира от нас становилось огромным. Наш приемник по схеме 2-V-2 с двухконтурным входом на два порядка и по чувствительности, и по избирательности превосходил лучшее изделие Маркони! По мощности передатчиков мы не лидировали, но наши имели узкую полосу, а остальные загаживали равномерно практически весь диапазон. В результате сейчас мы имели более или менее приемлемую связь на расстоянии до полутора тысяч километров и безукоризненную — до трехсот.

Объектом моего интереса в данный момент стала маленькая, из трех человек, исследовательская группа, занимающаяся полупроводниками. Я ее создал на всякий случай, снабдил общей информацией и напутствием типа «то, чем вы будете заниматься, на самом деле важнее всех железяк», но реально отдачи в ближайшие годы не ожидал. И вот недавно они доложили, что готовы показать интересный результат.

При ближайшем рассмотрении результат оказался германиевым точечным диодом! Я попросил народ выйти из комнаты, достал тестер и быстро исследовал свойства — действительно, настоящий диод, нечто вроде Д-1. Даже в его теперешнем виде он мог улучшить наши приемники, но ведь где Д-1, там и Д-7, а это уже нормальная релейная автоматика! А уж если хоть самый плохенький транзистор смогут соорудить... Я позвал сотрудников обратно и торжественно сообщил им, что имеет место быть эпохальное открытие и их имена будут золотыми буквами вписаны в скрижали истории — со временем, понятно. А сейчас — неограниченное финансирование, с любыми вопросами сразу ко мне, причем необязательно они должны касаться работы. И вот вам приоритетные направления, подумайте, насколько надо увеличить штаты...

Я уходил окрыленным. Теперь беспилотный управляемый самолет с ракетными двигателями мог быть сделан целиком из местных комплектующих. А крылатая ракета, хоть и с дальностью всего пятнадцать километров, — вещь серьезная. Вроде у Поморцева уже начало что-то получаться, надо будет вникнуть и, может быть, чем-нибудь помочь.

В кабинете меня ждала еще одна приятная новость. Где-то с месяца назад в Англию приехала искать счастья девушка из Канады по имени Элен Тейлор. Причем искать она его стала не где-нибудь, а в Хитроу, где на базе нескольких имеющихся у англичан аэропланов ДХ-1 (по сути, тот же «Святогор») была открыта летная школа. Как смогла никому не известная приезжая из далекой колонии добиться зачисления в первый набор,

осталось неизвестным, хотя строившиеся по поводу этого предположения большим разнообразием не отличались. Девушка показала большие успехи в учебе (кстати, не так уж это просто — не показать, что летаешь в разы лучше своего инструктора) и быстро стала местной знаменитостью. Несколько дней назад произошла ее встреча с де Хэвилендом, в результате которой обе стороны почувствовали взаимный интерес. Ему не помешала даже разница в возрасте — канадке было двадцать три, а де Хэвиленду двадцать (это канадке, а Собакиной вообще недавно стукнуло двадцать шесть — молодец девчонка, у такой не забалуешь). Значит, скоро в Лондоне должна поселиться какая-нибудь одинокая вдова преклонных лет, но с радиостанцией, чтобы новости с туманного Альбиона доходили до меня в полном объеме и в тот же день.

А в далекий Иркутск, в тамошний филиал шестого отдела, которого еще не было, ехал его свеженазначенный начальник, господин Новиков, со своей молодой супругой Леночкой, которую, как ни странно, в девичестве звали Элен Тейлор. Подумав, я удвоил и так немалую цифру оклада начальника иркутского филиала шестого отдела СБ — как говорится, его пример другим наука, пусть завидуют.

Тут на улице раздался какой-то лязг и грохот. Выглянув в окно, я увидел странную картину — самостоятельно едущий блок «мотор-колеса» от «Оки»! Два колеса, бодро завывая мотором, пронеслись наискось проспекта и смачно впечатались в забор.

Подбежав к месту происшествия, я понял свою ошибку — тележка была не от «Оки», а очень на нее похожая, но от грузовика.

Одновременно с «Окой» был спроектирован и грузовичок-полупортка с тем же мотором — другого у нас просто не было, так что приходилось ставить на машины двухтактные оппозиты. Первый грузовичок уже ездил, но мне, однако, хотелось собрать еще и грузовик-трехтонку, и желательнее трехосный. Вот он и стоял неподалеку, только что лишившийся этой самой третьей оси... Мы просто поставили под раму две тележки, каждую со своим мотором и коробкой. Подошедший водитель-испытатель подтвердил мои подозрения. Он включил задний ход и дал газу, но у передней тележки воткнулась первая скорость. Шофер снял ногу с газа, но его заклинило. Некоторое время моторы разбирались, который сильнее, но потом задняя тележка решила покинуть столь неподходящую для нее компанию и, обломав крепления рессор, уехала на волю.

«Ну вот, — думал я, — теперь еще придется какой-то блокиратор придумывать, чтобы он не отпускал оба сцепления до тех пор, пока концевики обеих коробок не встанут в одинаковое положение. Уродство,

конечно, но что поделаешь, когда грузовик нужен, а мотора для него нет и в ближайшее время не будет? Или ну его в болото, этого тянитолкая, обойдемся полуторками? Вопросы, вопросы...» Мысленно вздыхая, я завел свою «Оку» и поехал отдохнуть душой, то есть на аэродром.

Тут меня ждало еще одно побочное дитя прогресса — модифицированный «Святогор». Не «Пересвет», этот представлял собой новую модель и еще не был готов, а это была именно модификация успевшей за год надоесть мне до икоты нашей первой этажерки. Инициативная работа моих конструкторов. Они исходили из того, что «Святогор» уже довольно много, а потом будет еще больше, и не занять ли в случае войны эти убоища хоть чем-нибудь полезным? Вместе с пилотами, которые по каким-либо причинам ни на чем другом летать не умеют. А что может делать столь тихоходный и неманевренный самолет? Быть связным, разведчиком и артиллерийским корректировщиком.

Была убрана часть стоек бипланной коробки и сооружена открытая кабина наподобие пересветовской, что улучшило обтекаемость. В зад кабины засунули макет радиостанции. Бомб или пулемета не предусматривалось вообще, но зато запас бензина был доведен до ста двадцати литров, что позволяло уродцу держаться в воздухе почти пять часов. И наконец, мотор был снабжен глушителями, вообще-то разработанными для «Оки». Мощность немного снизилась, но зато шум мотора утих до уровня мотоцикла вроде ИЖа.

Взлетев, через некоторое время я с удивлением понял, что эта птичка мне чем-то даже нравится. Кабина с мягким сиденьем обеспечивала хоть какой-то комфорт, а негромкое урчание движка за спиной чем-то напоминало звук «Ротакса». Романтики добавлял явственно слышимый свист встречного потока в растяжках. «Действительно, — думал я, набирая высоту вдоль железной дороги, — в условиях отсутствия у противника истребителей такая машинка, летая, а точнее, почти вися над расположением супостата, принесет немало пользы. С восьмисот метров все еще неплохо видно детали, а пулеметом с земли самолет уже не достать. Причем, выработав половину горючего, этот самолет сможет подняться и раза в два повыше. Правда, компоновка с мотором за спиной по-прежнему делала сомнительным использование парашюта, но тут уж ничего не попишешь».

Подо мной ехал поезд. Поначалу я просто любовался им, а потом поймал себя на странной мысли — можно ведь запросто уравнивать скорости и сесть на крышу вагона! А где посадка — там и взлет... Русско-японская война на суше будет проходить вдоль железной дороги. Вот и пустить по

ней этакий гибрид бронепоезда с авианосцем! Самолеты — пара истребителей-штурмовиков и пара корректировщиков. Орудия туда миллиметров около двухсот... Я настолько увлекся, что чуть не пропустил момент, когда надо было поворачивать назад. Ложась на обратный курс, я продолжал размышлять. В чем преимущество перед обычным аэродромом? Мобильность. Самолетов у нас не так чтобы до фига, и они должны работать в наиболее важных местах. Это хорошо. В чем преимущество перед просто бронепоездом? Своя авиаподдержка, а то пока прилетят со стороны... Тоже нормально. Так, а какие недостатки могут быть у этого гибрида? Тут мне вспомнилась еще одна история из моего детства...

После седьмого класса нас отправили на практику в Приокско-террасный заповедник. Не помню уж, что мы там сажали или окапывали, но местный зоотехник рассказал мне весьма поучительную историю, как раз про гибрид.

Лет за десять до того в заповедник приехал Хрущев и увидел зубра. Он был потрясен огромными размерами скотины, ее волосатостью, а особенно тем, как мало по сравнению с коровой она ест. И в его лысую тыкву тут же пришла гениальная мысль — скрестить того с коровой! Чтобы получилась вот таких размеров мясная туша, да еще и с шерстью, чтоб ела, как зубр, а доилась, как корова... Получив указания партии, местные мичурины принялись скрещивать (в детали процесса зоотехник вдаваться не стал, хотя мне было интересно). Получившаяся в результате зверюшка действительно сочетала в себе черты и зубра, и коровы, вот только не совсем те, что было задумано... Тощая плешивая тварь размером была с очень мелкую корову, а жрала как очень крупная. Молока, ну точно как зубр, не давала вообще. И вдобавок от обоих родителей животина отличалась феноменальной глупостью и исключительно злобным нравом, ее даже пришлось держать в отдельной клетке. Хорошо хоть, что этот гибрид быстро отбросил копыта.

«Не получилось бы так с моей помесью аэродрома и поезда», — подумал я, заходя на посадку.

Глава 28

За окном вторые сутки шел осенний дождь, когда из Царицына было получено пренеприятнейшее известие — пропал великий князь Михаил. Для получения 3-го класса ему было необходимо произвести контрольный полет по треугольному маршруту общей протяженностью двести километров. Над точкой первого поворота он прошел вовремя, над второй не появился. Немедленно были организованы поиски, но они не дали результата. Погода стремительно портилась. Полозов просто чудом нашел свой аэродром и сел, а еще одна поисковая группа на двухместном «Тузике» пропала.

Пришедший ко мне Гоша рвался на место происшествия, и его можно было понять — все-таки Михаил ему не просто так, а брат. По существу вопроса Гоша тоже был прав, его личный самолет с «Ротаксом» и радиостанцией находился там, а у такой машины шансы что-то найти были существенно выше, чем у стандартных. Портал в тамошнюю нашу резиденцию был уже протоптан, так что через десять минут мы вполне могли оказаться во второй летной школе. Но возникали вопросы: как срочно мы там нужны и как посмотрят окружающие на наше появление в охраняемом снаружи доме? Гоша набросал шифrogramму Богаевскому:

«Есаулу. Совершенно секретно.

Охрану с объекта НР срочно снять, заменить патрулированием северного направления, не более 10 человек абсолютно проверенных, начальник лично вы. Каждые три часа доклад обо всех происшествиях и о погоде. Еще раз подтверждаю высшую секретность операции.

Атаман».

Мы ждали. Первая шифrogramма из Михайловки (так назывался поселок с летной школой) сообщила нам об абсолютно нелетной погоде. Вторая ничем не отличалась от первой. Третья тоже, за исключением того, что там уже стемнело. Я ушел спать (лететь-то мне), велел будить в случае любых новостей. Утром новости все-таки появились — погода из совершенно нелетной стала просто плохой, и мы с Гошей через торбеевский коттедж шагнули в объект НР — то есть «Найденов —

Романов» — резиденцию высокого начальства в Михайловке. Дом встретил нас затхлостью и пылью. Погода была отвратной — сильный порывистый ветер гнал низкие тучи, а дождя хоть и не было, но он явно только что кончился и в ближайшее время собирался снова начаться. Выкатив из гаража квадрант, мы выехали за ворота и двинулись на север, где через десять минут были остановлены конным патрулем во главе с самим Богаевским.

— Ваше высочество?! — изумился он, разглядев, кто перед ним. — Как...

— Африкан Петрович, — ледяным тоном сказал Гоша, — сопроводите нас, пожалуйста, до штаба. Охрану объекта можно перевести в обычный режим. От еще одного напоминания о режиме секретности мне хотелось бы воздержаться, надеюсь, что это лишнее.

Оперативный дежурный тоже был удивлен нашим появлением, но все-таки не как Богаевский. Из рапорта дежурного следовало, что, как только рассвело, Полозов слетал еще раз, но не нашел ни Михаила, ни поисковой группы. Сейчас он в ангаре, готовится к следующему вылету. Я тоже отправился туда, Гоша остался в штабе.

На подготовку к полету «Тузика-ВК» ушло минут пятнадцать, за которые мы с Мишкой, во время своего шеф-пилотства приобретшим воздушный позывной Змей, разделили между собой зоны поиска. Потом с размокшей дощатой полосы взлетел сначала он, а за ним я.

Полет был гнусен до чрезвычайности. Низкие тучи заставляли прижиматься к самой земле, а порывы ветра так и норовили об нее шмякнуть. Парашюта я не брал, с самого начала было ясно, что использовать его все равно не получится. Периодически я влетал в полосу дождя, снижавшего и без того никудашную видимость и отнюдь не добавлявшего комфорта. Хорошо хоть оделся я на совесть, в силу чего мок не насквозь и не мерз.

— Первый, Первый, я — Дядя, квадрат двадцать шесть пусто, иду на двадцать семь.

— Дядя, вас понял, два-шесть пусто, идете два-семь. Змей вернулся, ничего не нашел, заправляется, — сквозь треск разрядов донесся до меня ответ Гоши.

В отличие от Мишкиного двухтактника мой «Ротакс» позволял еще часа три утюжить окрестности, прежде чем начинать волноваться о бензине на обратную дорогу.

Появился небольшой разрыв в облаках, я поднялся повыше и сверился с картой. Расстояние от аэродрома составляло уже почти двести километров — я искал за границами треугольника, в том направлении, куда

вчера утром дул ветер. Поиски затрудняло еще то, что «Тузики» снизу были голубые, а сверху камуфляжные, и, если искомый аэроплан не валяется кверху колесами, обнаружить его представлялось не таким уж простым делом.

Так, окно кончается, пора опять снижаться... Когда я уже двигал ручку вперед, мне показалось, что километрах в трех левее мелькнуло что-то белое. Парашют? Я повернул влево и через минуту едва не зацепил колесами приткнувшийся около группы чахлых кустов «Тузик». Еще один, без шасси и с побитым хвостом, лежал неподалеку. На кустах был натянут парашют, его-то я и видел. Я развернулся и снова прошел над местом. Из-под парашюта вылезли Михаил и еще какой-то летчик; Михаил отбежал метров на тридцать в сторону и лег на землю, раскинув руки — показывал мне наиболее удобное место посадки. «Да что же ты, высочество, спиной-то в грязь, — мысленно пожалел его я, — небось дядя Жора уж как-нибудь и без подсказок сядет, а ты мне потом всю кабину изгваздаешь...»

После короткого пробега я подошел к вставшему Михаилу и только тут обратил внимание на пол второго пилота. Думаю, вы уже догадались, что он был отнюдь не мужским.

Михаил отряхнул куртку, встал по стойке «смирно» и отрапортовал:

— Господин полковник! Выполняя зачетный полет, из-за погодных условий я потерял ориентировку и, пока не кончился бензин, совершил вынужденную посадку. Сломано шасси и хвостовое оперение. Затем прилетела поисковая группа в составе сержантов Кузнецовой и Потаповой, они совершили нормальную посадку... Взлететь не пытались из-за ограниченного запаса бензина и нелетной погоды. Сержант Потапова серьезно больна, жар, сейчас без сознания. Лейтенант Романов.

— Хорошо, и пойдемте-ка к больной, лейтенант, — сказал я, доставая с заднего сиденья медицинский чемоданчик.

Мы залезли в палатку, довольно умело сооруженную на кустах из парашюта. Там лежала вторая орлица из Таниного гнезда. Я потрогал лоб, как мог послушал легкие... Хрен его знает, вроде есть хрипы. Да и с чего бы ей упасть в лежку, если не от воспаления легких? Я достал шприц и ампулу с пенициллином. «Вот так бактерии и привыкают к антибиотикам, когда горе-медики без всякого диагноза колют лошадиную дозу», — подумал я.

Сделав укол, я повернулся к Михаилу:

— Связи нет, я проверял, вы сидите в ложбине. Взлететь с пассажиром я смогу, но только с одним. Так что приготовьтесь...

— Господин Найденов! — вскочило высочество и ткнулось макушкой

в шелковый потолок. Оттуда ему за шиворот весело зажурчала струйка воды. — Георгий Андреевич, — продолжал Михаил уже тоном ниже, — я здоров и могу подождать, а больная не может!

— Ваше высочество, — буркнул я, собирая аптечку, — вам в детстве не говорили, что перебивать старших по возрасту невежливо? А если они еще и по званию старше, то вообще получается нарушение субординации. Вы бы хоть дослушали, прежде чем орать. Значит, приготовьтесь сидеть тут еще сутки или двое, если погода будет нелетной. Со мной полетит сержант Потапова. Вопросы, пожелания есть? Нет? Тогда пойдем, возьмете сухие пайки и плащ-палатки, мы в них больную завернем и донесем до самолета. Аптечку я забираю с собой, вдруг и мне придется пойти на вынужденную.

Через десять минут я взлетел и, поднявшись выше первого слоя облаков, вышел на связь с Михайловкой.

— Первый, Первый, я — Дядя. Объект найден, здоров, сидит в квадрате двадцать семь, северо-запад, в ложбинке между холмами. Там же и пропавшая поисковая группа. Один из ее состава болен, везу его. К прилету подготовить место в госпитале, есть подозрение на воспаление легких.

К моей посадке у края полосы уже собрался народ во главе с Гошей. Пассажирку, наверху было пришедшую в сознание, но сейчас снова отрубившуюся, бегом унесли в санчасть. Я подошел к Гоше:

— Не знаешь, что про погоду говорят? Лететь прямо сейчас — это при малейшей задержке садиться придется в темноте.

— Вроде назавтра обещают улучшение.

— Тогда, пожалуй, завтра с утра и полетим за оставшимися. Мишке еще надо самолет проверить, он за день порядочно налетал. И давай вечером зайдем в санчасть, а то не померла бы там девочка ненароком.

Следующим утром погода действительно была поприличнее, и мы с шеф-пилотом вылетели за высочеством, куковавшим под парашютом в компании оставшегося сержанта. Стандартный «Тузик» не мог слетать туда и обратно на одной заправке, поэтому на задних сиденьях у меня и у Мишки было по канистре с бензином.

Земля чуть подсохла, сели мы без проблем. Слили весь бензин в Мишкин самолет (мой «Тузик-ВК» дозаправки не требовал), погрузили сержанта Кузнецову, как более легкого пассажира, к Мишке, а высочество — ко мне. Через полтора часа мы были в Михайловке.

Прежде чем отправиться назад в Георгиевск, я провел разбор поднявшего такой переполох полета.

— Итак, вы прошли первую контрольную точку. Что было дальше? —

поинтересовался я.

— Примерно через двадцать километров нижняя кромка облачности опустилась ниже ста метров, и я решил подняться над ней.

— А что по этому поводу говорилось в полетном задании, процитировать можете? — От этого вопроса Михаил поежился, но честно отбарабанил:

— При невозможности продолжения полета согласно утвержденному плану вернуться на аэродром, а если и это невозможно — идти на вынужденную посадку...

— Вот именно. И если бы вы поступили так, контрольный полет был бы вам засчитан. А сейчас — нет. Какую ошибку вы еще совершили, можете сказать?

— Не учел направления ветра при посадке, — вздохнул Михаил.

— Не только. В случае потери ориентировки наставление по производству полетов предписывает сразу искать место для вынужденной посадки, а не тянуть до последних капель бензина. То, что вы сели, как подбитая ворона, — это следствие... В общем, так, — продолжил я после паузы. — Любого другого за такой полет я понизил бы на ступень без размышлений. Вы останетесь лейтенантом просто потому, что вообще-то я собирался представлять вас к капитану за соблюдение образцового порядка в летной школе. Мне, честно говоря, удивительно, как это именно вы ухитрились учудить такое.

Высочество виновато молчал.

— Далее, — продолжил я. — Какие выводы следует сделать из этого инцидента?

— Думаю, такие, — поднял глаза Михаил, — во-первых, надо издать приказ, где будет указано на недопустимость подобных нарушений. Во-вторых, составить штатное расписание и инструкцию по поиску потерпевших аварию самолетов, сейчас это носило характер импровизации.

— Первое ни к чему, всякая инструкция априори подразумевает недопустимость ее нарушения, так что я такой приказ писать не буду, а вот со вторым согласен. Организуйте аварийно-спасательную службу, припишите к ней лучших пилотов и соответствующую технику — тут вам и карты в руки, как лицу, знакомому с проблемой не понаслышке. Вроде все.

— Можно не относящийся к делу вопрос? — несколько неуверенно спросил Михаил. — Наташа... Сержант Потапова — она выживет?

Я с интересом поглядел на него. Даже вроде волнуется...

— А что ей, помирать по такому незначительному поводу? Уже пошла

на поправку.

Понятно, я не стал ему говорить, что сразу после полета мы с Гошей, выгнав из палаты врача, стаскали девушку через портал и обратно. Но получается, про факт моего посещения санчасти Михаил уже знал.

В Георгиевск мы вернулись опять через два портала. То, что мы двое суток не выходили из Гошиной резиденции, никого особенно не удивило. Я вскользь обмолвился, что мы с высочеством решали очередную секретно-техническую проблему, такое и раньше бывало. В документах Михайловской летной школы никаких следов нашего пребывания не содержалось, это я проверил. Просто не хотелось слухов, что эти вот могут одновременно находиться в двух разных местах.

На Гошу эта история произвела довольно сильное впечатление.

— Он же вполне мог разбиться, например, если бы облака были до земли, — заметил мне Гоша.

— Мог бы. И что? Жить вообще опасно. Ну в авиации чуть опасней, чем просто в великих князьях, но ненамного. Это удивительно, что пока на «Святогорах» никто не гробанулся. Видно, удачная машина получилась, опять же летает невысоко, недалеко и небыстро. Но вечно так не будет, раз катастрофа вероятна, когда-нибудь она случится. А чтобы это произошло не с нами и вообще попозже, надо инструкции соблюдать, блин! Для кого я последние глаза портил, по ночам их пишуци?

После этого случая Гоша все-таки издал приказ по ИВВФ, где указывал на необходимость точнейшего соблюдения инструкций и пояснял, что их нарушение может быть оправдано только в исключительных случаях и всякий раз будет предметом самого тщательного разбирательства. Видя такое служебное рвение, я даже позавидовал и тоже разразился бумагой, в которой лейтенанту Полозову, а также сержантам Кузнецовой и Потаповой объявлялась благодарность с вручением денежной премии. И еще одной, в которой моему заму по первой летной школе хорунжему Храбрецову (не пора ли его авиационным капитаном сделать?) предписывалось создать аварийно-спасательную службу. А то вдруг и здешнее высочество потеряется?

Глава 29

— Добрый день, Танечка, заходите, — приветствовал я свою гостью. — Давайте, что у вас там, я сразу подпишу, чтоб потом не отвлекаться. Смета на расширение роддома... А это что, женское реальное училище? Замечательно. Вроде с этим все? Ну тогда перейдем к нашим делам. Сигаретку не желаете? И кофе тоже имеется, растворимый, как вы любите (хотя здесь его уже изобрели, я употреблял более привычное для меня «Нескафе голд» и Татьяну угощал им же).

В этом отношении наши с ней вкусы целиком совпадали — я тоже к кофе в зернах всегда относился весьма прохладно.

— Итак, — сказал я даме после паузы, — две ваши последние операции проведены блестяще. Выбирайте награды. Что я могу для вас сделать?

— Помните, в первой нашей беседе вы говорили...

— Прекрасно помню. Думаю, сеанс улучшения здоровья мы вам устроим на неделе. Но, вы уж извините, повторюсь. Ничему не удивляться, никаких вопросов и никому ни полслова. А еще какие-нибудь пожелания у вас есть?

Татьяна начала было улыбаться, но вдруг резко посерьезнела и достала из своей сумочки визитку.

— Вот, — сказала она, — отдайте мне этого человека.

Я повертел в руках картонку — попечитель Зарайской женской гимназии коллежский асессор такой-то...

— Краткие комментарии можно? — поинтересовался я. — Просто для экономии времени шестого отдела?

Комментарий дамы был действительно кратким:

— Сволочь!

— Ладно, поверю... Вам его в упакованном виде или доставкой сами озаботитесь?

— Вот просто для экономии времени шестого отдела, — мило улыбнулась Татьяна, — я лучше сама. А для экономии вашего — не надо мне сейчас говорить о том, что все должно быть сделано тихо и благопристойно, я в курсе. Значит, можно действовать?

— Вполне.

В общем, мы расстались, довольные друг другом. Ну понятное дело, шестой отдел пусть за этой историей слегка присмотрит, но какова графиня

Монте-Кристо, однако! Впрочем, пай-девочкой она мне с самого начала не показалась.

А наградить ее действительно было за что — только что я прочитал подробный отчет об извилистых путях становления английской авиации.

Что интересно, сейчас Англия была единственной страной в мире, получившей хоть какой-то опыт боевого применения самолетов, и одной из двух, в которых авиация имела государственную поддержку.

Первый из купленных у нас «Святогоров» был отправлен в Южную Африку, как средство разведки мест базирования бурских партизанских отрядов. Поначалу он показал очень высокую эффективность благодаря полученным с его помощью данным — несколько бурских отрядов были практически уничтожены. Но потом буры соотнесли появление в небе тархтящей рукотворной птицы с последующими действиями англичан и банально сбили этажерку — судя по всему, из простой маузеровской винтовки. К тому времени де Хэвиленд сумел повторить «Святогор», а Максим — тринклеровский мотор, и еще три ДХ-1 были отправлены воевать. Эту сбивали сразу. Тогда было принято решение... нет, не об увеличении скорости или бронировании снизу. «Повысить высотность!» — получили приказ де Хэвиленд и Максим. В результате мощность нашего опозита простым увеличением размеров и объема подняли до пятидесяти сил, что позволило ДХ-1 МК-2 забираться на два километра. Потери от огня буров прекратились, эффективность разведки несколько упала, но все равно польза от самолетов была признана несомненной. Я со своей стороны тоже был с этим согласен, так как только что начались мирные переговоры в Претории, а в нашей истории они были в мае 1902 года.

Фирма де Хэвиленда получила крупный заказ на свои «Святогоры», под именем «Скайскаут» принятые на вооружение армии ее величества, и дополнительные деньги на разработку следующей модели. Максиму тоже достался госзаказ на моторы и немалый грант на какой-то самолет его собственной конструкции.

Максим, по предварительным данным, сочинял нечто запредельно гигантское, гораздо больших размеров, чем его предыдущий, развалившийся на старте урод-переросток. Кроме того, он догадался сделать спаренный движок, но не как мы, а горизонтально, цилиндрами друг за другом.

Пора было срочно организовывать утечку информации.

Я взял план-график работ по «Пересвету». Через пару недель его обещали выкатить на испытания. Надо будет сразу поставить рекорд грузоподъемности — зимой, когда воздух холоднее и плотнее, это чудо

сможет, пожалуй, поднять и полтонны. И корреспондентов побольше, корреспондентов! Заранее предупредить, что фотографировать нельзя, тогда точно не забудут аппаратуру взять.

Пришел курьер и принес срочный пакет. Ну наконец-то — письмо от Витте! Чем нас порадует Сергей Юльевич? Ну на «спасибо» за прекрасно работающий лохотрон мне пожалуиста не жалко... О том, что послезавтра в Питер приезжает японский премьер-министр Хиробуми Ито, я и так знал. Дальше Витте выражал сомнения, что даже с использованием лохотрона ему удастся донести до государя мысль о крайней полезности заключения если не союза, то мирного договора с Японией, и в осторожных выражениях предлагал поддержать его благие начинания. Если бы он только этим и ограничился, все бы было замечательно — я уже ему почти поверил, — но его подвело чувство меры, он захотел улучшить свое и без того совершенное произведение и предложил нам с Гошей приехать, дабы со своей стороны убедить Николая, что война с Японией крайне опасна для России. То есть не мир выгоден, не война чревата тем-то, а именно — война опасна! Не мог он сейчас всерьез рассматривать возможность нашего поражения, ну никак не мог... И уж тем более всерьез думать, что в этом можно убедить Николая. Пожалуй, не нужно мне туда сразу ехать. Пусть Гоша поначалу один погостит у брата, а в случае чего ссылка на меня подействует лучше моего прямого вмешательства.

Собственно, мы с высочеством уже обсуждали эту проблему и решили, что мое присутствие в Питере будет лишним. Так что оставалось действовать по заранее составленному плану.

Я снял трубку телефона.

Через неделю мы с Гошей подводили безрадостные итоги. Высочеству удалось убедить брата, что забыть о полученном одиннадцать лет назад ударе самурайским мечом по кумполу будет образцом христианского всепрощения, каковое ну никак не сможет быть не замечено на небесах, в смысле появления долгожданного наследника. Величество прониклось и произнесло перед обласканным Ито небольшую речь о русско-японской дружбе. А этот Ито после двухдневных консультаций с Витте слинял прямиком в Англию! Понятно, что, по словам Сергея Юльевича, во всем был виноват исключительно коварный японец...

— Это, по твоему любимому выражению, толстый полярный зверь, — мрачно сказал мне Гоша. — Если до того Николай чувствовал просто легкую неприязнь к японцам, то сейчас она уже ой какая нелегкая! Теперь

война неизбежна... Надо бы с кайзером заранее подружиться, что ли. И не нажать ли тебе кнопочку «Del» на пульте радиоуправления лохотроном, не помню, ты туда восемь или девять килограмм тротила заложил?

— Поздно пить боржоми, когда печень отвалилась, — буркнул я, — пусть пока поживет, гад. Эх, жаль, я туда микрофонов и телекамер напихать не догадался... Ну ничего, скоро Витте привезет свой прибор на ТО, исправлю ошибку.

— Ладно, — вздохнул Гоша, — может, Сергей Юльевич действительно не такая уж скотина, а эти фортели — инициатива Ито... В самом деле, пригодятся твои микрофоны. Но у меня для тебя еще новость есть, ты только со стула не падай. Помнишь, я тебе говорил, что моя маман хочет познакомиться с горным старцем?

— Помню, ну и что? Старец как тогда ни с кем просто так знакомиться не собирался, так и сейчас у него точно такое же настроение. Или она заболела?

— Нет, со здоровьем у нее все в порядке. И ее очень расстраивала невозможность пообщаться со старцем. Но теперь она узнала, что у того есть внук, и хочет познакомиться с ним.

— Попозже, — мотнул головой я. — Мне тут «Пересвет» испытывать, а потом вообще Рождество наступит, а с меня и прошлого, проведенного в Питере, хватит.

— Да не волнуйся ты, никто тебя в Питер не тянет. Она сама к нам хочет приехать на Рождество.

— Если без помпы, то я только «за», мне тоже будет интересно познакомиться.

— Без помпы, неофициально, — подтвердил Гоша, — но зато с дочерью. То есть с моей сестрой, Ольгой.

Вечером я прочитал пару интересных документов, полученных от шестого отдела. Первым было заявление старшего следователя Гниды. Помните, я рассказывал о принятом в штат спортивной школы спившемся хирурге? Этого типа вообще-то предполагалось использовать как врача при проведении интенсивных допросов, но старая сволочь вдруг нашла себя в палачестве, быстро постигла как достижения прогресса типа электричества, так и старые китайские методики и за пару месяцев дослужилась до старшего следователя, то есть руководителя соответствующего подразделения. Несостоявшегося убийцу Алчевского он расколол за час, и дальнейшие его работы с профессиональной точки зрения нареканий не вызывали. Он даже пить стал меньше, на службу

являлся почти трезвым и только дома, поздним вечером, позволял себе нажираться до свинского состояния. Как его звали на самом деле, никто, кажется, уже и не помнил, Гнида — это была прилипшая к нему кличка. По-моему, он ею даже гордился.

Так вот, старший следователь написал мне кляузу на Татьяну, что та, дескать, вмешалась в ход процесса и все ему испортила.

Вторая бумага была донесением агента, и там описывалась суть происшедшего. Изъятый Татьяной по моему разрешению попечитель гимназии (который в свое время вынудил Татьяну, да и не только ее, к сожителю) был сдан Гниде в качестве подопытного для отработки новых методик. Во время одного из сеансов пришла Татьяна, минут пятнадцать крепилась, потом ее вырвало, она достала браунинг и пристрелила то, что оставалось от коллежского асессора. По мнению наблюдателя, ей хотелось пристрелить и Гниду, но она сдержалась. Далее шла приписка начальника шестого отдела, в которой тот выражал сомнение в оправданности вхождения Гнидиной службы в состав шестого отдела. Мол, нельзя ли эту мерзость выделить в отдельное подразделение?

Пришлось написать два ответа. Первый — Гниде — содержал напоминание, что его служба работает не сама по себе, а исключительно по приказам. В данном случае заказ шел от Татьяны, и она могла делать со своим клиентом что угодно. Вот если бы он был не ее — тогда да, нехорошо. И если уважаемый Гнида до сих пор не понимает таких простых вещей, то я могу поспособствовать принудительному лечению от алкоголизма в стенах его же родного заведения.

Вторая бумага была начальнику шестого отдела. В ней содержался приказ о выделении столь не понравившейся ему службы в отдельное подразделение, именуемое седьмым отделом, и легкий выговор за то, что в изложении этой в общем-то правильной идеи содержалось много эмоций, но не было обоснованных деловыми соображениями аргументов. В случае если такой стиль работы будет прогрессировать, у шестого отдела может образоваться новый начальник, напомнил я.

Татьяне я, подумав, решил не писать и не говорить ничего.

Первый из «Пересветов» родился гражданским, то есть кабина была закрытой и кроме пилотского имела два пассажирских места, а вооружение отсутствовало. В начале декабря я облетал этот пассажирский лайнер. Ну что тут скажешь — черты «Святогора» в нем лезли отовсюду, начиная от взлета без каких-либо специальных действий летчика и кончая привычкой клевать носом при неосторожном движении штурвалом; но так как он был

существенно тяжелее своего предка, клевки выходили менее резкими.

На форсаже всех трех моторов этот бегемот разогнался до сотни, а крейсерская скорость была восемьдесят. Взлетная и посадочная — примерно как у «Святогора», сорок пять — пятьдесят. Что меня удивило — пустой, без пассажиров «Пересвет» мог забираться довольно высоко, мне удалось набрать больше четырех километров. Так даже «Тузики» не летали! Это что же, теперь для борьбы со своими же творениями придется создавать высотные истребители?!

Ну и наконец этот самолет гораздо лучше «Тузика» подходил для организации тренировочных прыжков с парашютом — теперь, как и положено в авиации, инструктор мог отправить колеблющегося ученика в свободный полет отеческим пинком под зад, причем имелось достаточно места для размаха.

Кстати, это был первый в моей летной карьере самолет с числом моторов более одного. Никаких кардинальных отличий от одномоторных я не заметил, разве что встроенный сектор газа требовал некоторой привычки.

Полтонны груза это изделие поднять не смогло, но четыреста килограмм осилило.

Маша, слетав на нем после меня, сказала, что теперь можно спокойно катать любых пассажиров, только заранее следует озаботиться пакетами. Еще она предложила в свободном месте пассажирского отсека разместить журнальный столик, а окна снабдить занавесками. На пол что-нибудь вроде паркета настелить, стены обоями обклеить... В пассажирском самолете должен быть комфорт, как подытожила племянница.

После испытаний был показ нового самолета широкой публике, в основном корреспондентам. Несколько наиболее смелых рискнули прокатиться по воздуху и теперь свысока смотрели на своих так и не отважившихся бросить вызов земному тяготению собратьев.

До Рождества оставалась неделя, когда Гоша принес мне красиво оформленный, с завитушками и печатями, великокняжеский бланк.

— Вот, — сказал он, — ознакомься. Послезавтра приезжают маман с Ольгой, а твой опыт общения с дамами высшего света равен нулю, Аликс я не считаю, она тебе в рот смотрела, как загипнотизированная. Ну я тебе и написал небольшую памятку, во избежание.

Я взял бумагу. Заголовок гласил: «Пожелания о поведении инженера Найденова в присутствии Высочайших особ».

Дальше шел текст:

«В оном присутствии вышеупомянутому инженеру не рекомендуется:

— При разговоре ходить из угла в угол, особенно с сигаретой в зубах; если уж так приспичит покурить, спросить разрешения у дам.

— Плеваться, даже если что-нибудь очень не понравится.

— Употреблять непечатные слова, а также следующие печатные: черт, сука, сволочь, задница, козел, ублюдок, блин, песец.

— Жрать. То есть пищу надо принимать так, чтобы это действие могло быть описано глаголом „кушать“.

— Зевать во всю пасть, пусть даже и тема беседы не кажется безумно интересной.

— Каждые пять минут смотреть на часы.

— По окончании приема с облегчением восклицать „ну наконец-то!“»

— Издеваешься, значит... — покачал головой я. — Ладно, тогда решение за тобой, выбирай. Или я в полном соответствии с твоими указаниями веду себя а-ля граф Фредерикс, ну, может, почти а-ля. Или я сую в зубы сигарету и, расхаживая из угла в угол, говорю нечто вроде: «Оля, а вы уверены, что лысина украшает женщину?» — после чего сажусь жрать.

— Какая лысина? — изумился Гоша.

— Эх ты, любящий брат! У тебя сестра от нервного расстройства в связи с неудачным браком сейчас последние волосы теряет, а ты тут мне про песец, блин, циркуляры пишешь.

— Две недели назад же ничего не было!

— Парик был. Хороший, видимо, парик, раз ты ничего не заметил. Так что, пожалуй, вместо обсуждения этикетских вопросов давай-ка мы подумаем, как эту ситуевину разрулит горный старец.

Глава 30

Перед дверью я еще раз оглядел свой джинсовый костюм, кроссовки, потом в зеркальце — собственную рожу на предмет благообразности бороды и прически. Все было в норме, и я, постучав, открыл дверь в Гошину гостиную. Прислуги у него было мало, да и та вся из шестого отдела, так что никаких лакеев вокруг высочества, его матери и сестры не суеилось.

— Позвольте представить вам моего друга и соратника Георгия Андреевича Найденова, — сказал, встав, Гоша.

— Сударыни, я рад познакомиться с матерью и сестрой моего лучшего друга в этом мире, — поклонился я. — И заранее прошу у вас прощения за возможные нарушения этикета. Уверяю вас, если они и будут, то вовсе не от недостатка уважения, а просто из-за малого опыта великосветского общения.

Я подошел к столу и сел. Дамы с интересом рассматривали меня и мой прикид — слышать-то они и о том, и о другом слышали, но видели впервые.

— Прошу вас передать вашему деду, — нарушила молчание Мария Федоровна, — огромную благодарность за спасение жизни сына. Я просто в отчаянии, что не могу это сделать лично...

— Лично — да, не получится, старец сейчас работает в иных измерениях, — подтвердил я, — а вот по межмировой трансляции с ним вполне можно связаться... — Я чуть подумал и добавил: — Ваше величество.

— Ну что вы, Георгий Андреевич, у нас же встреча в узком кругу, — махнула рукой вдовствующая императрица, — и, простите, я не поняла — как связаться?

— Телефон вы себе представляете? Звук при помощи электричества передается по проводам в другой конец города. Так и тут, только не по проводам, а по межмировой субстанции, при помощи не электричества, а духовно-магнетической энергии, и не только звук, но и изображение. И не с другого конца города, а из иных измерений, а в остальном все то же самое.

Тут надо сделать небольшое отступление. В процессе подготовки мы с Гошей решили, что вот сейчас никаких звуковых, световых и прочих идиотских эффектов не надо — не та аудитория. Все должно быть просто и

убедительно. В результате у меня в домашнем кабинете появился плазменный экран с соответствующей аппаратурой. Я записал на него полтора десятка выступлений старца на разные темы и пяток интермедий, потянуть паузу в случае чего, с возможностью оперативного выбора сюжета. В качестве фона были надерганы картины с сайтов художников-фантастов.

— И когда же это сможет произойти? — заинтересовалась Мария Федоровна.

— Через, — я посмотрел на часы, — пятьдесят шесть минут. Можно не торопиться, отсюда идти три минуты.

Я жил в небольшом коттедже, примыкающем к Гошиному дворцу, и туда вел крытый застекленный переход, так что даже одеваться нужды не было.

— Мы можем пока слегка позавтракать, — сказал Гоша и нажал одну из кнопок. Через пару минут стол был сервирован.

За завтраком беседа шла в основном между мной и вдовствующей императрицей, Ольга молчала и вообще, по-моему, смотрела на меня с некоторым испугом. Марию Федоровну интересовал в основном старец, типа трудно ли быть его учеником (первые двадцать лет было хоть в петлю лезь, а потом привык), что это дает (да в общем-то ничего, кроме силы и знаний) и так далее. Наконец мы закончили трапезу, встали и отправились в мой домашний кабинет.

— Проходите, рассаживайтесь, изображение будет вот тут. — Я показал на экран. — До сеанса связи осталось четыре минуты.

Сам я сел к пульта управления. Точно в назначенный срок серый экран подернулся рябью, и на нем возник горный пейзаж, пронзительностью красок и еще какими-то неуловимыми деталями наводящий на мысль, что на Земле таких мест быть не может. В центре кадра располагалось кресло, пока пустое. Вдруг сбоку появился пещерный лев, уставился прямо на зрительниц и мощно рыкнул. От низкого звука задрожали стекла, Ольга придушенно вскрикнула. Но тут в кадр вошел старец, ласково хлопнул льва по носу и со словами: «Ну поимей терпение, Мурзик, будет тебе сейчас печенка, будет, не мявкай» — выпроводил зверюгу за пределы поля зрения. После чего, сказав: «Добрый день, сударыни, я вас внимательно слушаю», сел в кресло и начал перебирать четки, каждые тридцать две секунды поднимая взгляд на зрительниц и затем снова возвращаясь к своему занятию. Где-то в середине третьего цикла старшая дама встала, поклонилась старцу и сообщила, что она ему донельзя благодарна за

исцеление среднего сына.

— Такого сына обязательно надо было исцелить, — кивнул старец, — и дочь у тебя очень хорошая девочка. Вот только за что же ты ее так?

— Вы имеете в виду... — начала было растерявшаяся Мария Федоровна, но старец перебил ее:

— Я говорю о замужестве Ольги. — Та широко раскрыла глаза и побледнела. — Какой политический смысл был в браке с этим мужеложцем? Или царских родственников развелось настолько много, что хотя бы отсутствием детей у Ольги решено сократить их популяцию?

— Но я же не знала!

Экран мигнул, и старец, уставив тяжелый взгляд на императрицу, тихо осведомился:

— А если сказать правду?

— Я... я слышала сплетни, но не думала, что это так серьезно! — почти выкрикнула дама.

— Ты, толком не обдумав последствия, приняла решение за свою дочь. Обманом заставила ее согласиться... — Дама дернулась было что-то сказать, но старец не обратил на это ни малейшего внимания. — Довольна? То, что происходит с Ольгой сейчас, — это только начало. Рассказать, что будет дальше?

— Не надо! — пискнула Ольга, но вредный старик проигнорировал ее крик души, продолжая сверлить взглядом императрицу. Пауза затягивалась, и я, прикинув, решил закруглять разговор. Экран снова мигнул, по лицу старца пробежала тень, и он сказал:

— Минутку, у меня возникло неотложное дело.

Экран потемнел, потом на нем появился лунный пейзаж и старец на первом плане, естественно, без скафандра. Вдали возносились в черное небо башни космодрома.

— Мне больше некогда разговаривать с вами, — сообщил старец, — тут в соседней галактике сверхновые одна за одной взрываются, надо разобраться. А ты не отчаивайся, девочка. — Он наконец-то повернулся к Ольге. — Я могу поручить своему ученику помочь тебе, ты это заслуживаешь, а ему это по силам. Согласна?

Ольга закивала. Старец встал в позу с плаката «А ты записался добровольцем?» и сообщил мне:

— Ты понял.

После чего экран погас, теперь уже окончательно.

По поводу последней мизансцены у нас с Гошей поначалу были

разногласия. Я предлагал, чтобы к старцу явился ангел со срочным предписанием из райской канцелярии, и они по завершении беседы вознеслись бы под соответствующую музыку. На что Гоша вполне резонно возразил мне, что, как бы мы ни мудрили над образом ангела, он все равно не будет соответствовать каким-нибудь канонам, всего не предусмотреть. И если дамы вдруг соберутся, на исповеди например, поделиться впечатлениями с духовным лицом, оно может и впасть в скепсис, ибо точно знает, как выглядит и как себя ведет настоящий ангел. А с космосом — простор. Фантастика уже есть, тот же Жюль Верн, повесть Циолковского на выходе, так что чем-то невообразимым лунный пейзаж не покажется, и он по определению будет правильным.

— Да, — сказал Гоша, когда все вернулись в его гостиную, — не очень удачно получилось, но что ж тут поделаешь, раз где-то понадобилось срочное вмешательство старца... Может, когда он будет посвободней, сумеет уделить нам еще несколько минут.

— Наверное, из-за своей занятости он был так... резок, — предположила императрица.

— Это он сегодня был еще добрый, — возразил я, — так бывает далеко не всегда. Да, и если общество не против, я вас покину минут на пять, покурить.

— Георгий Андреевич, вы не возражаете, если я составлю вам компанию? — поинтересовалась Мария Федоровна.

— Конечно, нет, только дамские сигареты у меня в кабинете. Вам принести или вы со мной сходите?

— С вашего позволения, схожу.

Императрица встала. Гоша хлопал глазами.

— Не вижу, почему бы благородному дону не посмотреть на ируканские ковры, — подмигнул я ему, — не скучайте, мы скоро.

В кабинете я достал свой «Аполлон» и спросил у спутницы:

— Вам действительно тоже предложить или вы просто хотели со мной поговорить наедине?

— Ну разумеется, именно поговорить. А вы курите, мне это несколько не мешает.

Я воспользовался ее разрешением.

— Мне правильно показалось, что вы пользуетесь очень высоким доверием старца? — спросила дама после паузы.

— Почти абсолютным, — ответил чистую правду я, — и, по сути, являюсь чем-то вроде его уполномоченного в этом мире. Господь ведь

создал не один мир, а множество, сейчас уже многие это начали понимать. Сам старец в дела нашего континуума почти не вмешивается, у него есть заботы в других.

— Он считает, что у нас и так достаточно хорошо?

— Наоборот. Он уверен, что у нас все настолько плохо, что вмешиваться уже поздно. Дело в том, что при определенных условиях старец способен видеть будущее. Вот он и посмотрел наше...

— Жаль, что простым смертным это не дано, — вздохнула Мария Федоровна. — Но, может, вы мне расскажете?

Что-то подобное я предусмотрел и заранее соорудил нечто вроде антирекламного ролика. Чтобы подчеркнуть его отличие от картин связи со старцем, он был сделан черно-белым, местами с намеренно ухудшенным качеством. Там был монтаж, кадры из кинохроники, зомбоящика и Интернета.

— Я вам покажу, — сказал я. — Старец смог записать то, что увидел. Смотрите.

Императрица, не отрываясь, глядела на экран.

— В России произойдет революция, монархия будет свергнута, дворянство и духовенство практически уничтожены, — анонсировал первую серию я.

Штурм Зимнего... Затем на экране матросы сбрасывали орлов с кремлевских башен. Расстрел царской семьи, расстрел Михаила... Императрица побледнела и закрыла рот рукой. Снова расстрелы, расстрелы... Взрыв храма Христа Спасителя.

— Потом будут две страшные войны с десятками миллионов жертв, — продолжил я. — Причем погибнут лучшие.

Вторая серия представляла собой подборку наиболее эффектных кадров по Второй мировой и завершалась Хиросимой.

— А дальше человечество выродится. Господствующей идеологией станет абсолютная свобода личности в реализации своих самых низменных устремлений с единственным ограничением — не мешать другим, таким же.

Третий сюжет начинался обычной порнухой, правда, предельно гнусной, потом плавно перетекал в педерастическую и, так сказать, на закуску, заканчивался чемпионатом мира по «кто больше нагадит». Как и положено, он то и дело прерывался рекламой средств от перхоти, ожирения и импотенции.

— Так хочет жить и живет считающий себя элитой человечества и устанавливающий законы «золотой миллиард», — прокомментировал я. — А чтобы ему это обеспечить, остальные шесть живут вот так!

Четвертая серия состояла из кадров самой вопиющей нищеты, которые я только смог нарыть, перемежающихся картинами экологических катастроф типа высохшего Арала. Кончалась она брошенной русской деревней с развалившейся церковью на заднем плане.

Моя гостыня была на грани обморока, я даже на всякий случай достал аптечку.

— Не надо, — слабо махнула рукой она, — мне уже лучше... О боже, какой ужас! Какая мерзость!

— Да, будущее у нас непривлекательное, — подтвердил я. — И старец считает, что в его неизбежности виноваты практически все живущие, за исключением немногих чистых душ, к которым он только что отнес и Ольгу. Потому и был так резок с вами...

— А вы? — взволнованно спросила императрица. — Вы как считаете?

— Мне рано делить людей на правых и виноватых, — потянулся за следующей сигаретой я, — мне хочется просто не допустить того, что вы видели. Старец ведь не считает, что это совсем невозможно — он уверен, что человечество достойно именно такой судьбы. А я, смотря на ваших младшего и среднего сыновей, на Ольгу, на многих других, не могу с ним в этом согласиться.

— Я чувствовала, что Ники ведет страну в пропасть, чувствовала... Но не думала, что это будет так страшно и так скоро! Они же там, на этих жутких картинах, были совсем ненамного старше, чем сейчас! — Императрица помолчала, набираясь решимости. Потом сказала преувеличенно спокойным голосом: — Георгий Андреевич, я прошу вас внимательно выслушать то, что я вам скажу. Когда семь лет назад почил мой венценосный супруг, я была уверена, что трон должен занять не Ники, а Жорж, и у меня в этом была достаточно влиятельная поддержка. Но его болезнь... да он просто мог не перенести дорогу в Питер. Сейчас поддержка влиятельных людей у меня по-прежнему есть, хоть и в несколько меньшей степени. Зато теперь Жорж здоров, и его поддерживаете вы! Стоп, — властным жестом остановила она меня, — не надо мне сейчас ничего говорить. Мы собираемся гостить здесь еще неделю, у вас будет время все как следует обдумать, да и у меня тоже. А пока, — слабо улыбнулась Мария Федоровна, — не поделитесь ли со мной, как вы собираетесь выполнять поручение старца относительно моей

дочери?

— Ну, — предположил я, — развод, пожалуй, не лучший выход, это вредно отразится на репутации Ольги. Так что некоторое время ей придется потерпеть существующее положение дел. Здоровье я ей поправлю, не волнуйтесь. А ее муж... он, гад, ищет наслаждений, и гори все остальное синим пламенем? Он их получит. Столько, сколько захочет. И будет честно предупрежден, что излишества могут оказаться вредны для самочувствия. Никто его и пальцем не тронет, он сам выберет свою дорогу и пройдет по ней до конца — эта дорога будет из тех, с которых невозможно свернуть.

«Героин тут уже производится, — подумал я, — но этому клиенту лучше из моего мира синтетики натаскать, она эффективней».

Мои обещания насчет Ольгиного здоровья отнюдь не были блефом. Утверждение «все болезни от нервов» идеально подходило к ее случаю, в нашем мире она через год бы успокоилась, и волосы тут же отросли обратно. Здесь я ее постараюсь успокоить пораньше, через портал свожу для поднятия общего тонуса, ну лекарств каких-нибудь из своей Москвы презентую, сильно не помогут, но все-таки.

— Я рада, что мы с вами так замечательно побеседовали, — светским тоном сказала императрица, — предложите мне руку, и давайте вернемся к моим детям. Я смотрю, вы живете совсем скромно, — продолжала она по дороге. — Неужели вы все силы вашей недюжинной природы тратите на помощь моему сыну в его трудах на благо России, ничего не оставляя себе? Если бы вы знали, сколь редко ныне можно встретить такое...

Глава 31

На следующий день к нам приехал Михаил, провести Рождество в кругу семьи, и вернулась из Москвы Маша. Будучи представленной Марии Федоровне, она вела себя скромно и произвела неплохое впечатление. После беседы с ней императрица подошла ко мне:

— Георгий Андреевич, мне очень понравилась ваша племянница, но, надеюсь, вы понимаете, что о браке Жоржа с ней речи идти не может?

Я, в общем, был готов к такому повороту событий, а потому, сделав наивное лицо, изумился:

— Да отчего же? Все зависит от развития событий. Вот представьте себе, победила та самая революция, а мы, как люди предусмотрительные, успели сбежать. И почему бы тогда парижскому таксисту Гоше Романову не жениться на английской летчице и художнице Маше Островской?

— Вы... да как... извините. Это вы серьезно говорите?

— В какой-то мере. Я просто хотел подчеркнуть, что все меняется. Сейчас — да, великий князь Георгий не может себе позволить такого брака. Но если, например, возможность занятия им престола будет исключена, то отчего бы и нет? Пожалование Маше титула княгини Ла-Маншской — вопрос нескольких ближайших месяцев.

— Я вас поняла, — кивнула императрица, — не могу сказать, что согласна, но хорошо уже то, что мы уяснили позиции друг друга в этом вопросе.

Вечером был ужин — чуть не сказал «при свечах». Разумеется, при электрическом освещении, это у нас ими подчеркивают камерность обстановки, а в то время свечи говорили только о том, что хозяин не может себе позволить нормального света. А после ужина состоялось наше с Машей выступление. Мы, собственно, уже давно собирались потихоньку внедрять здесь подходящие песни нашего времени, да все как-то не доходили руки, но тут Маша наконец дождала меня. Сама она очень неплохо пела и играла на гитаре и синтезаторе, так что ее было решено объявить композитором. Мне досталась роль поэта, потому как петь я мог только Высоцкого, да и то далеко не всего, а на гитаре знал четыре аккорда.

Сначала был представлен синтезатор, объявленный последним изобретением инженера Найденова. Правда, было уточнено, что он работает на уникальных тибетских кристаллах и поэтому существует лишь

в единственном экземпляре. Потом было сказано, что кроме всего прочего я еще и поэт. Почему-то это удивило только Михаила, дамы восприняли новость как должное. Наконец конференс закончился, и начался концерт. Первую песню мы объявили посвященной Марии Федоровне, и Маша спела «Кавалергардов». Императрица благосклонно покивала, зато Ольга воодушевилась и широко открытыми глазами глядела на Машу. Следующим номером была «Госпожа удача». Потом я взял гитару, сказал, что спою пиратскую песню, которую в детстве слышал от деда, и изобразил «Еще не вечер». На этом общая часть концерта была закончена. Молодежь осталась знакомиться с синтезатором и нотами песен, а мы с Марией Федоровной прошли в библиотеку. Мне почему-то вспомнилась соответствующая сцена из «Операции Ы».

— Георгий Андреевич, я хочу задать вам два прямых вопроса и надеюсь получить на них столь же прямые ответы. Вы можете мне это обещать?

— Могу и обещаю, задавайте, — кивнул я.

— Благодарю вас. Первый вопрос: как вы себе представляете восшествие на престол Георгия?

— Только через отречение Николая, — твердо сказал я. — Притом, чем оно будет добровольнее, тем лучше. Силовые методы не годятся, даже если поначалу все пройдет успешно, в будущем оно обязательно аукнется.

— И второй вопрос. Не будем отрицать очевидное, в обсуждаемом нами случае вы становитесь вторым лицом в Российской империи. Намерены ли вы способствовать сохранению самодержавия или, наоборот, считаете необходимым превращение России в конституционную монархию?

— А вот этот вопрос не так прост, одним словом на него не ответишь. Я считаю, что на ближайшее время оптимальным будет строй, по внешнему виду похожий именно на столь не любимую вами конституционную монархию, а по сути являющийся монархией значительно более абсолютной, чем сейчас. Если на то будет ваше согласие, мы обсудим детали такого обустройства России, например, послезавтра. Мне надо подготовиться.

После ужина я засел за писанину — самое время было сформулировать основные тезисы своей позиции. Исходил я из того, что сейчас у монарха слишком много функций — на нем замыкается практически все, вплоть до того, что император по совместительству является премьер-министром. Даже самый способный человек просто

чисто физически не сможет уследить за всем, что уж тут говорить про Ники... А каково основное дело монарха? Ради чего он вообще нужен на вершине властной пирамиды? Главное — держать в узде элиту. Ведь она по определению стремится вовсе не к процветанию государства (редкие исключения в расчет не берем), а к своему. Сталин, например, с держанием в узде справился замечательно. А его последователи отпустили вожжи, и все начало разваливаться. И второе — монарх должен обеспечивать механизм воспроизводства этой самой элиты. Тут сложнее, даже опыт Виссарионыча не очень поможет, при нем было не воспроизводство, а подбор кадров — это немного не то.

При наличии органа вроде не к ночи будь помянутой Госдумы императору необходимо право отклонять любую кандидатуру, стремящуюся туда, и любой законопроект, исходящий оттуда, с формулировкой: «Противоречит государственным интересам». Вот тут придется попотеть, чтобы эти формулировки казались ограниченными массой условий, а на деле могли применяться в любой момент. Нужны то есть хорошие юристы и хорошие демагоги.

А остальные функции монарху необязательны, их вполне можно ограничить. Типа строго запретить запивать свежие огурцы парным молоком и ковырять в носу на заседании кабинета министров.

Во исполнение этих пунктов, понятно, губернаторы должны назначаться царем. Их немного, они подотчетны ему и обязаны лично отвечать за работу своей шкуркой. А вот ниже, на уровне земств, должна быть выборность. Да, у губернатора будут какие-то права типа вето и отвода кандидатов, но строго в рамках конституции. И в той же конституции будет прописано, что первые три класса Табели о рангах выходят из общей юрисдикции и попадают под императорскую. То есть чтобы повесить коллежского регистратора, нужен суд. А канцлеру достаточно будет того, что монарх после чая скажет начальнику соответствующей службы что-нибудь вроде: «Знаешь, мне что-то вон тот последнее время не очень нравится...» Да, тут возможен произвол, и в отдаленной перспективе надо будет придумать какой-то механизм его ограничения. Но сейчас любой произвол одного будет куда лучше имеющегося произвола неисчислимой чиновничьей своры. Правда, при такой системе тезис «дворянство — опора трона» потеряет актуальность. Так он ее давно уже по факту потерял — не страшно. Опирается придется на народ, то есть поначалу на солдат и активную часть крестьянства. С буржуазией не очень ясно, вряд ли экономическая свобода при отсутствии политической вызовет в этой среде единодушный восторг, но какая-то часть

поддержит, факт.

Через день я снова принимал высокую гостью в своем кабинете.

— Краткая преамбула, — сказал я, кладя перед ней документ. — Дело в том, что сейчас царь ограничен только своей коронационной присягой. Вне ее у него масса прав, в большинстве своем для управления государством совершенно лишних. Вот их я и предлагаю ограничить конституционно, а особо ненужные даже строго-настрога, на радость либеральной публике. А действительно необходимые, наоборот, усилить путем их закрепления в той же конституции, а главное — благодаря созданию механизмов их беспрепятственного применения. Читать документ надо здесь, вы уж извините, выносить такое отсюда нельзя.

— Хорошо, — согласилась императрица, доставая из сумочки очки.

— Не буду висеть у вас над душой, — сказал я, вставая, — когда я вам понадобится, нажмите вот эту кнопку.

Я вышел в соседнюю комнату, которая объединяла в себе столовую, библиотеку и пункт наблюдения за кабинетом. Но пользоваться последним преимуществом я не стал: во-первых, смотреть и слушать было особенно и нечего, а во-вторых, дама была мне в какой-то мере симпатична.

Полчаса спустя раздался звонок, и я вернулся к своей гостье.

— Интересный взгляд на проблему, — сообщила она мне. — Некоторые моменты мне очень нравятся. Но некоторые, простите, весьма не очень. Ближе к делу я ознакомлю вас со своим видением этого вопроса. Однако не пора ли нам перейти от стратегии к тактике?

— Давайте перейдем. Как раз сейчас, насколько я в курсе, в правящих кругах Англии и финансовых — САСШ^[12] принято решение о том, что нужна Русско-японская война.

Кстати, в прозретом старцем будущем она была, и Россия ее с треском проиграла. Вот я и предлагаю активную фазу привязать к этой войне, а до того потихоньку внедрять в сознание нужных людей мысль о несоответствии Николая высокому предназначению главы России... Алису надо обрабатывать отдельно. Да, сейчас у меня есть на нее какое-то влияние, и к Маше она благоволит, но это мгновенно кончится при первом же намеке на возможность отречения. А вот если потихоньку, исподволь, нагнетать страх, говоря о близости революции и о ее ужасах... Типа всех зарежут, сразу! Детей в первую очередь! Спасения нет! И постоянно сохранять напряженность. А в нужный момент пусть кто-то, не относящийся к нам, намекнет: спасения на троне нет... а так оно есть.

— Неплохо, Георгий Андреевич, прямо скажу, не хотелось бы мне

иметь вас в числе своих врагов.

— А зачем же врагов? — удивился я. — Наоборот, хотелось бы с вами подружиться, даже... э-э-э... во всех смыслах. Я ничего особенно неподобающего не ляпнул?

— Пока нет, — рассмеялась императрица, — посмотрим, что дальше будет. Пожалуй, надо немного отойти от прозы жизни и вспомнить, что сейчас праздник. Вы собираетесь как-нибудь развлекать дам?

— Давайте я вас на самолете покатаю, — предложил я. — Посмотрите, как выглядит наша страна с высоты птичьего полета. Георгиевск с Серпуховом — ладно, а вот Москва — это красиво. Хотите? Вас — это я имею в виду только вас, без Ольги, ей сначала надо нервы в порядок привести, а потом летать.

Весь следующий день я пахал как папа Карло — салон «Пересвета» нужно было превратить в одноместный, но сильно повышенной комфортности. Не один, конечно, с помощниками, но тут был не тот случай, когда всю работу можно свалить на подчиненных. Кабину изнутри обклеили ковролином, поставили нормальное кресло, столик, а заодно и бар с коньяком, водкой, сухим вином и безалкогольным пивом для меня. Кстати, я многократно предупреждал народ, что лично прибую любого, появившегося под градусом не то что в воздухе, а даже на аэродроме, и не собирался сам нарушать это правило. Из современной Москвы я притащил стаканы с магнитами в доньшке и каталитический обогреватель. Моторы были спешно дооборудованы глушителями, вместо касторки использовалась двухтактная мотюлевская полусинтетика с запахом клубники. На ручку и педали были поставлены демпферы. Дело в том, что «Пересвет», подобно У-2, мог летать с брошенным управлением, и демпферы позволяли в этом случае уменьшить отклонение от курса. Уже под вечер я облетал преображенный пассажирский лайнер, все было нормально. После посадки Маша украсила самолет большой надписью «Борт № 1».

В последний день 1901 года, в десять утра, произошло эпохальное событие — в воздух поднялось первое величество. До этого там колбасились только два высочества, не считая народ попроще, и данное событие было должным образом запечатлено на пленку (ГОМО только что освоило выпуск пленочных фотоаппаратов). Погода была прекрасной — минус три, солнце и полное отсутствие ветра.

Первое время я с некоторым беспокойством оглядывался в зеркало

заднего вида, специально для этого привинченное слева от меня, — не плохо ли пассажирке? Но ей, похоже, было хорошо. Она слегка покраснелась и выглядела так, как будто была моложе меня не на три года, а на все двадцать.

Набрав километр высоты и выйдя на курс вдоль железной дороги, я слегка прибрав газ — не особенно громкий гул моторов превратился в уютное урчание. Зафиксировав курс, я снял руки и ноги с управления и, пересев на край кресла, повернулся назад — так я оказывался лицом к пассажирке, по другую сторону ее столика.

— Ну и как вам полет?

— Замечательно, гораздо лучше, чем ехать в карете. И совсем не страшно.

— Ну тогда можно и приступить, даже не знаю, как это назвать, к ланчу, наверное. Вам чего налить, водки, коньяку, вина?

— Вина, пожалуйста.

— Ладно, а мне за штурвалом можно только пиво. Вот там внизу ящичек, откройте.

— Надо же, бананы, ананас... а это что? И откуда?

— Это киви, из Новой Зеландии.

За неспешной беседой я регулярно поглядывал вниз, не сильно ли мы отклонились от железки, и пару раз ненадолго возвращался к управлению, поправить курс.

— О, а это уже Москва? — заинтересовалась Мария Федоровна.

— Нет, пока только Подольск. До Москвы лететь еще минут двадцать. И как ни жалко прерывать наше общение, но мне пора пилотировать.

Я начал потихоньку снижаться, по опыту зная, что наилучшая высота для экскурсии над большим городом — где-то метров пятьсот.

— Какая прелесть! — восхитилась императрица, когда мы пролетали над Царицынской усадьбой.

Я взял курс на Кремль. После второго круга над ним пассажирка заявила:

— Великолепно! Обещайте мне, что как-нибудь покажете с воздуха и Петербург!

— Обязательно, — согласился я, — а лет через несколько, когда самолеты станут посововершеннее, и в вашу родную Данию можно будет слетать.

Мы повернули обратно, и я снова начал набирать высоту. По дороге домой в небе уже начали попадаться небольшие облака, и я, прибавив газу, чуть задрал нос. «Пересвет», практически пустой, да к тому же с

наполовину выработанным бензином, бодро полез вверх. Полтора километра... два... два с половиной... Мы летели над редкими облаками. Сейчас-то мне такое зрелище казалось обыденным, но я помнил, каково было увидеть это в первый раз. Я глянул в зеркало — судя по виду, императрица была потрясена. Я открыл рот, чтобы прокомментировать зрелище, но тут мое ухо уловило какой-то посторонний призыв в работе моторов. Я прислушался — так и есть, левый звенит. Опять, значит, коренные подшипники... Это было нашей едва ли не самой большой головной болью в моторном производстве. Мало того что треть уходила в некондицию, так и среди прошедших ОТК каждый двадцатый выходил из строя задолго до выработки ресурса.

Вообще-то «Пересвет» мог нормально лететь на двух моторах, а пустой — так и вовсе на одном, но выключать инвалида я не стал. Да, при выключении в моторе пришлось бы менять только подшипник, а продолжение работы приведет к списанию всего мотора, но не хотелось показывать императрице, что у инженера Найденова что-то может пойти не так. Хрен с ней, железякой дюралевой, имидж важнее, а на малом газу еще час она точно проработает.

Я прибрал крайний левый сектор.

На подлете к Серпухову нас ждал сюрприз. Со стороны Оки приблизились два «Святогора» и пристроились к нам по бокам и чуть сзади — эскорт, однако. Я снизил скорость, чтобы тихоходные «истребители прикрытия» не отставали. Присмотрелся, кто их пилотирует, — ага, Михаил и Гоша. Императрица тоже узнала сыновей и помахала им рукой из окна. Вот и Георгиевск...

— Огромное вам спасибо, это было незабываемо! — с чувством сказала мне Мария Федоровна, когда я помогал ей спуститься на землю по трапу из трех ступенек.

Через день дамы покидали Георгиевск.

— Будете в Петербурге — обязательно жду в гости, — сказала императрица на прощание. — Помните, что теперь двери Аничкова дворца для вас всегда открыты.

Глава 32

«Тузик» долго, почти две минуты, разбежался по заснеженному полю, но наконец взлетел. Тяжело взлетел, неуверенно... Посторонний наблюдатель смог бы заметить, что это какой-то не совсем обычный «Тузик» — с обрезанными крыльями и ненормально низко расположенным центропланом, так что было непонятно, где там может поместиться пилот. Но посторонних на левом берегу низовой Волги вообще водилось мало, а уж на секретном полигоне их присутствие было полностью исключено.

Я ткнул джойстиком назад, потом, посмотрев на реакцию самолета, еще раз. Опасно покачивая крыльями, «Тузик» с трудом набирал высоту. Я вспомнил молодость, свою первую радиоуправляемую модель — пожалуй, та летала получше, а вот управлялась похуже. Но, однако, поворачивать надо, пока подопечный за горизонт не улетел... Я три раза качнул джойстик вправо.

Управление производилось с пятнадцатиметровой деревянной вышки. Вокруг была заснеженная степь с ярко-оранжевой черточкой самолета у горизонта. Вот она повернулась, на короткое время стала крестиком и снова почти исчезла. Сейчас самолет летел под прямым углом к предыдущему курсу. Я опустил бинокль.

Это был не просто радиоуправляемый аппарат. Там имелся релейный автопилот с двумя гироскопами, а по радио шли только команды о смене курса. Теперь «Тузик» летел прямо на бревенчатый сарай, из которого навстречу ему ударили очереди двух пулеметов. Я передал команду «противозенитный маневр», и обстреливаемый начал совершать резкие рывки из стороны в сторону, сохраняя при этом общее направление. Вроде пока летит, ладно, уходим от сарая, ведем его поближе к нам.

Так, подлетает... Я нажал кнопку рядом с джойстиком, мотор заглох, и «Тузик» неуклюже плюхнулся, сломал шасси, некоторое время пахал носом снег, а потом перевернулся и застыл кверху брюхом. Ничего особенного в этом не было, штатный полет данного аппарата посадки вообще не предусматривал, вместо нее предполагалась встреча с целью.

Крылатая ракета у нас с Поморцевым пока не получалась, и я решил попробовать обойтись тем, что уже было, — самолетами. Два первых разбились, а вот третий вроде вел себя терпимо. Посмотрим, сколько дырок и где в нем найдется после этого полета.

Присутствовавший при испытаниях Гоша был в восторге. Еще бы,

только что нормально отлетавший самолет имел на борту почти четыреста килограмм песка! И мне удалось его по г-образному маршруту вывести прямо на сарай, расположенный в пяти километрах от нас. Это было ценно еще и потому, что недавно выяснилось одно ранее нами не замеченное свойство портала — он мог открываться только в места, сохранившиеся с прошлого визита в неприкосновенности или близком к ней состоянии. Когда мы попробовали открыть дырку в трюм ремонтируемого «Петра», у нас ничего не вышло. Аналогично получилось и с «Микасой», так что с ней придется бороться без возможности подбросить гранату в зарядный погреб.

— Ну что, ждем результатов летних испытаний на Каспии или прямо сейчас запускаем аппаратуру в серию? — гордо осведомился я. — «Тузики» можно потом быстро наделать, а там, глядишь, и «Бобики» пойдут.

— А ты сколько комплектов к лету успеешь подготовить? — поинтересовался Гоша.

— Ну штук пять-шесть... Может, конечно, и семь, но не обещаю. И надо еще один особый автопилот сделать и под него специальный «Тузик», чтобы он мог садиться, надо же на чем-то операторов тренировать.

— И откуда мы их запускать будем? Имеется в виду не на испытаниях, а на войне.

— С «Мономаха». А вот управлять — с катамарана, он сможет подойти ближе к цели. Или запускать с берега, а управлять с самолета.

— Мне вот какая мысль пришла, — сообщил Гоша, — а что, если самолет для заметности снабдить дымовой шашкой? Еще и направление ветра у цели можно будет как-то видеть.

— Можно. И прожектор для ночной атаки тоже надо будет попробовать... То есть два — один на самолете-наводчике, а другой на снаряде. А насчет шашки... Трассер ему в зад, сразу не только заметность повысится, но и пространственное положение со стороны будет определять легче.

К этому времени упавший самолет был перевернут и погружен на специальные сани. Мы спустились с вышки, испытания были закончены. Нас тоже ждали сани, но с приставкой «аэро», то есть три лыжи с кабиной и мотором от «Святогора». Пора было ехать в Михайловку, которая потихоньку начинала превращаться в город Михайлов. Там нас ждало младшее высочество, получившее наконец-то третий класс и звание капитана.

В отличие от Георгиевска при застройке Михайловки никаких отклонений от плана не допускалось. Поселок был строго квадратный, три

улицы параллельно Волге и три перпендикулярно. В центре — резиденция Михаила, который, судя по результатам его деятельности, оказался значительно большим педантом, чем я думал поначалу. Гошин дом стоял в полукилометре от поселка, но уже вызывал сдержанное недовольство младшего высочества своим неправильным расположением, поскольку при дальнейшем расширении он попадал в городскую черту, но не в квадратно-гнездовую сетку. Но сейчас наш путь лежал к особняку в центре города, который местные называли дворцом. Предстояло пообедать, а потом на «Пересвете» лететь в Царицын, на вокзал, — в этот раз мы приехали сюда обычным путем и уезжать собирались так же.

По приезде Михаил сначала представил нам документы о сегодняшних событиях, где они изображались неудачными испытаниями новой модели самолета, и, только получив наши подписи, повел кормить.

В поезде Гоша сказал:

— Пожалуй, пора с весны начинать строиться на Дальнем Востоке.

— Но только надо заранее продумать, что под видом чего мы будем сооружать, — согласился я. — Про Находку вроде уже решили, а что за культурные объекты мы будем возводить в Порт-Артуре и около?

— Заводик по производству колючей проволоки пусть будет Обществом русско-китайской дружбы, — засмеялся Гоша, — а вот как выдать береговую батарею за библиотеку, это надо помозговать.

— Так это будет не просто библиотека, а при обсерватории, ты же у нас большой любитель их строить, — предложил я. — А телескоп — он как раз и должен быть на массивной поворотной станине и в прочном здании, устойчивом к землетрясениям, ну и к случайно залетевшим с моря снарядам тоже. Пора, кстати, прикинуть, кто, под какой легендой и где будет двенадцатидюймовые телескопы закупать.

— Ну тут особых сказок не нужно, — отмахнулся Гоша, — покупаем их мы, для «Мономах», чтобы, значит, воткнуть на носу вместо его старых восьмидюймовок. И воткнем, любовно изготовленные из лучших сортов жести и фанеры.

— Зачем так прямолинейно? Можно сделать иначе: честно и легально объявить всем, что мы хотим вооружить «Мономах» современными восьмидюймовками. И купить их, не пропадут. А через подставных лиц, но не особо напрягаясь с конспирацией, приобрести эти самые двенадцатидюймовки. Тогда будут понятны меры секретности при установке — то, что орудия всегда в чехлах и около них караул, как у Мавзолея... Типа и не надейтесь, противные, никому не выдадим военную тайну, что у нас там вместо восьми теперь стоит двенадцать! Ну а отдельно,

поначалу в трюме, будет лежать катапульта для самолетов-снарядов. Тихо так лежать, мы ее только после начала войны установим.

— А с ракетами, значит, ничего не вышло... — вздохнул Гоша.

Я в растерянности даже прикурил сигарету с фильтра.

— Как это ничего?! — возмутился я, откашлявшись. — Ракетоплан пока не выходит, согласен. Но обычные-то ракеты ты сам видел!

— Видел! И как они, улетев на пять километров, с завидной точностью ложились в эллипс километр на полкилометра, тоже видел. И кого это мы такого большого обстреливать будем?

— А еще экономист... По диагонали подсунутые тебе бумаги читаешь? Сколько будет стоить одна ракета, помнишь?

Гоша не помнил, ему эта цифра ничего не говорила. Но это ему, а я ее запомнил с первого прочтения: два восемьдесят семь! Человек моего поколения забыть такую цифру не в силах никогда, даже на смертном одре.

— Копейки, — продолжал я. — Корпус — бумажно-жестяная переклейка, сопло фарфоровое, но боеголовка несет два кило тротила. И гарантированно поражает все живое на сотке площади. Вот и посчитай, во сколько тебе обойдется продезинфицировать Ляодунский перешеек, когда туда японцы полезут. Да, кстати, ты что, и документы на создание Иркутской фарфоровой фабрики тоже не глядя подписывал?

— А чего мне туда глядеть, дело же через твой шестой отдел шло, я решил, что это какое-то прикрытие, сумма-то была небольшая.

— Сумма небольшая, но уже к лету фабрика будет делать по тридцать ракет в день, если мы ее тротилом и взрывателями обеспечим. Ну и прикинь, сколько она их наклепает за год работы.

— Надо же, — с некоторым уважением посмотрел на меня Гоша, — а ведь все были уверены, что испытания ракет кончились полным провалом.

— Вот именно! — Я поднял палец вверх. — И главное — для этого даже не пришлось ничего подтасовывать. Я всегда говорил, что чистая правда — лучший способ распространения дезинформации.

Буквально через минуту я получил возможность применить свое теоретическое построение на практике.

— Слушай, — сменил тему Гоша, — а эта Наташа, которая сержант Потапова, она ведь из Татьянинного ДОМа к Михаилу приставлена?

— Нет, — ответил я. Ну прямо как у классиков — легко и сладостно говорить правду в лицо королю! Я и продолжал гнать именно ее, родимую: — Наташа действительно была сотрудницей ДОМа. Но способностей к той работе у нее не обнаружилось, зато прорезался летный талант. И зрение у нее двести процентов, то есть идеальный пилот-разведчик. Она на него и

учится. Никаких заданий запрыгивать в постель к твоему брату ей никто не давал. Отчетов, естественно, она тоже никаких не пишет. В общем, имела место быть случайность, что они познакомились.

Когда режешь правду-матку, главное — вовремя остановиться. Поэтому я не стал добавлять, что, не будь этой случайности, через некоторое время, скорее всего, образовалась бы какая-нибудь другая...

Пока поезд неспешно полз до Георгиевска, я успел обдумать еще одну проблему, связанную с жандармским корпусом. Где-то с полгода назад возникла мысль, что наше влияние в этой организации будет совсем не лишним, и я начал прикидывать, как его можно организовать. Прямой путь — продавить назначение Гоши шефом жандармов — был признан неудачным практически сразу. Ну не любят сейчас в России жандармов, и имиджу Гоши будет нанесен большой ущерб. А если он их начнет контролировать? И время от времени произносить речи (перед этим предупредив заинтересованных лиц, чтобы не принимали близко к сердцу) о правах человека, строжайшем соблюдении законности и прочей демократии, а уж производством резиновых дубинок, слезогонки и прочих атрибутов гражданского общества придется заняться мне. Значит, контроль... Контрольная комиссия, например. Естественно, при его императорском величестве и лично ему подчиненная. Но сейчас функции контроля за соблюдением законности вроде на прокуратуре? Так, сразу по приезде срочно озадачить информбюро, чтобы обосновали необходимость еще одной такой структуры, надзирающей за жандармами и — наглеть так наглеть! — за полицией тоже. Это для публики, а с Николаем и Алисой все проще. Им достаточно подsunуть сведения хоть об одном факте связи, например, охраны с эсерами и намекнуть, что для присмотра за этими делами нужен свой человек, не со стороны... Тут, наверное, мне Мария Федоровна поможет, если попрошу. И пожалуй, с Гошей надо поделиться. Во-первых, он вполне может подсказать что-то дельное, а во-вторых, это как-никак к нему лично относится.

Я не стал откладывать дело в долгий ящик и поведал Гоше о своих соображениях за ужином. Вопреки моим опасениям он не стал возмущаться, что, дескать, его, такого высокородного, собираются пропихнуть в жандармы.

— Контроль, говоришь, — задумчиво сказал он, выслушав мои предложения. — Контролирующий орган вызывает негативные эмоции у контролируемого, а оно нам надо? В названии лучше застолбить что-нибудь более позитивное...

— Встречал я какое-то подходящее допотопное слово, вот только точно не помню... Вроде «споспешествование».

— Не знаю я, где ты такое вычитал, — поморщился Гоша, — но тут надо быть проще. Координация, например. И еще, назвать этот орган комиссией — тоже не самое лучшее. Почему не «совет»?

— Или комитет.

— Можно, только лучше добавить, по каким вопросам.

— А надо? Координационный комитет при его императорском величестве — а функции в учредительных документах.

— Тогда третье слово в название давай.

— Какое еще третье?

— Координационный комитет, сокращение два «к», произносится «кака». Быть председателем каки я не согласен.

— Ну у вас тут пока сокращают только до слогов, но все равно, ты прав, добавить надо. Пусть это будет Комитет по координации направлений работы правоохранительных органов, сокращенно — Комкон.

— Ладно, примем в качестве первого варианта. Но, возвращаясь к сути. Чтобы эта структура не вызвала отторжения у поднадзорных, от нее должна быть и какая-нибудь польза для них. Какая?

— Расширение границ законности в действиях. Это вполне возможно в случае нормальных отношений с Комконом, ведь он эту законность контролирует.

— А право на проведение собственных расследований предполагается?

— Ну как же без него, обязательно. Заодно и шестой отдел частично легализуем. Да, кстати, и обязательно нужно привлекать для расследований самих поднадзорных. Пусть жандармы изучают шашни охранки с бомбистами, а полиция роет компромат на жандармов. Ну и как дополнительный пряник — особые фонды.

— Пограничную стражу пока трогать не будем?

— Лучше не надо, рановато нам в открытую с Витте ссориться. Да и работает она в основном у него не в режиме спецслужбы, а как добывательница денег.

— Ну в общем согласен... Только одно добавление, ты уж пойми меня правильно. Полномочия и прочие учредительные документы твое информбюро сочинять будет? Так вот, я набросаю тезисы, и чтобы оно руководствовалось в работе конкретно ими. Что-то не так — сам мне доказывать будешь, что именно, по-твоему, правильней. Это мне там работать, согласен? Ты в этой структуре будешь начальником

следственного отдела.

— А вот его регламент я напишу сам, он будет для внутреннего употребления, — отыгрался я. — И если вдруг там тебе что-то не понравится, придешь ко мне и будешь меня убеждать, что вот тут и тут я ошибся.

— Ага, тебя убедишь... — вздохнул Гоша.

— Так заранее красноречие тренируй, по примеру Цицерона.

Гоша улыбнулся. Похоже, представил себе, как он выходит на высокий берег Нары и часами орет с него слова, пригодные для моего убеждения.

— И еще, — сказал он. — Нам же в связи с этой новацией придется часто мотаться в Питер. Нужен самолет, способный долететь туда без посадки. На базе «Пересвета» получится?

— Скажем так, это будет аппарат, внешне почти неотличимый от «Пересвета», я уже об этом думал. Можно рассчитывать, что к лету он будет.

Глава 33

Я отложил бумаги в сторону и, встав, прошелся по кабинету. С одной стороны, были все основания гордиться своей прозорливостью, но, как это часто бывает, не меньшие основания были и считать себя обманутым молвой обывателем.

Теперь, по прошествии полугода, было ясно, что со своей идеей подсунуть первую и едва ли не лучшую из Таниных девочек генерал-адмиралу я попал в яблочко. И объект оказался перспективным, и операция была проведена блестяще, но вот дальнейшие планы нуждались в срочной коррекции. Предполагалось с помощью новой пассии дяди Алексея получить еще несколько кораблей, а потом просто сделать его козлом отпущения за плачевное состояние флота к началу войны... Сам ты козел, сказал я себе, немолодой причем и оттого сообразительный даже меньше, чем это в среднем свойственно данному представителю фауны.

Снова сев за стол, я по второму разу перечитал отчет бывшей Аниты Цой, которая теперь под своим почти настоящим именем Ольга Оболенская вот уже полгода являлась официальной подругой генерал-адмирала.

Начинался этот документ с краткой характеристики личности дяди Алексея. Ольга категорически утверждала, что он отнюдь не дурак. Более того, она считала его абсолютно не способным ни воровать, ни брать взятки! Подарки он принимал, но только потому, что считал — их дарят ему из-за искреннего расположения, и не мог представить себе другого. В общем, его характер сформировала молодость, проведенная среди моряков, в большинстве своем простых и честных людей.

Дальше шел анализ текущего положения вещей. По словам Ольги выходило, что у Алексея сейчас нечто вроде кризиса. Он чувствует, что с флотом происходит что-то не то, но, видимо в силу недостатка образования, точно озвучить свои подозрения не может. А то, что он понимает и пытается пробить, в половине случаев вязнет в чиновничьем болоте морского ведомства. Последнее время у него просто опустились руки, вот он и проводит по полгода в Париже. А недавно Алексей начал... завидовать Гоше! В Ольгиной записи это выглядело так:

«Эх, Оля, — сказал он ей недавно, — вот помру я, старый ведь уже, и что же про меня вспомнят? Того не смог, этого не сумел... Да еще про мою личную жизнь наверняка посудачат вволю, вот и все. А племянник мой, цесаревич Георгий, ты его видела недавно, — какой молодец! Ну не

понимал он ничего в этих самолетах, сидел на Кавказе и потихоньку готовился на тот свет, но ведь не пропустил же своего инженера Найденова! И все, теперь он на коне, покоритель Пятого океана и герой. Вон мой адъютант к нему в авиацию просится... Жаль, что во флоте такого инженера не нашлось. Хотя я его и не искал, вот за это теперь и расплачиваюсь...»

Кончался отчет двумя вопросами: «Когда во флоте заведется свой инженер? И кто распускал сплетни про Алексея, а главное — зачем?»

В некотором смятении чувств я позвонил Гоше и попросил зайти — по нашим правилам таскаться с документами такого уровня секретности не допускалось. Когда он пришел, я подал ему бумагу.

— Надо же, как все обернулось, — озадаченно сказал Гоша, прочитав отчет. — Я как-то к нему серьезно не относился, а ведь действительно зря. И посмотри, как он про тебя говорит — мне даже интересно, ты уже совсем зазнался или до вечера подождешь?

— Хоть до утра, — отмахнулся я, — а делать-то что будем? Сами-то во флотских делах тоже не очень...

— Это с чего же вдруг ты ко мне во множественном числе обращаешься? — изумился Гоша. — Я действительно «не очень», а ты так, наоборот, «очень не». А относительно дяди... нам проще, у нас в авиации пока только ты да я. А во флоте за двести лет уже порядочно бюрократии накопилось, не сдвинуть просто так.

— Слушай, — вскинулся я, — а не сподвигнуть ли его на наш образ действий? Не получается у него с морским техническим комитетом или с адмиралтейством — пусть плюет на них и за свой счет хоть что-то делает как надо. А этим мы просто финансирование подрежем, Витте тут нам полный союзник, ему эта черная дыра для финансов, то есть флот, уже давно поперек горла.

— Ну откуда у него свой счет в таких количествах — полмиллиона в год и то, пожалуй, не наберется, вот и все его богатство.

— А помочь? — предложил я. — Пусть начнет, а там любящая подруга, увидев, как ее ненаглядный мается от недостатка денег, займется спекуляциями, или как там вы их называете... Сможете вы с Машей это дело повернуть, чтобы со стороны казалось, будто бы она сама такая вся из себя удачливая?

— А что конкретно ты предлагаешь?

— Да пусть хоть на одном корабле стрелять не в белый свет научатся! И нормальную приемку снарядов, опять же хоть для одного, можно организовать.

— Да, — подхватил Гоша, — и угол возвышения орудий сделать побольше, у нас уже вроде скоро нормальные дальнометры должны пойти? Вот только... ну хорошо, пусть у нас какой-то корабль будет в полной технической исправности и сможет нормально стрелять. Но ведь одних только броненосцев в Порт-Артуре будет семь, и на них все останется как было!

— На одном посмотрим, что надо сделать, прикинем, какой будет отдача и в какую сумму выльется, — пожал плечами я, — все лучше, чем ничего. Опять же Пушкин не зря говорил, что «его пример другим наука» — пусть смотрят, к чему надо стремиться. — А окончание этой фразы: «если не хочешь в штрафбат» — я решил отложить на потом. — В общем, — подытожил я, — давай поступим так. Пусть Оля, снедаемая беспокойством за любимого, наберется наглости и напишет тебе письмо, вот как раз про это самое. Ты, прочитав, поделишься со мной, а потом мы проникнемся сочувствием и съездим к твоему дядюшке в Питер, поговорить. Сойдет?

— Попробовать можно. И раз уж я сюда зашел, позволь поделиться своим недоумением по другому поводу. Твой последний проект — опять прикрытие чего-то секретного или?..

— Это ты про авиаполевую дивизию? Разумеется, прикрытие, никаких «или» тут быть не может. Прикрытие простой мысли, что в Артуре надо будет иметь какие-то свои войска, причем пехоту, лошади там годятся только на роль живых консервов. Вот эту пехоту и надо заранее подготовить.

— А два авиаполка там зачем?

— Чтоб никто не спрашивал, почему у нас столько войск, а командует ими авиационное начальство.

— Ну ладно, подам такой документ... Кто командиром будет?

— Пока не знаю. Кстати, у тебя вроде файл есть с биографиями деятелей Белого движения? Почитай, может, и тебе кто покажется подходящим.

После этого разговора мне пришлось сделать то, что я давно собирался, да все как-то не доходили руки, — прочесть «Рассуждения по вопросам морской тактики» адмирала Макарова.

Первые пять минут я пытался понять, почему тут такое длинное вступление. Где формулы, чертежи или просто схемы? Здесь что, одни слова?!

Быстро пробежав текст до конца, понял — да. Причем слова только общие — «эллипс рассеяния», например, там не упоминался! Ну значит,

адмирал советовал нападать большими силами на маленькие, а при встрече равных эскадр — навязать бой не всей вражеской ораве, а только какой-то ее части... Дальше шли откровения о том, что без угля и ремонтной базы паролод, в отличие от парусника, далеко не уплывет...

Я представил себе, как, например, инструктор пытается объяснить тактику воздушного боя одними речами, без рисунков, даже без жестов, и не употребляя цифры, — картина получилась та еще. А ведь тут все надо предельно упрощать, сложные расчеты в воздухе производить некогда!

Охваченный нехорошими подозрениями, я перешел к списку его технических нововведений. Так, колпачки из мягкой стали на бронебойные снаряды — это вроде неплохо, но, правда, в основном для выстрелов в упор... Не внедрено. Зато внедренное повергло меня в ступор. Облегченные снаряды! Это при том, что вся история морских войн была одним непрерывным наращиванием дистанции воздействия на противника... То есть в обмен на некоторое улучшение настильности и точности на малых дистанциях адмирал существенно уменьшил дальность стрельбы! Ой, дела-то какие, да при Иосифе Виссарионовиче и за куда меньшие художества... Но вроде командовал он неплохо, при нем два японских броненосца на минах подорвались? Уточнил и вообще перестал что-либо понимать. При его командовании русские вообще не минировали окрестности Порт-Артура! И только когда он сам подорвался на японской mine, сменивший его якобы безынициативный Витгефт отдал соответствующий приказ... И с чего это вдруг Макаров в водах, где возможно нахождение японских мин, плыл на своем «Петропавловске» первым? Что, трудно было какую-нибудь баржу вперед пустить?

Возникшая было у меня мысль о том, кто будет «инженером Найденовым» при генерал-адмирале, при первой же встрече с действительностью кинулась в паническое бегство, сверкая пятками.

«Так, — подумал я. — Пусть Гоша свяжется с Макаровым и попросит его описать, какие изменения в тактике морского боя последуют при появлении авиаразведки и радиостанций с телефонной связью. Если в его прогнозе не будет слов о том, что теперь адмирал во время боя должен находиться не на мостике и не в рубке, а в самом защищенном месте трюма, а его корабль должен быть где-то в середине строя и не нести адмиральских вымпелов и прочих целеуказателей, то... пусть лучше продолжает Северный морской путь открывать — дело-то какое перспективное!»

Кстати про мины — не только морские, но и сухопутные... Да их же тут еще нет! И гранат, похоже, настоящих тоже... Народ пробавляется

каким-то самопальным колхозом. Ага, значит, строящемуся заводу точной механики и это надо в номенклатуру изделий вставить кроме авиабомб и торпед...

В середине марта Гоша ознакомил меня с императорским указом о формировании Первой воздушно-ударной дивизии в составе ИВВФ. Дивизия должна была состоять из двух авиаполков и пехотной бригады. Формирование бригады возлагалось на полковника Каледина, а всей дивизии — на бригадира авиации Найденова.

— Вчера же еще полковником был, — сокрушенно покачал головой я.

— Не волнуйся, бригадир ты ненадолго, — успокоил меня Гоша. — Комдив — это генеральская должность, так что готовься. И кстати, у меня к тебе большая просьба — хотя бы при первом знакомстве с Калединым можешь сделать вид, что ты культурный и воспитанный человек?

Гоша зря беспокоился — мы с Алексеем Максимовичем практически сразу нашли общий язык. Еще на вокзале я предупредил его, что военным не являюсь, но воевать скоро придется, а с кем, когда и почему — объясню в кабинете. Там я действительно озвучил свои мысли о неизбежности Русско-японской войны, после чего выложил на стол карту Ляодунского полуострова.

— Судьба этой войны решится в Порт-Артуре, — сказал я, — и, скорее всего, сухопутная часть этого решения будет на вас. То, что вы находитесь в моем подчинении, — это просто политика, а задача вам ставится всего одна и прямо сейчас. Японцы не должны взять Порт-Артур с суши. Только это, в способах выполнения задачи вы абсолютно свободны. И еще один приказ, ознакомьтесь. Это меры по соблюдению секретности. Вот и все, мои командные функции кончились, теперь мы с вами просто командиры соседних подразделений, которым скоро придется вместе воевать. Новые образцы вооружений для вашей части посмотреть не хотите?

После полигона я пригласил гостя ужинать. Вообще в связи с повышением своего статуса я вынужден был завести повара, ну не угощать же высоких гостей стряпней местной кухарки или вовсе «Дошираком»! Повар, выписанный из Москвы, страдал от безделья и появление всякого моего гостя, подлежащего кормежке, воспринимал как профессиональный праздник. Вот и сейчас было подано нечто мне незнакомое, под названием «клопс иным манером». Впрочем, вопреки моим опасениям клопами оно не пахло совершенно. Оно блюдо представляло из себя нечто вроде блинчика

с мясом, только наоборот — в тонкий слой мяса было завернуто нечто гречневое. По моему неквалифицированному мнению, это было, во всяком случае, лучше беляша с каширского рынка.

Показ оружия произвел на Каледина сильное впечатление. Для начала он пострелял из автомата. Потом ему был продемонстрирован опытный образец пулемета Федорова, представляющий собой адаптированный под местные возможности СГ-43. Пулемет был уже почти готов, за время демонстрации ленту заело только один раз. Ну и последним номером программы был восьмидесятипятимиллиметровый миномет, в целях конспирации обозванный «легкой гаубицей».

— В остальном — выбирайте вооружение, исходя из поставленной задачи. Структура бригады — тоже целиком на вас, ограничение только одно: численность не более пяти тысяч, — сказал я, когда мы покончили с клопсами и перешли к пиву.

— Так уж прямо и одно, — улыбнулся Каледин. — Что, если я захочу, то смогу вооружить пулеметами всех?

— Если это действительно нужно, то да, — пожал плечами я. — Нет у вашего подразделения финансовых ограничений, понимаете? Только производственные, а пять тысяч пулеметов в принципе сделать возможно.

— А артиллерия?

— То же самое. Если вам вдруг понадобятся морские двенадцатидюймовки, вы их получите. Ну и все, что меньше, тоже без разговоров. Да, кстати, в штатном расписании обязательно предусмотрите взвод, а то и роту связи. Средства — полевые телефоны и переносные радиостанции.

— Переносные? — поразился Алексей Максимович.

— Именно, — подтвердил я, — только это величайший секрет, придется продумать, как, кого и когда обучать работе на них.

— Вы сказали, что на штурм полуострова японцы смогут выделить до пятидесяти тысяч человек, — задумчиво сказал Каледин. — Да, не спорю, оружие вы мне показали отличное, но все-таки пять тысяч для обороны в таких условиях — слишком мало...

— Там будет еще пара обычных дивизий, и мы с Георгием Александровичем сможем добиться их оперативного подчинения вам, — пояснил я. — Но особенных успехов от них я не жду, это будут, повторяю, самые обычные дивизии.

— Две дивизии — полковнику? — удивился Каледин. — Ладно, посмотрим... А конкретные указания о рубежах обороны, скажем — когда они будут?

— Никогда. Японцы не должны взять Порт-Артур, вот и все. А уж где для этого надо рыть окопы, у самого города, на перешейке или вовсе в Харбине, это вам виднее. Это вы мне должны сказать, где у вас будут эти рубежи, чтобы я заранее озаботился поддержкой с воздуха. Кстати, не возражаете, если я закурю?

Получив разрешение, я достал портсигар. Только теперь там был не «Аполлон», а сделанные по его образцу на фабрике «Лаферм» сигареты «Авиатор». В общем, ничего у местных табачников получилось, даже почти не хуже оригинала.

— На подготовку у нас полтора года, — продолжил я, — осенью третьего года ваша бригада должна быть полностью готова к боям и находиться на месте будущих событий. Запасами надо озаботиться заранее, с началом военных действий снабжение, скорее всего, будет сильно затруднено.

— И на какой срок создавать запасы?

— На год интенсивных боевых действий.

— Вы так говорите, будто заранее знаете все о будущей войне, — заметил полковник.

— Всего не знаю, а сроки... За год кто-нибудь уж точно проиграет войну, если и не японцы, то мы — наверняка.

Глава 34

Сразу после встречи с Калединым мне пришлось попробовать себя на роль сценариста. Пора было создавать свои художественные фильмы, аппаратура наконец-то появилась, и я сел творить. Итак, что снимать будем — «Волгу-Волгу»? Нет, пожалуй. Пока суть да дело, война начнется, так что лучше что-нибудь этакое, патриотическое. Ну тут выбор невелик, творить будем «Подвиг разведчика», потому что «Небесный тихоход» снимать еще рано.

Итак, наш героический разведчик... звать-то его как? Пусть будет ротмистр Бестужев... едет, значит, в Токио под личиной уругвайского бизнесмена. Задание — разузнать коварные планы японской военщины, ну и сорвать их потом, ясное дело. В самый раз подойдет японская экзотика, поединки на голых пятках и на катанах, гейши, харакири всякие... или брюхорезание потом? Да, попозже. А пока наш ротмистр вербует гейшу, вхожую в постель самого микадо... не, это слишком, не будем оскорблять их верноподданнических чувств, обойдемся койкой замначальника Генштаба. И вот, значит, получает эта парочка доступ к секретным документам. Пока гейша отвлекает старикашку-генерала, ротмистр особым ластиком стирает стрелки на картах, а вместо них рисует новые. Финал: началась война, японский флот выходит в море, капитаны вскрывают секретные пакеты и стройными рядами плывут в сторону Антарктиды... Вот тут и харакири вставим, на фоне пингвинов. Пожалуй, все... Хотя нет, нужен же противник! Генерал — это скорее жертва, а нужен матерый такой вражина, колоритный... Ниндзя, по стенам бегают, как мы по полу, и с мерзким визгом всех бьет ногами. В конце этот гад убивает героиню, а герой его топором... или даже вышибает мозги хитрым приемом... Мораль — смолоду занимайтесь боевым самбо! Вот так оно будет лучше. А ничего получается, подумалось мне, прямо сразу и не скажешь, Бондарчук я или Михалков. Полюбовавшись еще раз на свое творение, я отправил его в информбюро на предмет детализовки.

Вообще-то Гоша собирался привлечь для работы на киностудии Станиславского, и я в принципе был не против, но только немного потом, когда нам деньги и пленку совсем некуда девать будет. А то ведь начнет снимать какое-нибудь лебединое озеро в вишневом саду, а сейчас нужны фильмы попроще, для народа и с элементами пропаганды. Поэтому пусть пока киноискусством занимаются профессионалы, то есть информбюро

при поддержке ДОМа и шестого отдела.

Тем более что со Станиславским у меня в молодости произошла не очень приятная история. Ухаживал я за одной девушкой, театралкой. Понятно, что, несмотря на мое сопротивление, иногда я был затаскиваем в какой-нибудь храм Мельпомены... И вот как-то в гостях у ее знакомых меня спросили о нашем недавнем посещении. Пару секунд я судорожно вспоминал, где же это мы были, а вспомнив, сообщил, что театр Склифосовского мне очень понравился... Ухаживать потом пришлось уже за другой девушкой. Понимаю, что Станиславский здесь ни при чем, но пусть он пока свое искусство где-нибудь в стороне от нас оттачивает.

И ДОМ, и шестой отдел отнеслись к заданию творчески. Съемки всей японской экзотики было предложено проводить прямо на месте ее, экзотики, нахождения. Татьяна предлагала за время съемок установить по возможности тесные контакты с сотрудниками английской, американской и итальянской миссий, а шестой отдел — просто слегка пошпионить и, может быть, вербануть кого-нибудь из находящихся там европейских дипломатов. Поэтому героиню и пяток дублерш предоставила Татьяна, ну а ротмистр Бестужев и часть съемочной группы формировались из сотрудников «шестерки».

А дальше меня ждала еще одна творческая задача, правда, несколько иного плана. Его императорское высочество цесаревич Георгий наконец-то собрался поучаствовать в развитии коммерческого порта Дальний. По поводу сухого дока для торговых судов сейчас шла оживленная переписка с Витте, потому как строить его предполагалось на бюджетные средства, а вот огромный консервный завод мы собирались возводить сами. Стараниями информбюро уже расходилась реклама о том, что это будет чудо техники на основе последних изобретений инженера Найденова, так что конкурентам рекомендуется заранее слить куда-нибудь в смежные области, ибо через пару-тройку лет мы завалим весь мир непревзойденными изделиями из иваси, минтая и крабов. И бычков в томате, чуть не забыл!

Во исполнение этих планов на Ляодунском полуострове, недалеко от станции Хуицаинза, сейчас начиналось рытье огромного котлована. Кстати, поначалу у меня была мысль малость подкорректировать для большей русификации оба названия, но при внимательном изучении карты от нее пришлось отказаться, иначе мне пришлось бы засесть за лингвистику на неделю — столько там нашлось подобных слов.

Ну а будущий директор рыбокомбината уже заканчивал свою подготовку, ему оставалось только довести до автоматизма якобы имеющуюся у него безобидную фобию. То есть это был во всех отношениях замечательный человек, вот только с одной странностью. Он мог спокойно переносить кого угодно, вплоть до евреев, но монголоиды вызывали у него вспышки совершенно неконтролируемой ярости, в силу чего сразу после его приезда роющие яму китайцы вынуждены будут разбежаться, а персонал завода приедет из России. Ну пусть они ленивее и при любой возможности будут линять с работы, учиняя пьянки с шашлыками на природе. Заодно и места для аэродромов и сухопутных рубежей обороны найдут... К тому же и консервировать рыбу народ тоже будет, по железке лучше возить боеприпасы, еще и на тушенку ее пропускной способности явно не хватит. Интересно, допрет ли японская разведка, что заметная часть подвалов рыбзавода забита боеприпасами?

Через пару недель нам с Гошей предстоял путь в Питер, потому как туда должны были приплыть заказанные год назад в Германии два катамарана. Ну и побеседовать с дядей Алексеем тоже не помешает, авось что и получится.

Гоша уже поинтересовался моим мнением относительно названий наших яхт.

— Вот только можно придумать что-нибудь посерьезнее? — заметил он. — А то ведь ты их сейчас именами из насекомой фауны обзовешь...

— Конечно, можно, — не стал возражать я, — «Мор» и «Кампанелла», например.

— Э-э-э... а почему именно они?

— Так ведь утописты же! Вот и корабли пусть такими будут, то есть топят всех подряд.

Вечером я просмотрел очередные новости из загранич — все были интересные.

По сведениям Элен Со... пардон, Тейлор, японцы заказали де Хэвиленду полтора десятка самолетов и прислали десяток учеников в летную школу. То есть, как я и думал, процесс пошел...

Появились первые подробности о самолете Максима — оказывается, он проектировал шестимоторный триплан с двадцатиметровым размахом крыльев. Неужели это чудо у него еще и взлетит?

Французские газеты обсуждали состояние здоровья Сантос-Дюмона, разбившегося несколько дней назад при испытаниях своего нового самолета. Нехорошо радоваться чужому несчастью, конечно, но сделал он

это очень удачно для нас. Дело в том, что его новое детище представляло собой моноплан нормальной, то есть со стабилизатором сзади, схемы. Причем именно стабилизатором, дополнительной подъемной силы горизонтальное оперение не создавало. Он допустил всего лишь две маленькие ошибки: расположил центр тяжести точно по центру давления и снабдил свой аппарат слишком маленьким килем. Одного из этих просчетов было достаточно для получения высокой вероятности штопора, а вместе они сделали его неизбежным. Разбился Сантос-Дюмон в третьем полете, хорошо хоть не насмерть, и своим ударом об землю показал всему миру, молодец такой, насколько опасны самолеты с хвостом сзади.

Письмо же от дедушки-графа было полно оптимизма. Он закончил испытания своего LZ-2, который имел мало общего с дирижаблем, построенным в нашем мире под тем же названием. Это был четырехмоторный гигант сигарообразной формы с нормальным хвостовым оперением. Движки крепились не к корпусу, а располагались на специальной моторной палубе, что делало возможным их ремонт вплоть до замены прямо в воздухе. Граф слетал на своем детище в Швейцарию и теперь набивался в гости к нам. Естественно, я ответил полным согласием и сделал себе пометку распорядиться насчет причальной мачты. Интересно, как скоро — разумеется, со всей возможной помощью с нашей стороны — граф сможет построить нам пару-тройку цеппелинов? Нужда в них была нешуточная, первая экспедиция на Вилюй, за алмазами, многократно окупила все расходы, но дальнейшее освоение месторождений упиралось в транспортную проблему. Кстати, появление русских алмазов вызвало порядочное волнение на этом рынке, и недавно глава всемирно известной алмазной империи Де Бирс сэръ Родс начал щупать почву насчет концессии. Впрочем, Гоша с Машей заработали и на самих алмазах, и на волнениях, а теперь прикидывали варианты сотрудничества с Родсом, естественно, чтобы в результате кинуть гада. Правда, планы пока находились в стадии предварительного обсуждения.

Кроме всего прочего имелась еще одна новость. Окотилась кошка. Та самая, из современной Москвы. Интерес был в том, что произошло это событие на четырнадцатом году кошачьей жизни, причем все котята были отменно здоровы! Вот что дает перемещение через портал с последующим житьем в экологически чистой обстановке! Это ведь значит, что при желании и я теперь могу спокойно... э-э-э... котиться, относительный возраст у нас с хвостатой примерно одинаковый. Да, и недавно Татьяна озадачила меня донесением о начавших циркулировать слухах, что вдовствующая императрица и инженер Найденов... да вы не поверите! В

результате авторитет упомянутого инженера заметно попрос.

Я подумал, что в структуре СБ настала пора создавать еще один отдел, пятый по счету и третий по номеру, — режимный.

Вообще-то с самого начала Георгиевск был полузакрытым городом — приехавший туда без приглашения практически никуда, кроме улиц, да и то не всех, попасть не мог. Кроме того, к нему почти сразу подходил казачий патруль и вежливо интересовался, а чего это здесь делает господин? С недавних пор на вокзале в Серпухове был установлен телефон, по которому извозчики звонили в дежурную часть, прежде чем везти к нам кого-либо. Сами звонили, вполне добровольно, пары наглядных примеров оказалось достаточно, а им за звонки еще и платили по гривеннику. Но все это не имело единого центра управления, а зря. Да и вообще, уже случались истории. Вон пару месяцев назад один дурак явился под вечер, да так и куковал полночи на морозе, а оказался каким-то местным Кисой, то бишь предводителем дворянства... Даже вякал потом что-то возмущенно, точнее, пытался — к нему быстро приехали ребята из «шестерки» и все доходчиво объяснили. Но вообще хватит заниматься импровизациями, это не дело. Значит, пусть третий отдел создает неподалеку от Гошиной резиденции — как бы это назвать? — приемный парк, например. Огороженный участок с трактиром, рестораном и прочими увеселениями, с залом для приемов, в нем еще кино крутить можно... От моста через Нару до парка пустить автобус. Гоша пусть там раз в месяц в отведенные часы появляется. Вопить, конечно, начнет, что занят и вообще, но ничего, пусть пострадает маленько на благо Отечества. Ой, блин, да он же и меня туда припашет! Скажет, что инженер Найденов тоже та еще фигура, и не фиг филонить, так что и ты по полдня в месяц изволь отсидеть, надев мундир... Ладно, перебежусь. Может, у меня от этого хорошие манеры появятся? Или, наоборот, светское общество к моим привыкнет, посмотрим... А в этом парке пусть Танины девочки стажируются, да и ребята из шестого отдела с фотоаппаратами лишними не будут, мало ли кого и в чем потом придется убеждать! Вообще-то давно пора было такое организовать, но ничего, лучше поздно, чем никогда.

Что в этом парке еще надо? Гостиница не помешает... Ну и специальная служба по приему прошений, а то этот процесс последнее время как-то бесконтрольно прогрессирует, причем и мне тоже иногда достается! Недавно один такой проситель под колеса моей «Оки» бросился. Хорошо, что у меня резина шипованная, хоть и в сантиметре, но объехал. Оказалось, учитель местной гимназии, его по какой-то причине сосед-купчина тиранил. Помог, учителя люди полезные. Да, и самое важное чуть

не забыл! Взятки же будут совать! Вот тут надо сразу сориентировать своих служащих: брать, причем помногу и с энтузиазмом! Себе оставлять... ну, процентов десять, цифру потом уточню. То есть в этом отношении будет некая свободная территория, потому как в остальном Георгиевске этот вопрос был решен радикально. Перед занятием любой коррупционной должности человек предупреждался, что всякое несанкционированное наполнение кармана немедленно приведет к близкому знакомству с Гнидой, абсолютно без исключений. Гошу в необходимости таких мер даже и убеждать не пришлось, он насмотрелся, будучи в нашем мире. Один прецедент уже был, и в результате вовремя проведенных воспитательных действий человек глубоко раскаялся, пожертвовал на развитие авиации все свое имущество, что раз в пятьдесят превысило сумму грехопадения, и удалился замаливать свои ошибки в монастырь под Иркутском. Оттуда раз в месяц приходили письма о том, как ему замечательно живется на лесоповале, как он доволен переменой в своей жизни и Христом-Богом молит своих товарищей не доводить дело до греха, а уж если появилось такое желание, заранее следовать его примеру.

Тут я замер, пораженный внезапно пришедшей в голову мыслью. Ведь на Дальнем Востоке наверняка придется применять к кому-нибудь жесткие меры! Жаловаться начнут... Ну на месте пусть жалуются, разберемся. Но ведь и в вышестоящие инстанции будут кляузничать, по почте и телеграфу! Значит, нужно заранее в ключевых местах посадить своих почтарей и телеграфистов, чтобы любая информация с того театра могла достичь столиц только с моей санкции. Или почти любая, абсолюта тут может и не получиться... Это что, еще один отдел? Нет, пожалуй, тут работа как раз по профилю «шестерки», но вот штаты придется прилично расширить, пусть создают еще одну группу, например линейного контроля. Ё-моё, да что же это я за осел, однако? Такой пост надо в первую очередь в Серпухове создавать, а то ведь не каждый будет георгиевскими почтой и телеграфом пользоваться! Блин, вот как подумаешь, сколько всего про нас уже понаписали, а мы не в курсе, аж до печенок самокритика пробирает...

Я вытащил из принтера очередной исписанный лист и снова заколотил по клавише ноутбука. Пальцы летали легко, параграф замечательно ложился к параграфу... А еще вон не помню кто, но знаменитый, говорил, что, мол, нет мук страшнее муки слова... Странно, у меня вот сегодня с утра одно сплошное творчество, так по продуктивности и Донцову недолго переплюнуть, а я почему-то нисколько не мучился и даже не устал! Глядишь, сейчас еще какую-нибудь инструкцию составлю...

Глава 35

У одного, скажем так, популярного писателя-историка я в свое время прочитал интересное сравнение мобилизации с прыжком тигра. Значит, на первом этапе приближения к цели тигр ползет. Он не особо торопится, главное, чтобы его не было видно. Потом прыгает... ну тут, конечно, заметят. А вот успеют ли что-нибудь сделать — это большой вопрос.

В нашем случае мобилизация представляла собой двух тигров — подготовку пилотов и производство аэропланов. Оба ползли уже давно, и в процессе этого стала видна разница — первый начал уставать драть брюхо о землю. Если и дальше заставлять его пресмыкаться, прыжок получится хреноватый, пусть лучше разбежится — заметность повысится, но зато какой разгон будет! То есть подготовку пилотов пора было выводить из сумрака, пока это не начало сказываться на ее качестве.

К весне 1902 года у нас было три центра подготовки — первая летная школа в Георгиевске, вторая — в Михайловке (официально она считалась казачьим авиаполком) и аэроклуб в Москве, на Ходынском поле. Последний представлял собой яркий пример того, что может стать с авиацией, если доверить административные функции профессорам и студентам. Бардак — это было единственное цензурное слово, которое я мог произнести в адрес той конторы, и, если бы не Жуковский, давно бы я или прикрыл, или радикально перестроил лавочку на Ходынке. Там уже была одна катастрофа и несколько аварий, но, по-моему, это только добавило аэроклубу романтической популярности среди золотой молодежи Москвы. Так что там за свой счет летали богатеи, с нашей поддержкой — способные студенты и целиком за наши деньги проводились «дни открытых дверей», целью которых было выявить среди бедной молодежи пригодных к отправке в Георгиевск. Мысль Жуковского о том, что глубокие теоретические знания помогут студентам быстрее и лучше освоиться в воздухе, пока однозначного подтверждения не получила. Зато стало совершенно ясно, что от понятия «дисциплина» русский студент начала двадцатого века отстоит даже дальше, чем советский семидесятых годов! Из десятка студентов, принятых в первую школу, восемь уже с треском вылетели именно за нарушения, но я питал надежду, что из оставшихся двух все-таки удастся сделать летчиков. Причем не просто летчиков, а испытателей — вот тут их знания действительно будут необходимы. С казаками и рабочей молодежью подобных проблем пока не возникало.

Пора было озаботиться системой отбора кандидатов и их первоначальной подготовкой в местах компактного проживания этих двух категорий. Я предполагал создать сеть начальных летных школ — слово «аэроклуб» было уже скомпрометировано начисто. То есть в начальных школах учить народ на планерах — нет у нас столько моторов. В простых школах, которые на самом деле будут средними, — на «Святогорах», а Михаиловскую превратить в высшую. Выходит, давно пора было разрабатывать простой учебный планер. Я его давно и пытался сочинить, пока наконец не понял, что «уткой» такую машину не сделаешь — получится или не простой, или не учебный. А раз поджимает время, надо кончать с конструкторскими потугами и запускать в производство то, на чем учился я сам, — БРО-11. По феноменальной простоте эта машина не имела себе равных, а если еще учесть и неплохие летные качества... Причем делать у нас надо было только управление с деталями крепежа и шасси, а в остальном планер легко мог производиться любой столярной мастерской.

Значит, по минимуму: пара планеров, три инструктора, три лошади, несколько резиновых амортизаторов и лебедка — получается начальная летная школа, за один поток обучающая два десятка курсантов и способная пропускать через себя два потока в год. Таких школ нужны десятки. Дальше, инструкторов не три, а десять, планеров тоже около того и один «Святогор» — это большая начальная школа. Такая нужна в Иловле, где базируется Особый казачий отряд, еще пара штук на Урале и одна в Иркутске. Там же, в Иркутске, надо опять-таки под видом авиаполка сделать вторую высшую школу на «Тузиках», потому как сборочный филиал нашего авиазавода там был уже почти готов.

Со вздохом оторвавшись от возвышенных мыслей, я позвонил секретарю и спросил, как там сейчас Ока. Имелся в виду, к сожалению, не мой автомобиль, про который я сам знал все необходимое, а одноименная с ним речка в четырех километрах от моего кабинета. Весна в этом году выдалась ранняя, и ледоход подходил к концу, а значит, через пару дней придется приступать к испытаниям поплавковой версии «Пересвета»... Ох, как не хочется, там же холодно и мокро, в воде, но ведь не получится спихнуть это дело на кого-нибудь другого! Никуда не денешься, я сам себя так поставил, и теперь в авиации бытовало общее мнение, что инженер Найденов может все. Летать на поплавках в этом мире пока не мог никто, включая и упомянутого инженера, но все были уверены, что «никто» — это кроме него! Вот и придется мне, почитав теорию, в натуре уподобляться утке. Окунись — значит, поплавки плохие, найдем, что там не так сделано

и даже, может быть, кто в этом виноват... когда от простуды и ревматизма вылечусь.

Практика показала, что волновался я зря. Взлет с поплавков оказался столь же прост, как и с колес, а посадка даже проще, а вот в полете проявилась маленькая, но неприятная особенность — теперь, в отличие от сухопутного варианта, самолет слегка тянуло опустить нос. Так что пришлось мне в спешном порядке, прямо на берегу, изобретать триммера^[13] и тут же присобачивать их на руль высоты.

За два полета я подобрал нужный угол отгиба привинченных к плоскости жестянок, и на этом мои функции были окончены. Сдав самолет трем назначенным для его освоения летчикам и выдав инструкцию по пилотированию, которая заключалась в словах «все делать, как на колесах», я сел в «Оку» и отправился домой. Гордо так отправился, весь очень собой довольный... И не успел я отъехать от берега полкилометра, как начался проливной дождь, да еще какой! В общем, я таки промок насквозь, и следующие два дня мне пришлось посвятить лечению от тех самых простуды с ревматизмом... Впрочем, время я использовал с толком и закончил-таки проект новейшего бомбардировщика. Я уже давно к нему подступался, и вот наконец мои потуги подошли к концу.

Это был двухмоторный подкосный высокоплан с полностью закрытой кабиной. Способность отвесно пикировать по расчетам не получалась, но градусов семьдесят он, пожалуй, обеспечить сможет. Бомбы у него крепились не на внешней подвеске, а в фюзеляже, что позволяло заметно расширить их номенклатуру. Ну и бомбовая нагрузка в полтонны тоже что-то значила! Поначалу предполагалось оснащать его двумя шестидесятицилиндровыми Т-4, а по мере готовности четырехтактных звезд — ими. Скорость от своего творения я ожидал чуть за двести. Вот такой самолет, особенно если полетит не один, уже сможет нанести заметный вред и броненосцу, а уж крейсер всяко будет его законной добычей. В честь своей недавно окотившейся знакомой я назвал проект «Кошка». Теперь отдать его в КБ на детальную проработку, потом проверить, чего они там надетализировали, — и у ИВВФ появится новый самолет. Успеть бы за полтора года! Правда, «Бобик» уже почти готов и тоже сможет поднять немало, но все-таки он слабее против серьезных кораблей.

Когда, выздоровев, я принес свои чертежи в КБ, Саша Миронов с выражением скромной гордости на морде сообщил мне, что они с Гольденбергом в инициативном порядке сделали эскизную прикидку сверхтяжелого бомбардировщика. Я с интересом поглядел в их бумаги. Блин, ну прямо как в песне: «Ты их в дверь, они в окно!» С эскиза на меня

смотрело нечто до боли похожее на «Илью Муромца». Я уже открыл рот, чтобы выразить свое отношение к подsunутой мне картинке, но сдержался, ребята же хотели как лучше...

— Замечательный проект, рад за вас, — сказал я с кислой рожей, — только пару небольших замечаний можно? Вот у вас тут хвост стоит с положительным углом. Я понимаю, что от этого весовая отдача возрастает, но ведь малейшее повреждение стабилизатора — и самолету конец! Да и в болтанку он будет неустойчив. Поэтому... — Я быстро поправил угол на нулевой. — Дальше смотрим, зачем нам теперь такая площадь? Урезаем... урезали. Для сохранения центровки сдвигаем крылья на пару метров назад. И кстати, для чего вам такой тонкий профиль? Процент двенадцать спокойно можно взять, если не все тринадцать! А при такой толщине прекрасно можно обойтись и без бипланной коробки... В общем, вот так доработайте свое творение, и тогда все будет в порядке. Ну а я вам чуть поменьше аэроплан принес на детализовку.

В полдень 15 апреля 1902 года Георгиевский аэродром представлял собой не очень обычное зрелище. Не слышно было шума моторов — такое и раньше бывало в нелетную погоду, но сейчас погода была великолепной. Да и народу собралось побольше, чем в дни самых интенсивных полетов... Но при взгляде на появившуюся на краю поля причальную мачту и расположившийся неподалеку военный оркестр можно было догадаться, что за событие тут ожидается. Впрочем, мы с Гошей и без всяких догадок знали текущие координаты дирижабля с графом Цеппелином на борту с точностью до километра. Сейчас он находился между Малоярославцем и Серпуховом, до нас ему было еще двадцать минут полета. Гоша опустил бинокль.

— Уже видно, — сообщил он. Потом, глянув на спокойно стоящего меня, спросил: — А ты что не смотришь, тебе неинтересно?

— Очень даже интересно, но глаза-то ломать зачем? Ладно бы он от нас летел, тогда еще посмотрел бы. А так все равно ведь он сейчас тут будет!

Действительно, дирижабль уже приблизился настолько, что его можно было рассмотреть невооруженным взглядом. Еще десять минут — и он, снизившись, начал поворачивать около мачты.

— Один мотор совсем сдох, — сообщил стоящий рядом с нами Тринклер, — отсюда слышно, что там уже не только подшипники звенят, но и колено по картеру бить начало.

Дирижабль тем временем сбросил трос около мачты; несколько

человек подтянули его к ней и прикрепили к имеющемуся там кольцу. Воздушный корабль, приглушив моторы, начал снижаться. Вот из гондолы на тросах выпустились два якоря, и специально проинструктированная команда кинулась их крепить — день был безветренный, и дирижабль можно было зафиксировать достаточно жестко. Наконец он застыл, покачиваясь, примерно в паре метров от земли, если смотреть по низу гондолы.

Открылся люк, оттуда вывалилась веревочная лестница, и по ней быстро спустился граф. Оркестр грянул «Прощание славянки», которое я еще в прошлом году без особых угрызений совести приватизировал под авиационный марш, и под эту музыку произошла торжественная встреча. Цеппелин был по-быстрому обнят сначала Гошей, потом мной, и мы в темпе поспешили под брюхо дирижабля, руководить процессом его закрепления. Цеппелин волновался, часто ли у нас тут случаются ураганы, мы его успокаивали... В конце концов дирижабль дополнительно встал и на несколько якорей. Теперь слабый ветерок на него не действовал, а при сильном он должен был вертеться вокруг мачты на главном тросе, наподобие флюгера, волоча эти якоря по земле.

При полном одобрении графа мы сразу, еще до торжественного обеда, полезли смотреть чудо сумрачного тевтонского гения изнутри.

Дирижабль походил на сигару длиной почти в полтора метра, причем нормальной обтекаемой формы, тут Циолковскому удалось-таки донести до графа важность аэродинамики. Кроме нескольких дополнительных километров скорости это дало приемлемую управляемость, с чем в нашей истории у Цеппелина было не очень.

Гондола имела в длину десять метров и по дизайну напоминала небольшой вагон, только с крылышками. На самом деле это были не крылья, а кронштейны крепления движков, с перилами, так что по ним можно было спокойно ходить — эти отростки граф назвал моторной палубой. Так как двухтактные движки при довольно высокой мощности имели небольшой ресурс, их ремонт допускался прямо в полете, а в случае чего можно было и заменить мотор, на борту был запасной.

Все-таки осознание того простого факта, что над нами полтора десятка тысяч кубов водорода, вещь сильная, — ни малейшего желания закурить не возникало, ну вот совершенно.

Для управления машиной требовалось пять человек: капитан за штурвалом руля направления, по бокам два помощника за штурвалами рулей высоты и два механика, по одному на каждую сторону. В задней части гондолы были две каюты для отдыха смены экипажа и грузовой

отсек. Сейчас груза не было, зато смен экипажа было аж две. Баки общей вместимостью три тонны располагались вдоль киля.

Наконец слегка заморив червячка любопытства, мы спустились на землю и отправились морить другого червяка, желудочного. Для этого команда дирижабля была разделена — графа повели мы, а остальных сбежавшиеся на зрелище наши летчики. Причем повели не в летную столовую, а в трактир за пределами аэродрома, то есть явно гостей собирались поить. «Не переусердствовали бы», — с беспокойством подумал я.

— Ну, дорогой граф, — сказал я, когда мы подняли бокалы с шампанским, — поздравляю вас с установлением мирового рекорда дальности. У моих самолетов есть свои преимущества, но в этом вопросе им далеко до вашего воздушного корабля.

Граф сиял. Я его прекрасно понимал, очень даже было чем гордиться.

— Должен выразить вам свое восхищение господином Циолковским, — сообщил нам Цеппелин ближе к десерту. — Его идеи относительно аэродинамики, а особенно их демонстрации на моделях в аэродинамической трубе, очень помогли в постройке. И он поделился со мной своей мечтой относительно межпланетных полетов. Зная ваши, господин Найденов, способности и упорство, я даже начинаю думать, а не входит ли полет на Луну в число ближайших задач российской авиации?

— Ближайших — нет, — вздохнул я, — а вот наши дети, они, скорее всего, слетают. Если не дети, то уж внуки наверняка.

— Позвольте вмешаться, — поднялся Гоша. — Дорогой граф, разрешите в ознаменование вашего беспримерного перелета сделать вам небольшой подарок! — И протянул Цеппелину невзрачную бумажку, наряд на получение четырех движков Т-2. — Эти двигатели вдвое мощнее ваших, что даст не только дополнительную скорость, но, главное, возможность использовать их на неполной мощности, а это в несколько раз увеличит ресурс.

— О, это очень хорошо, — обрадовался граф, — а то во время полета у меня возникли проблемы с одним из моторов...

Тут он немного ошибался, Тринклер успел осмотреть его движки, и на самом деле у него только с одним из четырех моторов все было в порядке. Два других уже просились в ремонт, а третий — на помойку.

— И еще вопрос, — продолжил Гоша, — как вы смотрите на увеличение уставного капитала нашего акционерного общества?

Цеппелин смотрел положительно, но обсуждение деталей происходило

на непонятном мне наречии, и я вышел покурить, благо до дирижабля теперь было около километра. Красивая хреновина, вынужден был признать я. Разумеется, ее боевая ценность близка к нулю, одной зажигательной пули хватит для могучего бабаха, но не войной же единой жив человек! А так — поставить нормальные моторы — и на обслуживание вилюйских приисков... Да и недавно я прочитал, что в Польше есть какая-то шахта, в рудничных газах которой чуть ли не десять процентов гелия! Найти, купить... А если владелец окажется замешанным в беспорядках, то и просто отобрать. Наладить добычу, и над сибирской тайгой можно будет летать уже как белому человеку. То есть перед стартом не обновлять завещание, а спокойно тащить на борт ящики с сигаретами, а потом во время долгого перелета время от времени выходить на балкон и напевать песню «Над тайгою повис туман...».

Глава 36

— Все-таки жаль, что мы не строим дирижаблей, — вздохнул Гоша, когда LZ-2 с графом на борту, взрыкивая только что установленными новыми моторами, взял курс на запад.

— Зато вон скоро купим сразу три, — заметил я. — Самим все строить у нас пока руки коротки. Ладно дирижабли — мы и дюраль из Германии возем!

Ну с дюралем я несколько прибеднялся, тут все обстояло неплохо. Собственно, мы его получали практически на халяву, в счет оплаты патента. Секретить состав сплава смысла не было, его и без нас бы через год с небольшим изобрели.

— А наш дальний «Пересвет», я смотрю, почти сделан? — вернулся к местным реалиям Гоша.

— Через неделю должен полететь. Самое главное, моторы я привел в порядок.

— А что ты с ними почти месяц возился, вроде же готовые купил? — продемонстрировал полное незнание русской техники двадцать первого века цесаревич двадцатого.

— Готовы они были только в любой момент развалиться, — пояснил я. — Такую технику надо разбирать до винтика сразу после покупки.

Речь шла о производимом в единственном экземпляре ВИП-«Пересвете» для дальних перелетов. От обычного он отличался крыльями несколько уменьшенной площади и с нормальным профилем, а также качеством отделки. После лакировки все поверхности полировались, стойки были каплевидными в разрезе, колеса имели обтекатели... По трудозатратам он тянул на четыре обычных самолета. Ну и моторы у него предполагались не наши георгиевские Т-1, а похожие на них внешне от «Урала» — естественно, мотоцикла, а не автомобиля.

Когда мы, проводив графа, направились во дворец, Гоша с ехидным выражением лица осведомился:

— И что же это ты так скромничаешь, не говоришь, что тут уже у тебя дети есть? Или, хотя... — Он открыл планшетку и глянул на какую-то бумагу. — Отчество не совпадает, так это кто, внук? Ну ты даешь...

— Какой еще, в дупу, тут может быть внук? — офигел я.

— Неужели самозванец? — огорчился Гоша. — Надо же, а так все убедительно написано... и с авиацией тоже связан, весь в тебя! Или он

тебе, наоборот, прадед? На вот, почитай, от кого мне тут прошение пришло.

Я взял документ и первым делом глянул на подписи. Командир Учебного воздухоплавательного парка полковник А. М. Кованько и преподаватель оттуда же инженер-капитан В. Ф. Найденов... Небось действительно надоело ему уже всем объяснять, что он мне не родственник. И что они пишут? Ага, спрашивают, не пора ли этот парк в ИВВФ перевести, в целях расширения и улучшения... логично. И еще что у них есть наработки по аэрофотографии, ею как раз Найденов и занимается. Совсем хорошо, и как это я до сих пор до того подразделения сам не добрался? Там две с лишним тысячи человек, в наших условиях это совсем не лишнее.

— Замечательно, — отдал я документ высочеству, — сразу почти готовая еще одна летная школа и исследовательский центр кроме того. Вместо воздушных шариков мы им десяток «Святогоров» дадим и дирижабль имени графа Цеппелина, будет питерский филиал нашей конторы.

— Не любишь ты воздушные шары, — констатировал Гоша.

— А за что их любить? Летит, понимаешь, летит, а потом ка-ак лопнет! Я, еще когда в детстве книгу про Незнайку прочитал, сразу к этим аппаратам недоверием проникся.

Этой весной на Оке, недалеко от Георгиевска, чуть ниже железнодорожного моста, вдруг стало оживленно. Распугав всю рыбу, почти постоянно летали гидропланы. Пару раз они пытались потонуть, но спасательная команда оказалась на высоте. Если погода была нелетная, ерзал туда-сюда громко чухающий моторный катер. На нем проходил ресурсные испытания одноцилиндровый двухтактный дизель, он же тринклер, а сам катер в основном запускал опытные образцы торпед. Некоторые из них вели себя уже вполне прилично, но натурные пуски, то есть с поражением целей, мы решили на тихой среднерусской речке не проводить, а то тут потом не то что рыбы — головастика не найдешь. И вот теперь на берег приволокли еще один механизм, напоминающий гибрид телескопа, подъемного крана и пушки. Установив сооружение метрах в пяти от берега, техники начали тянуть к нему провода и шланги, а бригада такелажников водрузила сверху нечто вроде буквы «Н». Это были два поплавка со стальной фермой между ними; туда можно было положить груз. А все вместе являлось первым испытанием катапульты для гидропланов.

Затархтел компрессор. Минут через пять техник у манометра махнул

рукой, народ отбежал метров на двадцать. Техник дернул за рычаг, механизм зашипел, лязгнул и швырнул поплавок с перекладиной в реку. Не пролетев и трети ширины, они шлепнулись в воду, подняв тучи брызг. От берега отчалил катер и поплыл вылавливать закинутое.

— Редкий макет долетит до середины Оки, — вздохнул я. — Ну теперь по программе, сначала повышайте давление, а не поможет — будем мудрить со шкивами.

По моим прикидкам выходило, что если эта самолетометалка докинёт макет до середины, то ее хватит и на уверенный запуск «Тузика».

На седьмом пуске устройство все-таки показало приемлемую дальность.

На восьмом оно развалилось.

— Ну все нормально, — успокоил я приунывших инженеров с моторного завода, где было сделано это приспособление. — Теперь посмотрим, что тут не выдержало, добавим прочности... А пока давайте тащить это обратно. Обломки все собрали? А то, по-моему, вон в те кусты еще какая-то железяка улетела...

За обедом я рассказал Гоше об испытаниях.

— Вот видишь, как у тебя все хорошо получается, — вздохнул он. — Обещал, что испытания катапульты будут вчера, — они сегодня и произошли, чуть ли не секунда в секунду. Сейчас вот обещаешь за неделю довести прочность до ума — и я твердо знаю, что уж за две-то ты ее точно доведешь. А эти... блин, немцы, нация педантов! Второй месяц завтраками кормят!

— Опять с катамаранами что-то не слава богу?

— Вот именно. На, почитай, что они теперь понаписали... Ах да, это же по-немецки. В общем, что-то они не могут запустить тринклеры. Я им — тащите на буксире, мы сами запустим! Нет, говорят, в таких условиях мы не можем гарантировать безопасность транспортировки. Требуем послать инженеров-наладчиков.

— Ну и ладно, пошлем, в смысле пришлем, — пожал плечами я.

— Кого, Густава?!

— Ну это уж хрен им поперек всей наглой морды. Просто инженеров, причем одного не с завода, а из «шестерки». Он якобы недавно с авиационных моторов на судовые перешел. Про тринклеры-то они сами все знают, половина деталей у них и делалась, а вот наш Т-4 им покоя не дает. Так что если я прав и гансы начнут подбивать к нашим посланцам клинья, чертежики я им заранее подготовил, осталось только насчет цен проинструктировать. Кстати, ты, как финансист, мне и скажи — почему

сейчас промышленный шпионаж? Хотя бы порядок цифр.

— И не жалко будет рабочие чертежи отдавать? — поинтересовался Гоша.

— То есть как это «отдавать»? — возмутился я. — Исключительно за деньги, вот я тебя и спрашиваю, сколько требовать, десять или сто тысяч?

— Требовать можно пятьдесят, потом ужаться до тридцати, а то и двадцати. А что, документация действительно настоящая?

— Лучше, — гордо сказал я. — Есть небольшие отличия в редукторе, он шуметь будет меньше, чем то, что мы сейчас делаем.

— И все?

— Тебе мало? Не совсем все. Этот мотор будет отлично работать на стенде. На дирижабле тоже будет вызывать один сплошной восторг. Даже на аппарат вроде «Пересвета» его поставь — никаких нареканий не дождешься! А вот при установке на нормальный самолет начнутся неприятности... Нам удалось сделать так, что при резком изменении положения с горизонтального на вертикальное редуктор выходит из строя. Если получится пропихнуть такое кому-нибудь в серию — прямо сразу нам с Густавом по ордену... и пропихивателю тоже.

Когда я уже собирался к себе, Гоша спросил:

— Что, ты сегодня гостей ждешь?

— Вроде нет, если только кто-то сам припрется, — пожал плечами я, — а с чего ты это взял?

— Ну ты же при мне перед обедом отправил порученца за тремя бутылками водки!

— А, — засмеялся я, — думаешь, водку только пить можно?

— Я в больнице слышал, что ее можно и при помощи клизмы принимать внутрь, но что-то я себе с трудом представляю такие твои действия...

— Ну у вас и манеры, ваше высочество... Я всего-то собираюсь плазменную горелку испытать.

— То есть как? Всякие плазменные мечи, это же у вас фантастика... звездные войны и терминаторы вроде.

— Никакой фантастики, — наставительно сказал я, — только к этому мечу нужен источник питания в несколько киловатт мощности. Наши сварочные аппараты, конечно, и резать могут, но так себе, с носом «Мономаха» вон почти месяц ковырялись. Вот я и решил ускорить данный процесс.

— Это ты сам изобрел или?..

— Ну что у тебя сегодня за день подозрений какой-то. Разумеется, сам.

Правда, не сейчас, а лет двадцать назад, я тогда был ведущим инженером по разработке как раз такой штуки. Рабочее тело у нее — смесь этилового спирта с водой. Эх... — мечтательно вздохнул я, — помню, как тогда здорово реактив шел, особенно на природе... А уж когда секретарша случайно в цифре расхода запятую не на том месте поставила, и вовсе началось, вокруг нашего отдела весь НИИ кругами бегал.

— И что, вы ею корабли резали? — поинтересовался Гоша.

— Хуже. Танки на металлолом. А тут танков нет, и тем более нет дураков, что дикие средства на их резку пускают, так что это для кораблей. У вас же сейчас все, что крупнее байдарки, снабжено тараном! «Мономаху» вон это безобразие ампутировали, так сразу почти полтора узла скорости прибавил. А раз тут твой дядя потихоньку начал слушать умных людей, пора и к его «Светлане» присмотреться на предмет обрезания всякого лишнего. Я уже в своей Москве на всякий случай и проект заказал, что с этой «Светой» можно сделать на предмет увеличения скорости.

— Успеем?

— Не факт. Но ведь и необязательно все иметь готовым к началу войны. Появившийся к ее середине хороший крейсер тоже не помешает. Кстати, ты с Макаровым связался?

— Да, он заинтересовался нашими катамаранами, спрашивал, когда они будут готовы. И просил подробностей про авиаразведку. Про радио я ему не писал, такое лучше обсуждать при личной встрече.

— Да, пожалуй... И лучше не на словах, а прямо на деле. Как-то примерно так я это себе представляю: приплываем это мы к нему в Кронштадт на катамаране, показываем судно, в том числе и радиорубку. А в это время, тут точно рассчитать придется, пусть наш «Пересвет» вертится где-нибудь в районе Хельсинки.

— Чего? — не понял Гоша.

— Гельсингфорса, вроде так у вас это место называют. И вызывает меня по телефонной связи, типа вот прилетел куда приказали, чего дальше делать? Я с ним беседую на глазах потрясенного Макарова... Глядишь, потом с ним легче общаться будет.

— Да уж, представляю картину, — улыбнулся Гоша. — «Что это?» — спрашивает потрясенный адмирал, а ты в ответ: «Да что же, у вас во флоте народ настолько дикий, что даже адмирал радиостанции ни разу не видел?» Это я к тому, что с ним надо поаккуратнее, говорят, довольно обидчивый человек.

— А ты у нас на что? Распиши сценарий встречи, мои реплики придумай заранее... Кстати, и пусть пилотом того «Пересвета» Маша

будет, это внесет дополнительное оживление в сюжет, все равно в Питер втроем собирались лететь. Макарова опять же потом покатаем, покажем, как его корабли с неба смотрятся.

Весь следующий день я занимался математикой. Поздно, согласен, но ведь до недавнего времени я был уверен, что это уже сделал тот самый Макаров! А теперь, блин, мне за него приходится... Итак, сначала задача для двух кораблей. Дано: их скорости — раз. Какие у нас переменные в артиллерии? Предельная дальность. Скорострельность. Зависимость характеристик эллипса рассеяния от дистанции. Распределение вероятностей попадания внутри эллипса. Граничные условия — размер боекомплекта. Дальше живучесть — количество попаданий, необходимых для вывода корабля из боя, в зависимости от калибра и дистанции. Цифры, которые нужно получить, — дистанция открытия огня по калибрам и скорость сближения. Пишем систему уравнений... даже с инженерным калькулятором хрен ее решишь вовремя. Нужен графический метод, ведь учили же тебя, остолопа, в молодости, вспоминай...

Похоже, оттого, что цифры были взяты в основном с потолка, решение получилось странным: скорость сближения должна быть отрицательной. Ну да ладно, покажу это творчество адмиралу, пусть посадит кого-нибудь на доведение до ума математики — раз, и получение реальных данных, необходимых для нее, — два. Надо, пожалуй, сподвигнуть Макарова на создание комиссии, которая и изучит эти вопросы, коль уж до сих пор не удосужились.

Дальше, что ему еще предложить? В его штабе должна быть группа управления — каждому кораблю эскадры курирующий офицер с помощником, умеющим, в отличие от самого офицера, быстро считать. Тогда, например, адмирал героическим голосом отдает команду: «Эскадра, поворот все вдруг!» А офицеры, получив от помощников бумажки, начинают бубнить в трубки, каждый своему кораблю: «Эй, на таком-то, вы меня слышите? Как только я передам сигнал „Делай!“, повернете рулевое колесо вправо на три с четвертью оборота. Готовы? Точно готовы? Тогда ждите... ждите... Делай! Да делай же, твою мать!!!»

А под вечер выдалось немного времени заняться чистым искусством, впрочем, тоже с военно-морским уклоном — мне принесли сигнальный экземпляр моей первой книги. Я решил, что, прежде чем кропать романы-агитки (то есть тащить их из своего времени, понятно), надо парой нейтральных, но качественных вещей сделать себе имя. Конкретно этот том

предназначался в подарок генерал-адмиралу — в создавшейся обстановке было бы неплохо малость настроить его на возвышенный лад. Я с удовольствием полюбовался на фолиант, пролистал его, посмотрел на красивые картинки, потом снова закрыл, прикинул, красиво ли смотрится на фоне пальм дающий бортовой залп парусник, перевел взгляд выше, на золотые буквы... хорошая получилась книга, и с правильным названием:

«Георгий Найденов. Одиссея капитана Блада».

Минут пять у меня где-то внутри трепыхалась совесть, но после грозного «надо!» она притихла, а по написании бумажки «Ганечка, как-нибудь на паузе найдите в Англии начинающего писателя Рафаэля Сабатини и под каким-нибудь предлогом всучите ему пару тысяч фунтов» успокоилась окончательно.

Глава 37

Я даже не стал еще раз оглядывать свой внешний вид, во-первых, уже посмотрелся, а во-вторых, перед кем выделяться-то, все свои. Да и погоны бригадирского мундира мне лишний раз видеть не хотелось, они соответствовали полковничьим, то есть были вообще без звездочек — с такими украшениями на плечах я казался себе каким-то недомайором. Так что я просто дождался, пока не то дворецкий, не то мажордом (или это одно и то же? попугай, короче) не провякал мое имя, и вошел. Гоша с Машей уже присутствовали.

— Ах, Георгий Андреевич, с вашей стороны это просто нечестно! — поднялась мне навстречу вдовствующая императрица.

Я в последний момент удержал на языке вопрос «чего?» и просто недоуменно поднял брови.

— Вы должны были предупредить, что от вашей книги невозможно оторваться! — продолжала Мария Федоровна. — Я читала всю ночь и теперь выгляжу совершенно ужасно. Но надеюсь, вы отнесетесь к этому снисходительно...

Я присмотрелся — ерунда, нормально она выглядит, с первого взгляда больше сорока и не дашь, да и со второго больше пяти не добавишь. Но, подумав, такие мысли тоже озвучивать не стал, а вместо этого с ходу симпровизировал комплимент:

— Так это, пожалуй, и к лучшему, вы и сейчас выглядите, с моей точки зрения, совершенно ослепительно. И если бы не ваша ночь над книгой, я бы уже пропал, а так могу еще немножко потрепыхаться.

Маша показала мне большой палец, императрица благосклонно улыбнулась и пригласила к столу. За едой племянница улучила момент и шепнула мне на ухо:

— В койку сразу после обеда потащишь или отложишь до вечера? Не советую, дама с утра в предвкушении...

— Брысь, еще всякая мелочь меня учить будет, сам разберусь.

Маша фыркнула и уткнулась в какой-то салатик.

— Вы рассказали что-то смешное? — поинтересовалась императрица.

— Да так, анекдотик один, — сказал я, откладывая в сторону вилку.

— Да, мне говорили, что в вашем кругу слово «анекдот» означает очень короткую и очень смешную выдуманную историю. Очень интересно, а мне не расскажете?

Я судорожно перебрал в памяти имеющиеся там анекдоты. Репертуар получался тот еще...

— Э-э-э... Тут есть одна тонкость, — промямлил я. — Они несколько... э-э-э... специфичные.

«И чего мнусь, — подумал я, — самое время открыть даме неизвестный ей пока пласт народного творчества».

— В общем, так. Условно анекдоты можно разделить на совсем приличные, не совсем приличные, совсем неприличные и похабные. Вот вам для знакомства совсем приличный. — И я выдал самое пристойное из своего запаса: «... — Фу, поручик, вы хоть иногда носки меняете? — Иногда меняю. Но исключительно на водку!»

Мария Федоровна некоторое время непонимающе смотрела на меня, потом поперхнулась, видимо в деталях представив себе картину, и наконец расхохоталась.

— Да уж, — сказала она, отсмеявшись, — слушать истории из следующих трех групп лучше, пожалуй, будет не за обедом.

После трапезы мы с императрицей прошли в курительную комнату (интересно, она тут и раньше была или для меня организовали, чтоб не дымил где попало?). Дама начала беседу:

— Жаль, что вы не можете все свое время посвятить творчеству, у вас есть все задатки великолепного писателя, правда, по вашим речам иногда этого не скажешь. — «Не удержалась от шпильки», — подумал я. — Но, увы, я понимаю, век, в котором мы с вами живем, оставляет мало времени на изящные искусства... Я очень рада, что у вас установились нормальные отношения с Алексеем Александровичем, это достойнейший человек, большого ума, но, к сожалению, не государственного. А вот Сергей Юльевич... я знаю, вы с ним неплохо ладите. А насколько вы ему доверяете, можно поинтересоваться?

— Смотря в чем, — пожал плечами я. — В конкретных делах, например с заводом «Наваль», я ему доверял полностью — и вроде правильно делал. А вот в стратегических вопросах... тоже, конечно, доверяю, примерно вот настолько. — Я показал треть мизинца.

— Это вы слишком подозрительны, — рассмеялась императрица, — я считаю, что Сергей Юльевич достоин как минимум втрое большего доверия. Во всяком случае, в деле создания у Ники преувеличенного представления о безвыходности некоей будущей ситуации я бы на него положила... Однако мне хотелось бы уточнить одну вещь. Наверняка вы понимаете, что сразу после смены монархов необходимо будет четко отмежеваться от ошибок предыдущего царствования... Нужны будут

конкретные олицетворения этих ошибок. Так вот, я хотела бы предостеречь вас от мысли выбрать на эту роль Ники.

— Да что вы, Мария Федоровна, я даже и не думал, — вполне искренне сказал я. — Поливать грязью предшественника — не самое умное занятие, я это понимаю уж никак не хуже вас, был у меня один лысый знакомец с таким хобби, я насмотрелся. Но вот найти виноватых среди ближайшего окружения ушедшего — это, извините, святое дело, без этого никак.

— Вы уже подумали над конкретными кандидатурами?

— Пока только предварительно, особо не углубляясь, и что-то мне не очень нравятся двое из великих князей, Александр Михайлович и Сергей Александрович.

— И Сандро тоже? — удивилась императрица. — Хотя... пожалуй, вы правы, есть в нем что-то такое... Интересно. Но ведь это не весь список, как я понимаю?

— Не весь, таким коротким он быть ну никак не может. И знаете, у меня к вам просьба. Я ведь человек простой, в интригах не искушенный, по наивности могу кого-то и пропустить... Вы мне со своей стороны не поможете?

— Помогу, не волнуйтесь, — кивнула Мария Федоровна.

— Буду вам очень благодарен. И если можно, не только имена, но и в чем носители этих имен были неправы, а то вдруг я про них что-то не так подумаю?

— М-м... хорошо, я помогу вам и в этом вопросе. Думаю, где-то месяца через два мы сможем уточнить детали. Ну а теперь, мне кажется, можно слегка отвлечься и от политики, и от искусства. Вроде вы со мной хотели обсудить еще какую-то тему, кроме этих двух, или я ошибаюсь?

— Да как тут можно ошибиться, — удивился я. — Разумеется, хотел, сейчас тоже хочу, а уж как к вечеру хотеть буду, это у меня даже слов не хватает описать.

— Ну значит, — улыбнулась собеседница, — до вечера у вас есть время, придумайте недостающие слова, и, пожалуй, где-то часов в десять я не откажусь их выслушать.

— Вы меня буквально окрыляете, — сообщил я и машинально пощупал карман, на месте ли упаковка презервативов. — Так что нам, наверное, можно вернуться к молодежи?

До вечера мы как раз успели пообщаться с Макаровым. Он с интересом отнесся к моей бумажке с артиллерийской математикой, сказав,

что отдельные моменты уже проработаны, но так, как предложено, в комплексе, задача еще не решалась. И полюбопытствовал, может ли она вообще быть решена в приемлемые сроки, потому что факторов, влияющих на параметры выстрела, гораздо больше, чем задействовано у меня. Тут и температура, и износ ствола, причем по мере стрельбы они меняются. На рассеяние влияет качка, причем по-разному для разных кораблей, и даже режим работы машин. Наконец снаряды и заряды даже из одной партии заметно отличаются друг от друга.

— Но ведь мешочки с порохом можно взвешивать с точностью до десятой процента, — удивился я, — а потом досыпать или отсыпать. Снаряд, хоть его можно взвесить и измерить, подпилить вряд ли получится, зато их не составит особого труда хотя бы рассортировать и нанести прямо на поверхность поправочные коэффициенты!

— Можно, — согласился Макаров, — только кто будет этим заниматься и на какие деньги?

«А где твоя матерная докладная на эту тему? — подумал я. — Ведь когда мы недавно начали ставить на „Тузики“ пулеметы, вдруг оказалось, что при форсаже мотора резко увеличивается рассеяние, так что более чем за сто метров попасть можно только в сарай, но не в самолет. Выяснилось это утром, а уже в полдень на столе у меня была шифрограмма от Михаила — так стрелять нельзя, самолеты почти небоеспособны, срочно примите меры! И потом еще четыре бумаги разной степени возмущения, пока мы не решили проблему». Вслух же я сказал:

— Великий князь Георгий может добиться выделения средств, но ему нужно знать конкретные цифры, для начала хотя бы по одному кораблю. И еще, возвращаясь к вычислениям, я могу сделать какое-то устройство, которое будет их производить. Например, на нескольких лимбах ставятся значения параметров, и оно само выдает результат. Но для этого мне опять-таки нужно знать соответствующие цифры, хотя бы эмпирические. Можете ли вы прикинуть, во сколько обойдется их получение и кому это реально поручить?

— Все вышесказанное очень интересно, — заметил Макаров, — но ведь корабль — это не только пушки.

— Конечно, — согласился я, — это и их расчеты. А все остальное — машины с кочегарами, сам корабль с матросами и капитаном — всего лишь средство своевременной доставки пушек и их персонала к месту работы.

— Да, — сказал Макаров, — вы неплохо сформулировали. Искусство вождения кораблей в бою есть искусство вовремя оказаться в той точке, где их артиллерия будет наиболее эффективна... Хорошо, я помогу вам.

Книжка про Блада понравилась и генерал-адмиралу. Правда, он ее не читал, ему читала Ольга, но так получилось даже лучше. Процесс происходил в интерактивном режиме, адмирал то и дело раздражался комментариями, Ольга не отставала: «Ах, дорогой, я так и представляю тебя на этом мостике!» — ну и так далее. В общем, вовсю шла идеологическая подготовка адмирала к будущей крейсерской войне.

Обратно в Георгиевск мы летели с Машей, Гоша задержался в Питере для согласования с Макаровым своих дальнейших действий. Уже через час после взлета я глубоко пожалел о двух вещах. И что за дурацкая идея пришла мне в голову — оснащать ВИП-«Пересвет» глушителями? И почему я не остался с Гошей, ведь были же такие мысли? Маша трещала практически без пауз, причем пересадка ее за штурвал совершенно не дала эффекта: слишком мало внимания требовало управление самолетом.

— Какая любовь, — восхищалась эта зараза, — прямо с первого взгляда, как в романах! Он ждал ее всю свою долгую жизнь! А императрица-то за одну ночь помолодела лет на пятьдесят, не меньше... И что же теперь, Гоше тебя папой звать?

— Слушай, — наконец не выдержал я, — или дальше ты будешь восхищаться молча, или я ссажу тебя у ближайшей станции, и ты продолжаешь путь на поезде!

Маша примолкла — она была в курсе, что «Пересвет» с опытным пилотом действительно может сесть на любом пятачке.

По возвращении в Георгиевск меня практически сразу поймал Каледин.

— Георгий Андреевич, — сказал он, — я составил предварительные планы обороны полуострова и готов согласовать их с вами.

— Хорошо, давайте прямо сейчас пойдём и согласуем, — кивнул я.

В кабинете полковник выложил на стол карту.

— Вопрос вот в чем, — начал он. — Удобнее всего оборону строить на перешейке, с первой линией в районе Цзинь-Чжоу, а последней — Саншилипу. При дальнейшем отступлении мы потеряем единственное на полуострове место, пригодное для крупного аэродрома. Но тем не менее возможно иметь в виду и резервную линию, примерно от горы Танзысан до горы Тейсанцзы, а ваша авиация, хоть и с большими трудностями, сможет как-то базироваться около Чалиндзы. Дальше отступать некуда, это будет означать потерю Порт-Артура. Перешеек вполне пригоден для достаточно

долгой обороны, но только в случае отсутствия артогня с моря. И вопрос мой вот в чем: в какой мере я могу рассчитывать, что флот не допустит японские корабли в залив Цзинь-Чжоу?

— Боюсь, что ни в какой, — пожал плечами я. — Рассчитывать вы можете только на свои силы и на мою авиацию. То есть пока погода будет летной, днем японцам вообще ничего не светит, ночью в принципе могут и пострелять, но с большими проблемами. Но как только она станет нелетной...

— Два дня хорошего обстрела из крупных калибров — и оборонять перешеек будет некому, — мрачно сказал Каледин. — Против орудий калибром выше шести дюймов никакие укрепления не устоят. Можно, конечно, на время обстрела отходить, а потом снова занимать то, что останется от позиции, но я не думаю, что такое получится больше одного раза. Я помню, вы говорили, будто ограничений в средствах не будет, и прикинул количество орудий для организации береговой обороны. Нужно не менее тридцати стволов калибром не менее восьми дюймов. Насколько это реально?

— Опять боюсь, что тоже не очень, — вздохнул я, — сейчас у нас есть две восьмидюймовки, и, возможно, появятся еще две. Ну если впасть в неумеренный оптимизм, то четыре. Еще имеются старые пушки с «Мономаха» и полтора десятка шестидюймовок. Выход я вижу только один — сделать весь этот орудийный парк мобильным и сосредотачивать в нужном месте.

— Вы собираетесь поставить восьмидюймовки на колеса? — удивился Каледин.

— Почти. На железнодорожные платформы. Тут одна тонкость — стрелять можно будет только вдоль оси полотна, плюс-минус двадцать градусов. Значит, надо заранее проложить к предполагаемым позициям рельсы, и чтоб в конце они раздваивались. — Я быстро пририсовал к железной дороге несколько раздвоенных на концах отростков. — Вот примерно так, — пояснил я, — и чтобы можно было простреливать любое опасное место бухты. Разумеется, корабли в состоянии сменить позицию, но и поезду для этого потребуется ненамного больше времени.

— Та-ак, — склонился над картой Каледин, — я посчитаю примерное количество позиций и рельсов для прокладки путей к ним. Нужно еще будет заранее оборудовать наблюдательные пункты для оповещения о кораблях и для корректировки... кстати, где и когда можно посмотреть и заказать потребную для этого оптику?

— Давайте завтра устроим экскурсию, — сделал пометку в блокноте

я. — Продолжайте, пожалуйста.

— И еще в случае необходимости эти подвижные пушки смогут, подъехав поближе к переднему краю, обстреливать районы сосредоточения японцев... Да, так оборона уже переходит в плоскость возможного.

— Кстати, — вспомнил я, — у вас будет еще одно оружие против пехоты — мины-лягушки. Показать пока не могу, так что вот вам рисунок... — Я быстро набросал эскиз. — Вот такая банка прикапывается в землю, чтобы этот штырек был почти на поверхности. Каждые две за эти рычажки соединяются тросиками. Если кто-то наступит на штырек или потянет за трос, мина выпрыгивает примерно на метр вверх и взрывается, давая при этом прорву осколков. Думаю, что в радиусе пяти метров в результате этого события выжить будет проблематично.

— Интересные лягушки, — усмехнулся Каледин, — вы их так назвали за способность прыгать?

— И за зеленый цвет. Думаю, тысяч от трех до пяти таких попрыгуний к началу военных действий у вас будет. И еще, вы нужное количество пулеметов уже прикинули?

— Да. Надо двести штук — по пулеметной роте в каждом батальоне. Полный список необходимого стрелкового оружия будет примерно через неделю, а потом перейдем к артиллерии.

Глава 38

Приехавший через три дня Гоша чуть ли не прямо с вокзала пригласил меня ужинать. Мне в общем-то было абсолютно ясно, что именно ему не дает покоя, поэтому я сразу сказал:

— Сам будешь задавать вопросы или мне еще по твоей физиономии придется мысли читать? В принципе дело не больно сложное, так что решай.

Высочество решилось:

— Слушай, я, в конце концов, имею право знать... как сын, наконец. У тебя с маман — это серьезно?

— Блин, ну мне же не семнадцать лет, — возмутился я, — чтоб в таких вопросах яйцами думать! Разумеется, серьезно.

— А...

— А ты случайно не слышал, что любовь — чувство камерное и нежное? Я надеюсь, что смогу составить счастье оказавшей мне честь своим выбором даме. Все, дальнейшее обсуждение этой темы я согласен вести только в деловом ключе.

— Ну разумеется, — с облегчением согласился Гоша. — Извини, я не хотел тебя задеть... А в деловом ключе — маман просила меня выделить ей самолет, чтобы иногда летать в Георгиевск.

— Вот на ВИПе пускай и летает, — предложил я, — только экипаж надо соответствующий подготовить. Это я сделаю, будет у нас экипаж номер один.

«Так, — подумал я, — экономку теперь надо сменить на управляющего... не фиг давать повод ревновать по делу. И кстати, надо будет познакомить императрицу с Татьяной и в самых общих чертах объяснить, кто она такая. Заодно посмотреть на реакцию. Если она окажется положительной, то Мари (в процессе углубления знакомства мы, естественно, перешли на „ты“) — точно наш человек».

После ужина, не откладывая дело в долгий ящик, я вызвал из Михайловки одну из находящихся там Таниных девочек, сержанта Кузнецову, — пусть императрицу возит женский экипаж. Летает она нормально, еще потренируется конкретно на этом «Пересвете» — машина в пилотировании несложная. Второго пилота она сама себе подберет, пожалуй... Маршрут пусть изучат до последнего кустика, я уж не говорю

про места для вынужденных посадок. Парашюты... пусть тренируются хватать в охапку пассажира и прыгать с ним на одном, два раза по пятьдесят килограмм — это еще не перегруз. На маршруте посадить наблюдателей, чтобы радировали, как летит борт, и несколько групп быстрого реагирования на случай вынужденной посадки... Все. Или пропустил что-нибудь? Ну конечно, у нас-то этот «Пересвет» и охраняется, и обслуживается на уровне, а вот в Гатчине это придется организовать. И пожалуй, не к первым полетам, но нужен сменный экипаж. Берем блокнот, пишем... Очень, кстати, против склероза помогает. На чем Мари в Гатчину ездить будет, на карете? Хорош же я гусь, любовнице чуть не забыл автомобиль подарить! В нашей Москве бы меня точно не поняли. Значит, срочно делаем длиннобазную бронированную «Оку» с нормальным мотором, даже две, Гоше тоже нужно, а то эсеры уже шевелятся. И пару обычных в Питер, для охраны. Охраняет официально пусть первый отдел, это его прерогатива, а где там «шестерка» суется будет, следует отдельно подумать. Только вот ведь гадство, и Ники же придется такую «Оку» дарить, иначе неудобно как-то! Ну эту уж с георгиевским мотором, и пусть для нее «шестерка» пару водителей и столько же механиков готовит.

Однако претворение всех этих планов в жизнь требовало времени, и в середине мая императрица приехала в Георгиевск еще на поезде. Естественно, на вокзале было достаточно охраны... Я вдруг с удивлением поймал себя на мысли, что беспокоюсь не о том, что какие-либо эксцессы могут нарушить наши планы, а просто за симпатичную мне женщину. «Охренеть», — подумал я, подгоняя свою «Оку» прямо к вагону.

— Рада вас вновь видеть, господин Найденев, — сказала императрица, протягивая руку для поцелуя.

— Ваша радость ничто перед моей, ваше величество. — Я совершил предложенное действие, но тут сбоку произошло какое-то шевеление. — Минутку...

Ко мне уже подбежал сотрудник «шестерки» и шепнул пару фраз.

— Все в порядке, это просто какой-то идиот попытался нас сфотографировать, не получив предварительно санкции.

— И что? — с интересом спросила Мари.

— Да ничего особенного, слегка дали ему в ухо, говорят, что через полчаса придет в себя, — пожал плечами я. — А вот что фотоаппарат расколотили об рельсы, это они зря, нехорошо на путях мусорить.

— Строго тут у тебя, Джордж, — сообщила мне дама, когда мы уже сели в машину.

— На том стоим. — Я воткнул вторую передачу. — Тебя как везти, потише или побыстрее?

— Побыстрее. Говорят, ты, когда один, едешь с совершенно невероятной скоростью! Я тоже так хочу, — улыбнулась императрица и придвинулась поближе.

— Тогда держись крепче... да, за меня тоже можно.

Я притопил газ. Вполне умеренно, без фанатизма — чай, не Витте катаю, восьмидесяти за глаза хватит.

Сегодня у Гоши был присутственный день, то есть он обязан был, как дурак, с четырех до восьми торчать в приемном парке и слушать изъявления верноподданнических чувств, а также принимать прошения. Моя вахта была через две недели, и чувств мне, слава богу, никто пока не высказывал, да и прошений несли мало. Зато в изрядном количестве тащили кляузы — буквально с первого же приема, как будто их годами копили специально для меня.

Императрица, переодевшись и слегка отдохнув с дороги, отправилась поддерживать сына в его нелегком труде, а я остался, только мне и не хватало по собственной воле лишний раз тащиться на это сборище.

За ужином я, естественно, пропустив подробности, рассказал, кто такая Татьяна и чем она у меня занимается.

— Интересно было бы познакомиться, — вполне предсказуемо прореагировала Мари.

— Пожалуйста. — Я нажал кнопку. — Заходите, Танечка... — Я вопросительно поглядел на императрицу.

— Да, конечно, — подхватила она, — проходите к столу, Георгий Андреевич мне о вас очень лестно отзывался.

— Благодарю, ваше величество, — сделала книксен Татьяна и, подойдя, присела у края.

«Все-таки у местных здорово получается произносить „Величество“ с большой буквы, — подумал я, — а у меня все как-то выходит с маленькой... Пора тренироваться, а то станет Гоша императором, и на людях надо будет обращаться к нему со всем верноподданническим пиететом».

Как и было запланировано, ужин прошел в теплой и дружественной обстановке. Татьяна рассказала пару историй о своей службе, которые специально для этого случая сочинило информбюро, и, широко распахнув наивные глаза, выслушала в ответ сценки из жизни двора в исполнении моей августейшей гостьи.

— Ну Джордж, — сказала императрица, когда мы остались одни, — я слышала, что она красавица, но не предполагала, что до такой степени. И умница — как мастерски невинную девочку изображала! Да, тебя окружают очень интересные люди. Пожалуй, теперь я смогу лучше оценить, как непросто тебе было сделать свой выбор... А не считаешь ли ты нужным направить несколько ее сотрудниц ко мне в Питер — вплоть до того, чтобы они стали фрейлинами, например?

Я растерялся.

— Ну и зачем ты на меня так смотришь, — рассмеялась Мари, — я же понимаю, ты все равно предпринял бы какие-то шаги, дабы лучше знать, что происходит в Аничковом дворце! Вот и помогаю тебе по мере сил...

Как она меня, как щенка, одним движением! И теперь не рыпнешься, «шестерке» останется только снаружи работать, на дальних подступах. Ладно, пора и из своих козырей кое-что выкладывать...

— Спасибо, Мари, я рад, что ты с пониманием относишься к моим проблемам, — я сделал паузу, — и, надеюсь, ты не думаешь, что наши отношения остались неизвестными горному старцу.

— Да уж... и как он к этому отнесся?

— Без особого восторга, но сказал, что готов уважать мой выбор. И разрешил тебе посетить один из своих миров, где он подарил мне дом. Не подумай, что я недостаточно тобой восхищаюсь, но как бы ты отнеслась к возможности помолодеть лет на пять, а то и десять? По-настоящему, не за счет всяких ухищрений типа косметики и причесок? Аппаратура для этого находится в том доме.

— Прямо сейчас? Веди! — привстала императрица. — А старец там будет?

— Не думаю, но точно про него ничего сказать нельзя.

— Тогда подожди несколько минут, мне надо привести себя в порядок.

Пока она этим занималась, я из соседней комнаты позвонил Гоше и сказал, что намеченное на завтрашнее утро мероприятие переносится на сейчас. Портал мы собирались открывать из кабинета с потайной комнатой рядом. Гоша ответил, что он все понял и уже бежит.

Бежал он зря, «несколько минут» оказались тридцатью пятью, но наконец мы появились на месте. К открытию портала, переходу в коттедж и закрытию дыры за спиной императрица отнеслась спокойно.

Тут была ночь, и я включил свет. Мари с интересом огляделась.

— Это твой дом? — спросила она. — Дорогой, не посчитай это за упрек, но ты везде, где живешь, — живешь скромно. Ничего, я уже почти привыкла...

Она подошла к окну, посмотрела на пятна снега на улице — здесь было самое начало апреля.

— Когда-нибудь, когда все кончится, — задумчиво сказала императрица, — ты покажешь мне этот мир? Наверное, здесь все по-другому, лучше, чем у нас.

— Не сказать чтобы очень по-другому, а с моей точки зрения и не лучше, но — покажу, конечно. А пока встань, пожалуйста, вот на этот коврик.

В общем, у меня создалось впечатление, что кроме лечебных, омолаживающих и тонизирующих свойств портал обладает и еще одним. Во всяком случае, ночь, следовавшая за нашим возвращением в Гошин мир, оказалась очень насыщенной.

Когда я планировал свои дела на следующий после приезда императрицы день, я думал, что это будет в какой-то мере выходной — поспать там часов до двенадцати, потом неспешно позавтракать, в лес сходить прогуляться или по берегу Нары... Ага, разбежался. В девять я был безжалостно разбужен и вытолкан из постели.

— Дорогой, неужели ты так устал? — ехидно осведомилась императрица. — Пожалуй, в будущем мне придется как-то сдерживать свои чувства, чтобы не подрывать твоё драгоценное здоровье...

Мысленно бурча: «Да что же тут кругом одни жаворонки, блин», я поплелся умываться и вообще приводить себя в человекоподобное состояние.

После завтрака состоялась экскурсия по Георгиевску, причем было сложно сказать, кто ее проводит — императрица целеустремленно таскала меня по интересующим ее достопримечательностям.

Мы долго осматривали киностудию, в процессе чего Мари сделала несколько дельных замечаний по сценарию фильма «Подвиг разведчика».

В нашем издательстве она высказала мысль, что для малограмотных слоев населения надо выпускать специальные книжки с минимумом текста, где основной сюжет будет задаваться картинками. Все правильно, мы уже готовили к выпуску первые комиксы. Более того, Мари подчеркнула, что нужна специальная литература для детей! «Выяснить насчет Чуковского», — пометил себе я.

Потом она потребовала отвезти себя в КБ моторного завода, где минут пятнадцать расписывала Сереже Князеву, что у него не жена, а натуральное чудо. Как он при этом не растаял от восторга — мне было решительно непонятно. Да и присутствовавший при разговоре Густав оказался потрясен

настолько, что в кратком докладе мне ухитрился перепутать размерность своей четырехтактной звезды.

— Мари, — взмолился я, — вот только на аэродром сейчас не надо, а то после беседы с тобой у меня все летчики побьются!

Императрица рассмеялась и позволила отвезти себя к сыну, пообедать.

Собственно, я был уже готов к тому, что вздремнуть после обеда мне не дадут. И, как всегда, оказался прав — мы втроем еще часа три обсуждали детали предстоящего назначения Гоши главным контролером полиции, охраны и жандармерии. Потом мать с сыном начали было уточнять детали вложения ее денег в наши предприятия, но, увидев, что я заскучал, Мари быстро свернула разговор, сказав, что это можно обговорить и потом.

После ужина мы все-таки немного прогулялись по берегу Нары.

— Я так понимаю, Джордж, — сказала мне императрица, — то, что ты до сих пор не князь, свидетельствует, что тебе этот титул и не нужен?

— А на что он мне сто раз упал? — пожал плечами я. — Князей вон сколько, а инженеров Найденовых — раз, и обчелся. Разве ты обратила бы на меня хоть толику внимания, будь я просто каким-то занюханным князем? А теперь и вовсе...

— Что «вовсе»? — не поняла дама.

— Если сейчас, даже за заслуги, меня произведут в князья, обязательно найдутся организмы, утверждающие, что эти заслуги лежат в горизонтальной плоскости. А оно мне надо — шестой отдел на всяких уродах отвлекать? И так дел полно.

— Информбюро, где мы были, в числе прочего занимается и распространением слухов... — задумчиво сказала Мари. — И мне кажется, слух о том, что на самом деле ты... ну, например, сын тибетского правителя, не повредит.

— Ладно, — достал блокнотик я, — вот только разберемся, как они там на самом деле называются, и сразу в сыновья.

На следующий день я провожал свою ненаглядную. У поезда я снова обозвал ее «величеством», поклонился, когда она махнула рукой из вагона... Поезд отошел, а я остался у своей «Оки» со счастливой улыбкой на устах. Все-таки замечательная женщина! Самое главное — приезжает нечасто и ненадолго, а в гомеопатических количествах она очень даже ничего. И никакой речи не идет о том, чтобы жить вместе, а уж про женитьбу никому и в страшном сне не привидится. «В общем, и жизнь

хороша, и жить хорошо! Вот мы так и живем», — подумал я, направляя «Оку» на моторный завод.

Глава 39

Я отложил в сторону пространный доклад Михаила. Действительно, очень приятно, что он оказался прав и мое личное участие в освоении его курсантами старта с катапульт не потребовалось. Ну не хотелось мне ехать на Каспий! Вообще Михаил полностью оправдал наши с Гошей надежды — летчиком-то он оказался средним, а вот командиром и организатором незаурядным. Дело было в свойстве его даже не характера, а организма: он был совершенно неспособен интуитивно принимать правильные решения. Зато чуть подумав, он как раз принимал именно их!

Летний лагерь на Каспии, куда на четыре месяца перебазировалась летная школа, был организован в кратчайшие сроки и, судя по всему, образцово. Осенью у ИВВФ должна была появиться первая группа морских летчиков...

Следующий документ был очередным обзором развития зарубежной авиации. Самым интересным событием за подотчетный период было то, что де Хэвиленд закончил проект и приступил к изготовлению опытного образца своего пересветообразного аэроплана. Я всмотрелся в эскиз. Да, похоже, долго водить весь мир за нос схемой «утка» не получилось — уже этот самолет имел горизонтальное оперение сзади. Спереди оно, правда, тоже сохранилось, скорее всего, для придания самолету штопорной устойчивости, но это ненадолго... Так, а что это у него с нижним фюзеляжем? В отличие от моего он имел каплеобразную форму. В принципе оно бы и ладно, но эта капля развернута тупым концом назад! Уж настолько-то не знать аэродинамику де Хэвиленд не может. Значит, ему это для чего-то понадобилось, но вот из эскиза совершенно непонятно для чего. Я сделал пометку «Уточнить».

А японцы всё наращивают закупки. Причем покупают в основном моторы. Похоже, самолеты они уже как-то могут строить сами... Одна надежда, что делать они будут копии с копии «Святогора», но никаких конкретных сведений из Страны восходящего солнца не было и даже, японка мать, не предвиделось. Вряд ли съемочная группа сумеет что-нибудь разнюхать — скорее, ей дезу подсунут.

Дзинькнул звонок, и секретарь сообщил, что в приемной образовалась Татьяна. Нам нужно было утрясти последние детали по киноэкспедиции, ну и насчет командирования девочек к императрице подумать...

— Вот, — сказала Татьяна после решения киношных вопросов, — для

Марии Федоровны подготовлены пять кандидатур. Три под своими именами, их предполагается устроить прислугой во дворце. Двоим придуманы легенды, фрейлины должны иметь соответствующее происхождение.

Я посмотрел фото — ничего девочки, две так даже очень ничего... И легенды составлены грамотно, трудно будет подкопаться даже при желании. Тем более что со следующего месяца эти желания мимо Гоши никак не пройдут!

— Хорошо, действуйте. И вот что я вам еще хотел сказать... Про скорое образование Комкона вы уже в курсе? Ну что плечами пожимаете, старый я уже — что, не могу иногда и дурацкий вопрос задать? В общем, в нем будет следственный отдел, руководитель которого перед вами. Сейчас у меня две личных спецслужбы — ваша и «шестерка». Будет еще одна небольшая, третья... Я вас, Танечка, ценю и предоставляю вам возможность выбора. Либо вы остаетесь директрисой ДОМа, но в новую службу, вы уж извините, пару сотрудниц я у вас попрошу, причем лучших. Либо у меня в этом следственном отделе появляется прекрасная заместительница, но тогда в ДОМ вы должны подготовить достойную замену.

— Как там говорится, — улыбнулась Татьяна, — лучше быть первой в деревне, чем второй в Риме? В общем, останусь-ка я лучше, где была... Жалко, конечно, отдавать сотрудниц, но что тут поделаешь, в чем-либо отказать вам — это свыше моих сил. И вот вам еще в качестве небольшого сюрприза — вы еще из информбюро докладную не получали?

— Нет, а что?

— Завтра получите. Они там завистью исходят, что в шестом отделе есть силовые группы, а у них нет.

— Вот интересно, кто это там у них такой умный? И морально неустойчивый, как я понимаю... Материальчик — вот это? Ну-ка, ну-ка...

На прочтение донесения у меня ушло пять минут. Надо же, мое министерство пропаганды возомнило себя спецслужбой! Зря это они, их задача — глаголом жечь сердца людей, в крайнем случае, прилагательным, а вовсе не ножом или, извиняюсь за выражение, паяльником! А их начальник, Константин Аркадьевич, инициативу своих подчиненных не одобряет, но докладную мне все же решил подать? Осторожный человек, такое приветствуется.

— Спасибо, Танечка, вы, как всегда, на высоте. Девочку надо наградить и повысить, а этого Ромео... да ладно, пусть детские комиксы пишет, авось поумнеет на пониженном окладе. А вы подумайте, что для вас

Мария Федоровна может сделать, ну там потомственное дворянство за успехи в охране материнства или еще что-нибудь этакое?

— Шеф, а нельзя как-то так поощрить не меня, а Сережу?

— Вполне. Действительно, пора ему каким-нибудь титулом обзавестись, потому как потомственное-то дворянство у него уже есть. Граф и графиня Князевы — ничего так звучит? Ладно, это в наших силах, сделаем. А у меня для вас новое задание. Помните нашу первую встречу, когда я распинался про уникальность хорошего инженера? Так вот, в нашем поле зрения появился еще один такой. Зовут его Борис Григорьевич Луцкой, он учился в Германии, в Мюнхенском политехническом. Хорошо учился, потому как немцы не пожалели денег, чтобы оставить его у себя... Сейчас у него свое КБ в Берлине, он занимается бензиновыми двигателями, сотрудничает с Даймлером. Короче, мне почему-то кажется, что в России, а конкретно в Георгиевске, такие занятия более уместны. Задача перед вами не очень тривиальная — все-таки человек давно там живет, привык уже, да и обижен он слегка на нашу страну: пару раз предлагал России свои изобретения, однако был послан. Но когда это я вам легкие вещи поручал? Только сразу хочу предупредить, что действовать надо крайне деликатно. Никакого давления! Типа сжечь КБ, разорить, а потом выступить в роли доброго спасителя...

— Шеф, это почерк шестого отдела, а не мой, — даже слегка обиделась Татьяна.

— Я знаю, но все равно считал необходимым напомнить. В общем, он должен переехать в Россию с радостью! Если это будет связано с тем, что он найдет тут свое семейное счастье, и вообще замечательно.

— Хорошо, — кивнула Татьяна, — и, кстати, раз уж об этом речь зашла, я давно хотела вас поблагодарить. Вот уж не думала, но так получилось — вы мне мужа нашли куда лучше, чем я сама себе искала... Спасибо.

Эпилог

Татьяна ушла. Я встал, подошел к открытому окну и закурил. Завтра — третья годовщина события на Зекарском шоссе... Пора, пожалуй, подвести предварительные итоги.

Гоша из болезного не пойми кого превратился в очень влиятельное лицо. Не второе — в Российской империи такого сейчас вообще нет, — но в десятку входит точно.

Мы с ним не одни, нас поддерживает вдовствующая императрица, а это серьезно.

Русско-японскую войну предотвратить явно не получилось. Похоже, что здесь подготовка к ней идет даже интенсивнее, чем в нашей реальности.

У нас есть Особый казачий отряд Богаевского общей численностью почти в семь тысяч сабель и скоро будет бригада Каледина. Автоматы уже в серии, пулеметы и минометы близко к ней.

К войне мы сможем иметь на Дальнем Востоке до сотни «Пересветов» и как минимум столько же «Тузиков». Наверняка построим и какое-то количество «Бобиков», а главное — у нас есть основной авиазавод и два сборочных, то есть потери будут восполняться. Поспеют ли к началу войны «Кошки» — еще неясно.

«Мономах» превращен в авианесущий крейсер на шесть гидропланов. Это лето он поплавает в Черном море, а осенью, разоружившись, двинется в Порт-Артур.

Хоть и со скрипом, но производство самолетов-снарядов вроде сдвинулось с мертвой точки. Но если оно и дальше пойдет такими же темпами, у нас к войне их будет хорошо если с десяток.

Испытания авиационной торпеды кончились полным провалом — ни один образец не выдержал удара о воду. Но много ресурсов эта тема не отнимает, будем биться об нее лбом дальше...

За последний год, что мы колбасимся здесь, в Москве 2009 года не прошло и трех дней.

Москва, 2009

notes

Примечания

Манетка — маленький рычажок наподобие применяемых на современных велосипедах для переключения скоростей. В первых мотоциклах она была вместо ручки газа и ставилась на раме. От себя — газ прибавляется, на себя — уменьшается. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Аликс — императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадтская) — супруга Николая II.

Оппозит — двигатель, у которого цилиндры расположены горизонтально, головками в разные стороны.

«Гатлинг» — многоствольный пулемет конца XIX века.

В те времена на такие деньги можно было купить неплохой океанский пароход.

6

Нервюра — элемент поперечного набора крыла самолета.

Бунд — еврейская социалистическая партия, действовавшая в России, Польше и Литве с 90-х годов XIX века до 40-х годов XX века.

Генерал-адмирал — высшее воинское звание в российском императорском флоте.

«**Козел**» — в авиации так называют грубую посадку, когда после первого касания земли самолет еще несколько раз подпрыгивает.

Сандро — великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя Николая II и его приятель. Сволочь. Кто не верит, может почитать его мемуары, только внимательно, с карандашом в руках.

Московский станкостроительный завод «Красный пролетарий» известен также как «Кыр Пыр».

Северо-Американские Соединенные Штаты (США), аббревиатура применялась до середины 30-х годов XX века.

Триммер — небольшая отклоняющаяся поверхность в задней части руля или элерона летательного аппарата. Служит для уменьшения усилий в системе управления.